801-15
1934

Викторъ Острогорскій.

Р 16
б 422

БЕСѢДЫ

О ПРЕПОДАВАНІИ

СЛОВЕСНОСТИ.

Изданіе третье.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1904.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

„Бесѣды о преподаваніи словесности“ впервые были напечатаны отдѣльною книжкою въ 1885 году, а затѣмъ вышли вторымъ изданіемъ въ 1887 году. Съ тѣхъ поръ появилось не мало научныхъ трудовъ въ области литературы и новыхъ руководствъ по словесности; многія литературныя произведенія изданы для средней школы съ соотвѣтствующими комментаріями; самыя программы (по крайней мѣрѣ, въ классическихъ гимназіяхъ) значительно измѣнились. Несмотря на все это, „Бесѣды“ В. П. Острогорскаго сохраняютъ свое значеніе до настоящаго времени и остаются попрежнему полезною книгою, особенно для начинающихъ преподавателей: здѣсь они найдутъ въ высшей степени цѣнные руководящіе принципы и практическія указанія.

Основная цѣль преподаванія словесности, по взгляду покойнаго автора „Бесѣдъ“,—серьезное литературное образованіе учащихся, которое должно расширять умственный кругозоръ человѣка, вырабатывать въ немъ эстетическій вкусъ и поднимать его нравственный уровень. Сообразно съ этою цѣлью В. П. Острогорскій строитъ весь курсъ словесности, располагаетъ въ извѣстной системѣ избранный имъ литературный матеріалъ и при этомъ дѣлится съ читателями тѣми мыслями, къ какимъ привела его многолѣтняя педагогическая дѣятельность.

Въ текстѣ „Бесѣдъ“, конечно, иногда встрѣчаются анахронизмы, но и такія мѣста книги имѣютъ свою цѣнность. Современная автору постановка въ средней школѣ дорогого для него предмета заставляетъ его высказываться опредѣленнымъ образомъ, полемизировать, выражать свои желанія и надежды. Все это можетъ послужить также для характеристики личности покойнаго учителя, оставившаго замѣтный слѣдъ не только въ дѣлѣ преподаванія словесности, но и вообще въ исторіи русской школы.

Въ виду всего сказаннаго кружокъ учителей словесности, бывшихъ учениковъ В. П. Острогорскаго, редактируя настоящее изданіе „Бесѣдъ“, счелъ необходимымъ оставить текстъ почти безъ всякихъ измѣненій, и книга дополнена только библіографическими указаніями; нѣкоторыя изъ нихъ были сдѣланы самимъ авторомъ, подготовлявшимъ свой трудъ къ третьему изданію.

Бесѣды о преподаваніи словесности [1].

I.

Понятіе о словесности, какъ учебномъ предметѣ.— Въ чемъ должно выразиться литературное образованіе оканчивающаго гимназическій курсъ?

Словесность, какъ учебный гимназическій предметъ, понимаемъ мы не только въ одномъ узкомъ смыслѣ теоріи прозы и поэзіи (реторики и піитики) съ исторіей литературы. Словесность, это—все, такъ называемое, *литературное образованіе*, пріобрѣтенное юношей за его пребываніе въ гимназіи, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ и кончая седьмымъ или восьмымъ. Грамотность и грамматика, на которыя, конечно, должно быть обращено особенное вниманіе въ младшихъ четырехъ классахъ, отнюдь не исключаютъ знакомства и съ словесностью. Это литературное образованіе—на которое, особенно въ низшихъ четырехъ классахъ, гдѣ часто дается слишкомъ широкое, чуть не исключительное, мѣсто сухимъ, формальнымъ занятіямъ языкомъ, къ сожалѣнію, очень мало обращается вниманія—должно, по нашему мнѣнію, положить въ юношѣ краеуголный камень всего человѣческаго гуманнаго развитія, безъ котораго нѣтъ истиннаго образованія. Это литературное

---

[1]) Бесѣды эти въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ были прочитаны авторомъ для слушательницъ III курса (1884 г.) Петербургскихъ Женскихъ Педагогическихъ Курсовъ. Печатая эти бесѣды, авторъ, состоя уже много лѣтъ преподавателемъ словесности въ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ, имѣетъ въ виду, отнюдь не претендуя на какіе-либо новые взгляды на данный предметъ, просто подѣлиться съ читателями результатами своихъ личныхъ опытовъ и наблюденій и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить въ общей картинѣ желательный планъ занятій словесностью въ среднемъ семи- или восьмиклассномъ учебномъ заведеніи. Шаткость постановки этого учебнаго предмета въ нашихъ гимназіяхъ, неопредѣленность самыхъ требованій отъ учащихъ и учащихся и крайнее разнообразіе взглядовъ на дѣло со стороны лицъ даже компетентныхъ даютъ автору смѣлость думать, что настоящія статьи, основанныя на личномъ опытѣ, могутъ быть, до нѣкоторой степени, не лишними, хотя бы и потому, что вызовутъ обсужденіе вопросовъ, для школьнаго дѣла очень важныхъ.

образованіе, съ дѣтскаго возраста, когда душа, еще не окрѣпшая для сухихъ формальныхъ знаній, живетъ по преимуществу чувствомъ и воображеніемъ, отъ извѣстнаго воспитанія и направленія которыхъ и слагаются на всю жизнь основы характера, должно имѣться въ виду прежде всего преподавателями родного языка, и *съ самыхъ младшихъ* классовъ. Правописаніе, кстати сказать, крайне у насъ шаткое и неопредѣленное, пріобрѣтается больше всего навыкомъ глаза и уха, и грамматика, какъ это и было въ старые годы, должна сводиться въ гимназическомъ курсѣ къ самому крайнему, строго выбранному, minimum'у, предоставляя возможно болѣе широкое поле разнообразнымъ и интереснымъ занятіямъ живымъ языкомъ. Важность литературнаго образованія нѣкогда у насъ и сознавалась. Блаженныя памяти Московскій Благородный пансіонъ, ставившій именно его основою образованія, выпустилъ множество поколѣній замѣчательныхъ не только литературныхъ, но и всякихъ другихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Это же образованіе, выдвинутое впередъ и въ Царскосельскомъ лицеѣ пушкинскаго времени, сослужило подобную же службу своему отечеству и тамъ и всюду, гдѣ обращалось на него должное вниманіе. Нельзя не признать, что старое поколѣніе, напримѣръ, сороковыхъ годовъ, и говорило и писало несравненно лучше современнаго намъ юношества, и, обладая большою и разнообразною начитанностью и эстетическимъ вкусомъ, гораздо болѣе и живѣе, чѣмъ оно, интересовалось вопросами и явленіями искусства и науки. Въ старые годы литературное образованіе, развитіе дара слова, начитанность, знаніе наизусть и хорошее произнесеніе поэтическихъ образцовъ справедливо считались мѣриломъ, вообще, образованности человѣка, и отсутствіе этого литературнаго образованія у современной намъ молодежи есть, по нашему мнѣнію, одна изъ вѣскихъ причинъ современной юношеской малограмотности въ широкомъ смыслѣ слова, весьма ощутительнаго невѣжества и даже нѣкоторой апатіи къ самой наукѣ и искусству вообще. Погоня за правописаніемъ, за формальнымъ знаніемъ замораживающихъ и отупляющихъ дѣтскую душу грамматическихъ схемъ, плохо въ гимназіи усваиваемыхъ и самою-то наукою у насъ плохо разработанныхъ, всякія, до смѣшныхъ мелочей доходящія, объяснительныя чтенія и писанія сочиненій по нѣмецкимъ методикамъ совсѣмъ заѣдаютъ у насъ съ дѣтскихъ лѣтъ мысль, чувство, воображеніе; и любовь и интересъ къ родному языку, словесности, литературѣ, къ пробованію юныхъ силъ на сочиненіяхъ собственныхъ или критикѣ чужихъ — въ нашемъ юношествѣ явленіе очень рѣдкое. Не давая же юношеству литературнаго образованія въ школѣ или же отводя ему

мѣсто слишкомъ незначительное, мы тѣмъ самымъ какъ бы недостаточно признаемъ значеніе литературы вообще и лишаемъ молодое поколѣніе возможности правильнаго отношенія къ величайшимъ произведеніямъ человѣческой мысли и творчества и разумной оцѣнки послѣднихъ. Лишивъ же почти вовсе юношество литературнаго образованія, мы лишаемъ его обогащенія съ дѣтскихъ лѣтъ благороднѣйшими и возвышеннѣйшими мыслями талантовъ и геніевъ. Мы лишаемъ юношество вмѣстѣ съ тѣмъ и одного изъ величайшихъ наслажденій искусствомъ, отвлекающимъ человѣка отъ пошлости и узко матеріальныхъ буржуазныхъ интересовъ, на которыхъ часто въ настоящее время только и сосредоточивается все вниманіе молодежи, даже подчасъ, подобно намъ взрослымъ, относящейся свысока къ вопросамъ науки, искусства и жизни, выходящимъ изъ узкаго круга практической ежедневности. А между тѣмъ, оставляя дѣло, какъ оно есть, мы забываемъ, что чѣмъ ниже умственный и эстетическій уровень общества, чѣмъ онъ пошлѣе и буржуазнѣе, тѣмъ менѣе можетъ разсчитывать на это общество и само государство. Вопросъ объ умственномъ и нравственномъ подъемѣ юношества посредствомъ *школы* является вопросомъ самой существенной важности и настоятельной необходимости. А въ этомъ-то вопросѣ литературное образованіе оказало бы государству одну изъ существеннѣйшихъ услугъ. Нужно помнить, что усвоеніе юношествомъ съ самыхъ мягкихъ дѣтскихъ лѣтъ лучшихъ образцовъ родной и общей словесности— дѣло чрезвычайно благотворное и особенно интересное для учащихся. и что литературное образованіе школьное есть, такъ сказать, помимо самой жизни, одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ, при помощи которыхъ юноша пріобрѣтаетъ связь съ родиной и человѣчествомъ и „забираетъ съ собой въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ годы суроваго мужества, добрыя стремленія“, поддерживающія и предохраняющія человѣка отъ измельчанія и опошленія [1]).

Постараемся же объяснить, въ чемъ именно должно выразиться желательное литературное образованіе учащихся, оканчивающихъ полный семи-восьмилѣтній гимназическій курсъ, или, другими словами, къ какому результату должно привести все преподаваніе словесности, т.-е. языка, теоріи прозы и поэзіи и исторіи литературы:

1) Чтеніе вслухъ вполнѣ ясное, осмысленное, съ правильной по-

---

[1]) Болѣе подробное развитіе какъ этихъ, такъ и нѣкоторыхъ другихъ мыслей читатели найдутъ въ статьяхъ моихъ: *„О литературномъ образованіи, получаемомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“* (Педагогич. Листокъ Женскихъ Гимназій, 1873 г.), и *„Благія желанія“* (Женское Образ., 1877 г.).

становкой голоса и возможнымъ его развитіемъ со стороны тоновъ, гибкости и звучности.

2) Знаніе наизусть съ *выразительнымъ произношеніемъ* возможно большаго количества образцовъ стихотворныхъ и наиболѣе характерныхъ, по крайней мѣрѣ изъ слѣдующихъ русскихъ поэтовъ: Державинъ, Ломоносовъ, Хемницеръ, Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, и особенно: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Кольцовъ, Лермонтовъ, А. Майковъ, и нѣсколькихъ иностранныхъ, напр.: Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ и Гёте. При правильномъ распредѣленіи этихъ занятій по всѣмъ классамъ, о чемъ скажемъ ниже, общее число всѣхъ образцовъ, извѣстныхъ учащимся наизусть, къ окончанію гимназическаго курса должно достигать приблизительно до *двухсотъ*.

3) Развитіе дара слова, т.-е. свободной, логически послѣдовательной, возможно красивой устной рѣчи (передача содержанія извѣстныхъ литературныхъ произведеній эпическихъ и драматическихъ, а также разсужденій или критическихъ лучшихъ образцовъ, равно какъ и связный, послѣдовательный, безъ всякихъ вопросовъ, отвѣтъ по той или другой части курса теоріи словесности или исторіи литературы).

4) Письмо совершенно правильное, гладкое и легкое со стороны слога, на которомъ видно было бы вліяніе литературныхъ образцовъ; умѣнье и привычка справляться съ сочиненіемъ на заданную — конечно на знакомомъ матеріалѣ — тему. Такое сочиненіе, приблизительно, въ объемѣ не болѣе листа, написанное юношей въ два-три часа, вполнѣ покажетъ его развитіе и владѣнье языкомъ.

5) Знакомство, вполнѣ опредѣленное и основанное, непремѣнно, на знаніи образцовъ, со всѣми главнѣйшими положеніями теоріи словесности, какъ науки, а также хотя бы элементарными понятіями изъ логики и психологіи, безъ которыхъ совсѣмъ немыслимо ни знаніе теоріи ни собственное основательное сужденіе о произведеніяхъ литературы.

6) Историческое знакомство съ главнѣйшими моментами русской литературы, *преимущественно новой*, съ Пушкина и Грибоѣдова, и біографіями писателей, при чемъ, главнымъ образомъ, знакомство съ писателемъ должно сводиться къ рѣшенію слѣдующихъ главнѣйшихъ вопросовъ: a) какъ смотрѣлъ поэтъ на свое собственное дѣло поэзіи, свое поэтическое призваніе; b) какъ смотрѣлъ на жизнь, т.-е., какъ къ ней относился, съ какимъ чувствомъ, какія стороны жизни, свѣтлыя или темныя, изображалъ; c) что именно своею дѣятельностью внесъ въ литературу, т.-е. какіе живые типы, изображеніе какихъ именно явленій жизни или какое особое направленіе, и d) нѣтъ ли какихъ особенностей въ его изложеніи и содержаніи вообще? Думаемъ при этомъ,

что при разумной постановкѣ дѣла отъ оканчивающаго гимназическій курсъ юноши должно требовать знанія нѣкоторыхъ наиболѣе образовательныхъ писателей и иностранныхъ, а именно слѣдующихъ: Гомера, Эсхила, Софокла, Ѳеокрита, Еврипида, Горація, Виргилія, Данта, Сервантеса, Шекспира, Мольера, Лессинга, Шиллера, Гёте, Байрона, Вальтеръ Скотта и Диккенса. Если гимназія, по недостатку времени, и не можетъ познакомить юношей съ этими писателями подробно въ классѣ, то она, по нашему мнѣнію, непремѣнно должна хоть указать на этихъ писателей, чтобы юноша не оставался невѣждой и могъ ознакомиться съ ними самъ путемъ чтенія внѣкласснаго, хотя бы съ нѣкоторыми главнѣйшими произведеніями. Всѣ эти писатели есть, напр., у Галахова и Филонова, а также въ доступныхъ классныхъ изданіяхъ, имѣющихся въ училищныхъ библіотекахъ. Возбудить интересъ къ знакомству съ великими міровыми поэтами и охоту читать ихъ самому, читать про себя, съ цѣлью восполнить свое образованіе, возбудить уваженіе къ ихъ великимъ личностямъ, выучить разумно читать произведенія великихъ поэтовъ — прямое дѣло общеобразовательнаго заведенія, особенно въ той странѣ, гдѣ, какъ у насъ въ Россіи, культура, сравнительно съ Европой, слишкомъ ничтожна, а литература художественная самостоятельная насчитываетъ всего только какія-нибудь шестьдесятъ лѣтъ существованія [1]).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ знаній и получится у юноши, выходящаго въ жизнь на пользу своей родинѣ, особенно желательное душевное настроеніе, которое мы назвали бы *этико-эстетическимъ*. Это настроеніе выразится въ любви къ литературѣ родной и общечеловѣческой, въ уваженіи къ великимъ литературнымъ дѣятелямъ, къ уму, таланту; въ извѣстномъ, такъ недостающемъ юношеству въ настоящее время, идеализмѣ, т.-е. нравственной требовательности, отвращеніи ко всему дурному и пошлому и стремленіи ко всему возвышенному, благородному, въ любви къ человѣку и родинѣ, въ желаніи служить ей по мѣрѣ силъ. Это этико-эстетическое настроеніе, съ одной стороны, направитъ и укрѣпитъ волю ко всему доброму; съ другой, — при развитіи критическаго ума и эстетическаго вкуса, поможетъ юношѣ правильно и разумно относиться и къ явленіямъ самой жизни и къ произведеніямъ литературы, въ которой онъ будетъ знать, чего искать и чего держаться, а не рабски относиться ко всякой печатной книжкѣ, какъ это зачастую и бывало, когда совсѣмъ не подготовленная къ кри-

---

[1]) См. статью мою въ Педагогич. Листкѣ Женскихъ Гимназій, 1874 г. *„Писатель, какъ предметъ класснаго и внѣкласснаго изученія“*.

тической оцѣнкѣ и не развитая этико-эстетически молодежь пускалась устраивать свою собственную жизнь по шаблону послѣдняго тенденціознаго романа или пьесы и тѣмъ нерѣдко губила или спутывала и себя и другихъ. Вмѣсто того, чтобы безплодно сокрушаться о паденіи нравовъ, бранить ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей безшабашнаго и безъидейнаго нашего времени, а то и жестоко карать ихъ за свои же ошибки, школа должна серьезно озаботиться имѣющимися въ ея рукахъ средствами поднять умственный и нравственный уровень учащейся молодежи. Школа должна всегда помнить золотыя слова старика Монтаня: Ce n'est pas une âme, ce n'est pas un corps qu'on dresse, c'est un homme (Essais I, 314) —„воспитывай не душу, не тѣло, воспитывай человѣка". Прежде всего школа должна научить своего воспитанника хорошо мыслить, чувствовать, а слѣдовательно и хорошо жить. Чтобы не замкнуться въ самомъ мягкомъ возрастѣ въ опутывающую тину мелочей, юноша, по словамъ Гёте, долженъ

Себѣ героя выбрать образцомъ,
Чтобъ вслѣдъ за нимъ прокладывать къ Олимпу
Тяжелый путь...—

чтобы изъ каждаго юноши вышелъ

Мужъ доблестный и добрый, для служенья
Богамъ безсмертнымъ нужный на землѣ.

Но что же, могутъ спросить насъ, мы ничего не говоримъ о грамматикѣ? Неужели мы чуть не вовсе исключаемъ ее изъ гимназическаго курса ради идеальныхъ цѣлей? Избави Богъ! Мы вполнѣ признаемъ ея необходимость какъ для обученія правописанію, такъ въ нѣкоторой степени и формальное логическое ея значеніе, но мы только требуемъ возможнаго ея суженія до minimum'а; мы только желаемъ, чтобы *не ей, а литературному образованію было предоставлено первое мѣсто,* чтобы въ дѣлѣ обученія родному языку практическимъ занятіямъ, навыку, привычкѣ, по возможности, съ меньшимъ толкованіемъ отвлеченныхъ грамматическихъ схемъ, нисколько не интересныхъ и малопонятныхъ въ дѣтскомъ возрастѣ, былъ данъ широкій просторъ, тѣмъ болѣе, что въ младшихъ классахъ нашихъ гимназій въ настоящее время, кромѣ русской, самымъ строгимъ образомъ проходятся цѣлыя четыре грамматики чужихъ языковъ. Русская грамматика должна быть, по нашему мнѣнію, только лѣсами, на которыхъ строится правописаніе, и ничѣмъ болѣе. Достигнуто, при помощи навыка и грамматики, это правописаніе,— и лѣса снимаются, чтобы оставить одно зданіе.

II.

Общія и спеціальныя требованія отъ преподавателя русскаго языка и словесности.

Выставивъ въ общихъ чертахъ тѣ желательныя требованія, которыя ставимъ мы по предмету словесности молодому человѣку, оканчивающему полный курсъ гимназіи, остановимся на самомъ существенномъ условіи удовлетворенія этимъ требованіямъ. Совершенно ошибочно думаютъ у насъ многіе педагоги, что все дѣло тутъ въ программахъ и всякихъ объяснительныхъ запискахъ, ставящихъ преподаванію словесности извѣстныя опредѣленныя рамки. Разумная постановка общаго плана преподаванія и приблизительный опредѣленный выборъ и даже распредѣленіе по классамъ учебнаго матеріала, особенно такого растяжимаго, какъ словесность, конечно, необходимы, и мы подробно будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующихъ бесѣдахъ; но, для сообщенія юношѣ указаннаго нами *литературнаго образованія, прежде всего должны быть литературно образованы сами учителя* родного языка и словесности, — и не только такъ, какъ желательно образовать учащихся, но и въ гораздо большей степени, при чемъ эти учителя должны для полнаго успѣха дѣла обладать еще нѣкоторыми особыми качествами. Если же лица, преподающія русскій языкъ и словесность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ограничиваются въ своемъ собственномъ образованіи хотя бы и солиднымъ, основательнымъ знаніемъ церковно-славянской и русской грамматики, исторіи русской литературы, преимущественно древней, до XVIII вѣка, кое-какими отрывочными свѣдѣніями изъ всеобщей литературы да знакомствомъ съ методиками преподаванія родного языка въ младшихъ классахъ, какъ это въ настоящее время очень часто бываетъ, то, какихъ программъ ни давай, какихъ разъяснительныхъ записокъ ни пиши, преподаваніе словесности никогда не станетъ на ту твердую, серьезную и плодотворную почву, какой требуемъ мы въ нашей бесѣдѣ. И точно: ни по одному общеобразовательному предмету не было и не бываетъ у насъ столькихъ собраній учителей, столькихъ особыхъ комиссій, какъ именно по преподаванію родного языка и словесности. И между тѣмъ до сихъ поръ ничего опредѣленнаго по этому вопросу почти не выработано, и литературное образованіе въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, въ нашемъ юношествѣ почти не существуетъ. Мало того, въ самой средѣ педагоговъ зачастую слышится сомнѣніе не только въ необходимости и возможности дать это образованіе, но даже въ самой полезности послѣдняго. Нужно же

наконецъ, признать что-нибудь одно: или это литературное образованіе—ненужная роскошь, недостижимый идеалъ, созданный непрактическими мечтателями, — и тогда нужно оставить дѣло, какъ оно есть; или же это литературное образованіе настоятельно необходимо, — и тогда нужно начинать съ учителей, выяснить прежде всего, съ какою подготовкою, при какихъ условіяхъ учитель съ полною гарантіею успѣха можетъ взять на себя руководство литературнымъ образованіемъ юношества. Оговоримся заранѣе, что подготовка эта совсѣмъ исключительная, сравнительно съ учителями, напримѣръ, математики, физики, географіи, гдѣ самый предметъ и его учебный матеріалъ гораздо опредѣленнѣе и спеціальнѣе. Хорошимъ учителемъ такихъ предметовъ можетъ быть даже человѣкъ не особенно, вообще, развитой и образованный, но основательно изучившій свой предметъ и его методику. Хорошимъ учителемъ родного языка и словесности, по нашему мнѣнію, быть гораздо труднѣе, чѣмъ всякаго иного предмета, и если это часто забываютъ или, боясь трудностей, игнорируютъ, то объ этомъ не мѣшаетъ вспомнить и, въ виду важности вопроса, передъ трудностями не останавливаться.

Чтобы съ успѣхомъ взять на себя руководство литературнымъ образованіемъ юношества, начинающимся, какъ мы говорили ранѣе, непремѣнно съ младшихъ классовъ, учитель прежде всего долженъ быть человѣкомъ *образованнымъ, развитымъ возможно болѣе всесторонне*, до нѣкоторой степени энциклопедистомъ, потому что художественная литература касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ и настроеній души, самыхъ различныхъ явленій жизни человѣка и даже природы по отношенію къ послѣднему. Позволимъ себѣ высказать прямо, что отъ желающаго занять въ гимназіи мѣсто учителя родного языка не только въ старшихъ классахъ, но и младшихъ необходимо прежде всего требовать университетскаго образовательнаго ценза. Если такой цензъ желателенъ вообще для всѣхъ преподавателей средняго учебнаго заведенія, то онъ уже совершенно *необходимъ* для учителя такого предмета, который, кромѣ передачи знаній формальныхъ, имѣетъ еще высокую цѣль дать юношѣ *этико-эстетическое* развитіе, воспитать извѣстное общее настроеніе. Отъ женщинъ, поступающихъ учительницами родного языка въ гимназіи, слѣдуетъ, конечно, требовать окончанія курса въ соотвѣтствующихъ университетскимъ высшихъ курсахъ.

За этимъ общимъ требованіемъ *образованности* слѣдуютъ знанія уже, такъ сказать, спеціальныя:

1) Основательное знакомство съ *логикой, психологіей* и хотя бы съ главнѣйшими моментами *исторіи философіи* (Платонъ, Аристотель,

эпикурейцы, стоики, сущность средневѣковой схоластики, Декартъ, Бэконъ, Локкъ, французскіе энциклопедисты, нѣмецкая философія и нѣкоторые англійскіе мыслители новѣйшаго времени). Этого рода знанія, помимо своего высокаго значенія для умственнаго развитія учителя, необходимы еще и потому, что безъ знакомства съ исторіей философіи для самого учителя не ясны какъ литература древняго міра, такъ и многія явленія исторіи всеобщей литературы новой, напр., Дантъ и XVIII в. Да и русской литературы екатерининскаго времени не объяснить ученикамъ безъ объясненія сущности ученія энциклопедистовъ. Имена: Аристотель, Локкъ, Руссо, Вольтеръ; слова „схоластика“, „эпикуреизмъ“, „энциклопедисты“ много разъ попадаются даже въ самомъ учебникѣ Галахова, почти обязательно принятомъ въ гимназіяхъ, и было бы болѣе чѣмъ странно, если бы самъ учитель оставался въ блаженномъ невѣдѣніи такихъ, можно сказать, элементарныхъ понятій для всякаго образованнаго человѣка.

2) Знаніе общаго хода понятій эстетическихъ, начиная съ Аристотеля, и знакомство съ новѣйшею эстетикой (Фишеръ, Эккардтъ, Тэнъ, Каррьеръ, Готшаль), съ теоріею прозы и поэзіи.

3) *Исторія* всеобщая и русская, въ смыслѣ пониманія характера значенія и духа главнѣйшихъ эпохъ, совпадавшихъ съ особымъ оживленіемъ или характерностью литературы, напр., вѣкъ Перикла, Августа, рыцарство, византійство, возрожденіе, Англія и Испанія въ XVI вѣкѣ, Франція при Людовикѣ XIV, восемнадцатый вѣкъ, первая половина текущаго столѣтія; древній бытъ русскихъ славянъ, удѣльно-вѣчевой укладъ, татарщина, московское царство, эпоха Петра, Екатерины, Александра I.

4) *Исторія литературы всеобщей*, хотя бы въ самыхъ выдающихся моментахъ, напр., характеръ литературы Индіи; Гомеръ, трагики; Аристотель, Ѳеокритъ, Анакреонъ, Пиндаръ, антологіи; золотой вѣкъ — Виргилій, Горацій; Ювеналъ; Дантъ; провансальская поэзія; Сервантесъ, Шекспиръ, Мильтонъ, Свифтъ, Дефо, Ричардсонъ, Фильдингъ, Гольдсмитъ, Стернъ, Байронъ, Диккенсъ, Теккерей; Раблэ, Расинъ, Корнель, Мольеръ, Лафонтенъ, Бомарше, Монтескье, Беккаріа, Альфредъ де Мюссе, Бальзакъ, Гюго, Жоржъ-Зандъ, Флоберъ; Лессингъ, Шиллеръ, Гёте, Бюргеръ, Уландъ, Гейне, Ауэрбахъ, Фрейтагъ. Помимо знакомства съ общимъ ходомъ литературы и особенно направленіями, псевдоклассицизмомъ, сентиментализмомъ, романтизмомъ, натурализмомъ, учителю необходимо хорошо знать по крайней мѣрѣ всѣхъ названныхъ писателей и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые, какъ французскіе псевдоклассики, Стернъ и Ричардсонъ, нѣмецкіе романтики или

Байронъ, имѣли вліяніе на литературу русскую. Литературная начитанность по всеобщей литературѣ, къ сожалѣнію, очень часто бѣдна не только въ нашемъ образованномъ обществѣ, но даже и у преподавателей словесности. Многіе ли изъ нихъ (будемъ откровенны), разбирая, напримѣръ, хоть „Недоросля“ въ связи съ „Наказомъ“ или сочиненія Екатерины, знаютъ, хоть въ переводѣ, этого Монтескье, Беккарія или Локка, которые такъ близко связаны съ литературой екатерининскаго времени; или, разсматривая въ старшемъ классѣ хоть поэмы Пушкина и байроновское вліяніе на послѣдняго и особенно на Лермонтова, основательно знаютъ этого самаго Байрона? На близкомъ знакомствѣ съ великими писателями Запада мы особенно настаиваемъ, какъ въ смыслѣ эстетическаго развитія учителя, такъ и по неразрывной связи явленій новой русской литературы съ явленіями литературы западной. До сихъ поръ чаще попадается у преподавателей словесности, особенно изъ духовныхъ академій, знаніе литературы классической, греко-римской; но этого знанія, въ виду все большаго и большаго изученія учениками литературы новой на счетъ древней, поставляемой нынѣ въ программахъ относительно въ тѣсныя рамки, — недостаточно.

5) Основательное, спеціальное знаніе исторіи литературы русской, народной, древней письменной, XVIII вѣка и новой, при знакомствѣ съ послѣдними серьезными изслѣдованіями литературы XIX вѣка, напр., трудами А. Н. Пыпина, Веселовскаго и др. (славянофильство, западничество, гоголевскій періодъ русской литературы). Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель долженъ быть хорошо знакомъ съ біографіями и сочиненіями не только главнѣйшихъ русскихъ писателей, но и второстепенныхъ, какъ, напр., Батюшкова, Языкова, а также и съ критикою (Бѣлинскій, Добролюбовъ, А. Григорьевъ, Дружининъ, Анненковъ и др.) и новѣйшими писателями [1]). При этомъ учитель долженъ быть знакомъ съ тѣми указаніями, что̀ изъ новыхъ русскихъ писателей наиболѣе пригодно для чтенія юношеству, которыя сдѣланы въ послѣднее время педагогической литературой.

6) Основательное знаніе церковнославянской и русской грамматики, учебниковъ по грамматикѣ и языку въ низшихъ классахъ, методическихъ руководствъ по языку и словесности, а также существующихъ хрестоматій.

---

[1]) Въ настоящее время можно рекомендовать «Программы домашняго чтенія» — на четыре года занятій, изд. Московской Комиссіи по организаціи домашняго чтенія; здѣсь можно найти не только подробную библіографію по необходимымъ для учителя словесности отраслямъ знанія, но и руководящіе вопросы и указанія къ курсу литературы. *Ред.*

7) Знаніе общихъ пріемовъ выразительнаго чтенія и собственное умѣнье и навыкъ выразительно читать какъ прозу, такъ и стихи.

За такой совершенно необходимой *теоретической, научной* подкладкой отъ учителя языка и словесности требуются еще и нѣкоторыя особыя качества *личныя*, отъ которыхъ въ значительной степени зависитъ успѣхъ дѣла. Такими качествами мы считаемъ:

1) Быстрый *критическій умъ*, который помогалъ бы руководить учащимися, не давалъ бы самому учителю разбрасываться въ подробностяхъ и мелочахъ, уходить въ ненужную болтовню и множество руководящихъ, наводящихъ и иныхъ вопросовъ, а сразу останавливалъ учащихся на существенномъ.

2) *Эстетическій вкусъ*, нѣкоторая, такъ сказать, поэтическая жилка, которая, затрогивая душу самого учителя, увлекала бы и учениковъ, давая имъ чувствовать красоту произведенія. Въ дѣлѣ сообщенія литературнаго образованія—въ рукахъ учителя не сухія научныя схемы, а творческіе образы дѣйствительной жизни или фантазіи цѣлаго народа и отдѣльныхъ поэтовъ, въ которые творцы ихъ вложили свою душу. Надо умѣть дать почувствовать и эту душу и эти образы. А, кромѣ того, критическій умъ и эстетическій вкусъ такъ важны при оцѣнкѣ письменныхъ работъ, на которыхъ юноша, иногда талантливый, пробуетъ свои силы. Между юными питомцами школы, даже въ самыхъ младшихъ классахъ, нерѣдко попадаются натуры чрезвычайно даровитыя, поэтическія, которыя очень легко забить однимъ формальнымъ преподаваніемъ или сухой личностью учителя. Эстетическій вкусъ, добрыя чувства и живое воображеніе школа должна непремѣнно воспитывать съ малыхъ лѣтъ, какъ прочную основу всей дальнѣйшей дѣятельности человѣка. Наконецъ не надо забывать и того очень важнаго соображенія, что классъ родного языка, особенно младшій, долженъ возможно чаще быть разумнымъ отдыхомъ, гдѣ самыя знанія пріобрѣтаются путемъ наслажденія. Подумаемъ о томъ, что при существующихъ программахъ средняго образованія дѣтямъ лѣтъ 10—12 приходится и такъ большую часть времени посвящать голымъ цифрамъ, грамматикамъ, номенклатурѣ, — словомъ, работать только памятью и разсудкомъ слишкомъ мало, или, вѣрнѣе, почти совсѣмъ не затрогивая своего чувства или воображенія, воспитаніе которыхъ въ дѣтскомъ возрастѣ должно быть на первомъ планѣ.

3) Наконецъ, учитель долженъ обладать вполнѣ *даромъ слова*, т.-е. говорить не только совершенно связно, плавно и ясно, но даже, по возможности, красиво и увлекательно. Такъ какъ живому языку научаемся всего болѣе не по грамматикѣ, а по навыку глаза и слуха

(чтеніе про себя, слушаніе чтенія и рѣчи другихъ), то рѣчь учителя должна быть для учащихся образцовой

Вотъ какими обширными знаніями и условіями, заключающимися въ самой личности учителя, долженъ обладать тотъ, кто берется въ качествѣ преподавателя родного языка въ младшихъ классахъ или словесности въ старшихъ за серьезное литературное образованіе. Таково ли большинство нашихъ настоящихъ преподавателей и преподавательницъ родного языка, — предоставляемъ отвѣтить читателю; но что они должны быть именно таковыми, — это несомнѣнно. И пока они таковыми не будутъ, до тѣхъ поръ русскій языкъ и словесность въ нашихъ гимназіяхъ никогда не будутъ играть той высокой роли, каковая имъ по праву должна принадлежать. Школа обязана давать государству прежде всего благородно мыслящихъ и чувствующихъ людей, вполнѣ владѣющихъ устно и письменно однимъ изъ лучшихъ даровъ человѣческой природы — даромъ живого слова.

Но какъ же, по возможности, достичь представленнаго нами идеала, малодушно не отказываясь отъ него только ради трудности? Во-первыхъ, если вообще учительское дѣло требуетъ до нѣкоторой степени призванія, то для учителя словесности, по нашему мнѣнію, оно обязательно. Человѣкъ, не любящій литературы, не находящій въ ней съ самаго своего дѣтства особаго интереса и наслажденія, не обладающій эстетическимъ вкусомъ и нѣкоторыми способностями для выразительнаго чтенія, по крайней мѣрѣ громкимъ, гибкимъ голосомъ и даромъ слова, положительно, если только хочетъ быть добросовѣстнымъ, долженъ оставить и думать выбирать для себя этотъ родъ профессіи. Но если эти данныя у человѣка есть, тогда остается только пріобрѣсти указанное нами образованіе, частію — самостоятельно (путемъ чтенія), частію — путемъ образованія университетскаго. Мысль о томъ, что университеты, кромѣ особыхъ спеціальныхъ курсовъ, должны давать еще и курсы общіе, цѣльные, уже сознается у насъ и прессой и самимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и, вѣроятно, не въ далекомъ будущемъ осуществится. Тогда въ филологическихъ факультетахъ, куда и пойдутъ готовящіеся въ учителя языка и словесности и изъ которыхъ только и должны приниматься лица на эти должности, курсы исторіи философіи, исторіи всеобщей и русской литературы и эстетики слѣдуетъ сдѣлать обязательными для всѣхъ слушателей этихъ факультетовъ, а языкъ церковнославянскій и сравнительная грамматика станутъ предметами спеціальными. Тѣ же предметы слѣдуетъ читать и въ филологическомъ институтѣ и во всякихъ общеобразовательныхъ высшихъ и педагогическихъ женскихъ курсахъ. Если

къ университетскому курсу на филологическомъ факультетѣ для готовящихся въ преподаватели родного языка присоединить еще методику языка и особые спеціальные классы *выразительнаго чтенія*, важность коего въ настоящее время признана во Франціи настолько, что обученіе ему офиціально и обязательно введено во всѣ учительскія семинаріи, то подготовка учителей будетъ обезпечена вполнѣ. Тогда *литературное образованіе* станетъ въ нашихъ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ уже не фикціей, какъ часто бываетъ теперь, а *настоящимъ, серьезнымъ* и, смѣемъ думать, *великимъ государственнымъ, патріотическимъ дѣломъ въ смыслѣ поднятія умственнаго и нравственнаго уровня общества.*

III.

Методъ преподаванія словесности. — Требованія отъ ученика при переходѣ въ V классъ.

Выяснивъ цѣли, преслѣдуемыя преподаваніемъ родного языка и словесности, а также и необходимость извѣстной подготовки самого преподавателя, скажемъ нѣсколько словъ о методѣ преподаванія. Этотъ методъ мы назвали бы *смѣшаннымъ;* онъ будетъ то *сократическій*, или *эвристическій* (форма бесѣды, вызываніе учениковъ на отвѣты вопросами преподавателя), то *академическій* (форма лекціи, связный разсказъ преподавателя, съ провѣркою вопросами, насколько разсказанное усвоено). Какъ ни полезенъ первый методъ, но мы все-таки, даже съ самыхъ младшихъ классовъ, считаемъ необходимымъ иногда прибѣгать и ко второму. Ученикамъ слѣдуетъ, во-первыхъ, пріучаться внимательно вслушиваться въ чужую связную, послѣдовательную рѣчь, слѣдить за связью мыслей; во-вторыхъ, хорошая рѣчь учителя будетъ для нихъ образцомъ связнаго, послѣдовательнаго устнаго изложенія. Въ младшихъ классахъ такими какъ бы маленькими лекціями можетъ быть, напримѣръ, біографическій очеркъ какого-нибудь писателя, сочиненія котораго разбираются или учатся дѣтьми, содержаніе большого произведенія, изъ котораго читается или учится отрывокъ. При этомъ для того, чтобы не ускользнули изъ памяти важныя подробности, можно или продиктовать небольшой конспектъ того, что будетъ разсказываться, или раздѣлить длинный разсказъ на части остановками, послѣ которыхъ и допросить учениковъ. Вообще же относительно этихъ двухъ методовъ скажемъ слѣдующее. Въ младшихъ классахъ до пятаго снизу, разумѣется, по большей части господствуетъ методъ сократическій; въ старшихъ, особенно въ послѣднемъ, откуда учащіеся идутъ уже въ

университетъ или высшіе курсы, преобладаетъ *академическій*, но непремѣнно съ данными предварительно конспектами, при чемъ слѣдуетъ пріучать записывать за преподавателемъ, а иногда даже предлагать составить цѣлую лекцію, что значительно облегчитъ впослѣдствіи составленіе лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Какимъ методомъ въ старшихъ классахъ пользоваться чаще—зависитъ также отъ степени развитія и качества класса. Чѣмъ классъ менѣе развитъ, чѣмъ онъ, такъ сказать, сонливѣе, апатичнѣе, тѣмъ болѣе преобладаетъ эвристика (бесѣда), — и наоборотъ. Не умаляя отнюдь педагогическаго значенія живой бесѣды учителя съ учениками, не можемъ не сказать, что въ настоящее время нерѣдко этими бесѣдами злоупотребляютъ, сводя ихъ на болтовню и разводя водой самое содержаніе урока, который прежде всего долженъ сообщать учащимся знанія. Этотъ упрекъ не безъ основанія ставится многимъ преподавателямъ и особенно преподавательницамъ родного языка, наивно думающимъ, будто скучнымъ разжевываніемъ предмета, понятнаго безъ объясненій, или же съ самыми незначительными, поддерживается вниманіе и интересъ къ уроку и достигаются лучшіе результаты. Злоупотребленіе же этимъ методомъ въ младшихъ классахъ, особенно если учащіеся мало учатъ наизусть, а уроки отвѣчаютъ короткими отвѣтами на вопросы учителя прямо ведетъ къ тому, что ученики и ученицы, переходя, напримѣръ, уже въ четвертый классъ, т.-е. проучившись въ гимназіи цѣлыхъ три года, совсѣмъ не умѣютъ ни слушать сплошныхъ разсказовъ учителя ни связно разсказывать сами. Въ настоящее время не мало слышится нападокъ на академическое преподаваніе не только, хотя бы до нѣкоторой степени, въ послѣднихъ классахъ гимназіи, но даже и въ университетахъ; но такія нападки идутъ по большей части отъ лицъ, которыя сами не умѣютъ говорить красиво и увлекательно; между тѣмъ вліяніе живого, горячаго образнаго слова на молодежь дѣйствуетъ благотворно.

Уже въ первой нашей бесѣдѣ мы сказали, что такъ называемую словесность не ограничиваемъ только старшими тремя классами, а понимаемъ ее какъ *совокупность занятій роднымъ языкомъ за все время пребыванія въ гимназіи, начиная съ младшаго класса.* Разсмотримъ же, какія именно занятія должны быть предложены дѣтямъ въ младшихъ классахъ, до четвертаго включительно, чтобы сообщить учащимся болѣе или менѣе серьезную и желательную подготовку въ смыслѣ литературнаго образованія. Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію частностей, скажемъ, вообще, въ чемъ именно это образованіе должно выразиться при переходѣ въ пятый классъ снизу, т.-е., другими словами, чего бы мы считали возможнымъ потребовать отъ учениковъ на экзаменѣ при переходѣ изъ IV въ V, или въ женскихъ гимназіяхъ въ III классъ. Требованія эти свели бы мы къ слѣдующему:

А) Письменныя.

1) Безошибочное письмо подъ диктовку періодической рѣчи, приблизительно не менѣе двадцати печатныхъ строкъ.

2) Связное письменное изложеніе содержанія, по памяти, одного изъ *обязательно* читаемыхъ въ классѣ или внѣ класса художественныхъ произведеній эпическихъ, слѣдующихъ русскихъ писателей: Крылова, Пушкина, Жуковскаго, Майкова, Тургенева, Григоровича, гр. Л. Толстого, Лермонтова. Изложеніе должно занимать, приблизительно, не менѣе страницы и не болѣе двухъ-трехъ страницъ обыкновеннаго листа.

NB. На экзаменъ каждый ученикъ долженъ представить за всѣ годы пребыванія въ гимназіи особую тетрадь, куда были бы внесены: a) заглавія всѣхъ сочиненій эпическихъ, которыя были прочитаны обязательно, — по возможности съ самымъ краткимъ ихъ содержаніемъ или, по крайней мѣрѣ, именами главныхъ дѣйствующихъ лицъ; b) краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ изъ ихъ авторовъ; біографіи же Кольцова, Крылова, Жуковскаго и Пушкина могутъ быть написаны и отдѣльно, на листахъ, въ видѣ связныхъ памятныхъ записокъ. Эти четыре біографіи, сдѣланныя за годъ, представятъ собой особыя письменныя работы, исправленныя преподавателемъ.

В) Устныя.

1) Грамматическій разборъ предложенія, какъ синтаксическій, такъ и этимологическій, *по особой формулѣ*, по возможности, безъ вопросовъ преподавателя. Формулы могутъ быть предложены слѣдующія:

а) *Синтаксическая.*

Какое предложеніе по значенію (т.-е. повѣствовательное, вопросительное или восклицательное); какое по составу (простое, слитное. сложное); если сложное, то изъ какихъ предложеній состоитъ—перечисленіе предложеній съ указаніемъ значенія каждаго (главное или придаточное, какое придаточное — опредѣлительное, дополнительное, обсто-

ятельственное, вводное); какъ предложенія сочинены или подчинены (непосредственно или посредствомъ чего именно); значеніе каждаго отдѣльнаго члена въ каждомъ предложеніи и ихъ отношенія (согласованіе и управленіе); объясненіе знаковъ препинанія.

в) *Этимологическая.*

a. *По составу словъ*: какое слово — коренное, производное или сложное; приставка, корень, суффиксъ, флексія, бѣглыя буквы.

b. *По частямъ рѣчи и формамъ; для именъ и мѣстоименій*: часть рѣчи, разрядъ, родъ, число, падежъ, склоненіе (степень); *для глаголовъ*: залогъ, наклоненіе, время, видъ, лицо, число, спряженіе.

2) Выразительное чтеніе прозаической отрывистой (Пушкинъ, Тургеневъ, Л. Толстой) и періодической рѣчи (Гоголь, Карамзинъ).

3) Выразительное произнесеніе наизусть одного изъ стихотвореній, примѣрный списокъ которыхъ за всѣ низшіе четыре класса прилагается ниже, при чемъ ученикъ обязанъ указать въ нѣсколькихъ словахъ смыслъ произведенія и пересказать его содержаніе [1]).

4) Подробный пересказъ біографій Кольцова, Крылова, Пушкина и Жуковскаго.

5) Пересказъ подробный и краткій обязательно прочитанныхъ въ классѣ или внѣ класса художественныхъ произведеній (примѣрный списокъ помѣщаемъ ниже).

Вотъ, удовлетворяя какимъ требованіямъ, долженъ, по нашему мнѣнію, переходить ученикъ въ тотъ классъ, гдѣ уже начинается преподаваніе собственно *словесности*, т.-е. ученіе о происхожденіи цѣлаго сочиненія, его условіяхъ внѣшнихъ (слогъ) и внутреннихъ (единство, полнота, послѣдовательность, соразмѣрность частей), родахъ и видахъ. Какъ читатель видитъ, эти требованія, въ сущности, сходятся съ требованіями, предлагаемыми программами Министерства Народнаго Просвѣщенія, Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній и Женскихъ Гимназій. Все отличіе нашихъ требованій, это, *во-первыхъ*, —

[1]) На переходной экзаменъ изъ четвертаго класса, гдѣ заканчивается обыкновенно элементарный курсъ родного языка, должны быть непремѣнно представлены: a) списокъ всѣхъ разученныхъ наизусть стихотвореній (во всѣхъ низшихъ классахъ); b) тетради со всѣми этими стихотвореніями, чисто и правильно переписанными.

расширеніе литературнаго образованія (знакомство съ образцами, біографіи нѣкоторыхъ писателей, знаніе наизусть и выразительное произнесеніе возможно большаго количества стихотвореній, связная литературная рѣчь устная), которому отводится первое мѣсто и которое вполнѣ даетъ возможность судить о степени умственнаго и эстетическаго развитія ученика, на что въ настоящее время, за формальными знаніями (грамматика), къ сожалѣнію, обращается недостаточно вниманія; *во-вторыхъ*, совершенное опущеніе грамматики *церковнославянской* и чтенія съ разборомъ Остромирова Евангелія. Относительно опущенія нами изученія языка церковнославянскаго, которое программой Министерства Народнаго Просвѣщенія внесено въ IV классъ, приведемъ мотивы, коими мы руководствовались. Прежде всего, какъ намъ кажется, поставить это изученіе въ гимназіяхъ серьезно, филологически (какъ это и должно быть въ университетахъ и учительскихъ семинаріяхъ), а тѣмъ болѣе съ дѣтьми лѣтъ тринадцати-четырнадцати положительно невозможно. Учителю поневолѣ остается ограничиться задалбливаніемъ съ учениками ко всѣмъ четыремъ грамматикамъ (русской, латинской, греческой и одного изъ новыхъ языковъ) еще пятой, крайне сбивчивой и трудной, — грамматики церковнославянской. Преподающіе родной языкъ въ гимназіяхъ знаютъ, какихъ совсѣмъ непроизводительныхъ трудовъ, сколько драгоцѣннаго времени, при небольшомъ числѣ уроковъ, отведенныхъ родному языку, тратится на этотъ крайне скучный предметъ, сколько стоитъ онъ учащимся слезъ, сколько приходится ставить за него дурныхъ балловъ и даже просто изъ-за одного только церковнославянскаго языка нерѣдко оставлять въ классѣ. И все это продѣлывается въ огромный ущербъ и практическому обученію правописанію и выразительному чтенію, на которое почти совсѣмъ не остается времени, и самому изученію литературныхъ произведеній, долженствующихъ, какъ и требуетъ программа, развивать эстетическій вкусъ,—и продѣлывается въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда особенно нужно озаботиться воспитаніемъ чувства и воображенія. Не мало времени и безъ того приходится тратить на грамматику русскую, всякія письменныя упражненія и провѣрочную диктовку, а тутъ еще возись съ языкомъ церковнославянскимъ, польза котораго, даже и для объясненія правописанія, весьма незначительна. Не выдерживаетъ строгой критики и то соображеніе, будто изученіе церковнославянскаго языка поможетъ въ старшихъ классахъ пониманію памятниковъ древней русской литературы; а если это и такъ, то не проще ли тамъ и познакомить съ главнѣйшими особенностями текста практически, на самыхъ памятникахъ. Наконецъ, въ виду необходимости пони-

манія Евангелія, церковной службы и молитвъ, съ церковнославянскимъ языкомъ, опять-таки практически, легко можетъ познакомить дѣтей законоучитель: совершенное же опущеніе изъ гимназическаго курса языка церковнославянскаго если и будетъ нѣсколько въ ущербъ строго научному филологическому изученію родного языка, то зато съ лихвой вознаградится усиленіемъ практическихъ живыхъ занятій, способствующихъ развитію эстетическому и поселенію любви къ родному языку и литературѣ, а главное, — наиболѣе подходящихъ къ возрасту учащихся.

Отъ экзаменныхъ требованій при переходѣ въ первый изъ старшихъ классовъ перейдемъ къ разсмотрѣнію, такъ сказать, *литературныхъ* занятій въ младшихъ.

IV.

Выразительное чтеніе прозы и стиховъ.

Не входя въ разсмотрѣніе особой важности выразительнаго чтенія, о чемъ мы подробно говоримъ въ нашей книжкѣ *Выразительное чтеніе, пособіе для учителей и учащихся*, скажемъ одно: занятія чтеніемъ мы признаемъ совершенно необходимыми, начиная съ самаго младшаго класса, при чемъ постановка ихъ никакъ не менѣе серьезна, чѣмъ, наприм., занятія грамматическія или всякаго рода письменныя. Помимо уже того, что выразительное чтеніе развиваетъ и укрѣпляетъ голосъ и грудь ребенка и отучаетъ отъ недостатковъ произношенія, оно — могущественное средство къ уразумѣнію смысла и красоты рѣчи, а также и къ болѣе осмысленному изученію уроковъ; изученіе же разобранныхъ образцовъ наизусть, чрезвычайно укрѣпляя память, обогащаетъ учащихся огромнымъ запасомъ словъ и выраженій, въ то же время способствуя усвоенію правописанія по наглядкѣ и навыку. Отсылая читателя къ книжкѣ, ограничимся только сводомъ главнѣйшихъ нашихъ положеній относительно занятій выразительнымъ чтеніемъ и нѣкоторыми практическими указаніями.

Чтобы выучить выразительно читать, нужно, во-первыхъ, *поставить голосъ ребенка*, во-вторыхъ, *пріучить его дышать*, и въ третьихъ, — *заняться самымъ произношеніемъ*.

Принимая учениковъ, учитель родного языка долженъ прежде всего подвергнуть испытанію ихъ голосовыя средства и, замѣтивъ качества, силу и недостатки отдѣльныхъ голосовъ, въ продолженіе всего учебнаго курса обращать, при всякомъ устномъ отвѣтѣ или чтеніи, вниманіе на

голосъ ученика и помогать его улучшенію. Безголосые или не имѣющіе вовсе слуха ученики такая же рѣдкость, какъ хромые, слѣпые, косноязычные и т. п. уроды, и если въ настоящее время мы такъ часто слышимъ даже у взрослыхъ образованныхъ людей монотонное, глухое или крикливое, непріятное чтеніе, то причина здѣсь кроется именно въ томъ, что въ дѣтствѣ на ихъ голосъ вовсе не обращалось вниманія. Развитію голосовыхъ средствъ не мало помогаетъ почти повсемѣстно вводимое у насъ теперь обязательное обученіе пѣнію, напр., въ дѣтскихъ садахъ; но и независимо отъ пѣнія учитель родного языка, самъ умѣющій хорошо читать и обладающій хорошимъ слухомъ (а это для учителя родного языка, какъ мы уже говорили, обязательно), можетъ очень много способствовать развитію голосовыхъ средствъ учащихся. При постановкѣ голоса нужно: 1) *развивать силу звука*, въ смыслѣ его *громкости*, но преимущественно на самыхъ естественныхъ, гибкихъ и крѣпкихъ нотахъ, *среднихъ*, избѣгая нотъ *низкихъ* и особенно *высокихъ*, которыя у нѣкоторыхъ дѣтей легко переходятъ въ непріятную крикливость; 2) *развивать гибкость и мягкость голоса и разнообразіе тоновъ*, что, при постоянныхъ разумныхъ упражненіяхъ, сообщаетъ дѣтскимъ голосамъ такіе тоны, которыхъ у нихъ не было вовсе, и помогаетъ дѣтямъ не только управлять голосомъ, но и увеличивать его. Эти голосовыя упражненія должны итти отъ самыхъ маленькихъ предложеній, отъ чтенія небольшихъ хрестомативныхъ прозаическихъ и стихотворныхъ пьесокъ, въ родѣ пословицъ, побасенокъ, сказокъ, что очень занимаетъ дѣтей, почему, какъ намъ случалось видѣть самимъ, они очень охотно учатся выразительному чтенію и наперерывъ другъ передъ дружкой стараются прочесть лучше. Въ самыхъ маленькихъ классахъ (приготовительный, первый) мы совѣтовали бы по преимуществу ставить и развивать голосъ на прозѣ, а не на стихахъ, такъ какъ чтеніе прозы дается легче. Переходъ постепенно отъ маленькихъ отрывистыхъ фразъ къ рѣчи сложной, періодической, необходимо довести къ пятому классу до чтенія большого сложнаго періода рѣчи какъ прозаической (напр., періодъ карамзинскій, гоголевскій), такъ и стихотворной (напр., басни *Водолазы*, *Моръ звѣрей*, *Волкъ и Пастухи*. *Когда волнуется желтѣющая нива*). Модуляціи же голоса въ чтеніи періода выразятся въ постепенномъ поднятіи голоса въ первой части и пониженія — во второй, а также въ оттѣненіи предложеній придаточныхъ и вводныхъ. Для упражненій голоса мы совѣтовали бы какъ можно чаще переходить отъ одного ученика къ другому такъ, чтобы второй ученикъ начиналъ именно съ той ноты, которою кончилъ первый, третій попадалъ въ тонъ второму и т. д. Для этой цѣли разби-

раемая статья должна быть раздѣлена на части, даже самыя маленькія, и только когда она разучится по частямъ, можно потребовать для провѣрки прочтенія ея въ цѣломъ отдѣльными учениками. Лучше всего, конечно, если учитель, самъ хорошо читающій и заранѣе приготовившійся читать извѣстную статью, прежде всего прочтетъ ее ученикамъ въ цѣломъ самъ, чтобы они могли схватить общее. Къ упражненіямъ *голосовымъ* же относятся: 1) *отученіе* отъ часто встрѣчающихся въ школѣ голосовыхъ, или тональныхъ, *недостатковъ*, какъ то: монотонность, плаксивость (особенно въ чтеніи стиховъ), пѣвучесть, слишкомъ тихое чтеніе (чаще слѣдуетъ заставлять читать съ каѳедры или, вообще, на извѣстномъ разстояніи отъ учениковъ, посреди класса); 2) *ознакомленіе съ нѣкоторыми наиболѣе употребительными въ дикціи тонами*, напр., тонъ *простой, эпическій, шуточный, печальный, тонъ сожалѣнія, насмѣшки, торжественный; тонъ ребенка, взрослаго человѣка, мужской, женскій, грубый, нѣжный* — а также *пріученіе къ передачѣ* голосомъ *разговора* съ оттѣнками рѣчи каждаго изъ говорящихъ. Всѣ эти тоны прекрасно изучаются особенно на басняхъ Крылова и на другихъ нарочно подобранныхъ для этой цѣли небольшихъ прозаическихъ и стихотворныхъ пьескахъ, которыхъ не мало представитъ предлагаемый ниже списокъ художественныхъ произведеній для класснаго изученія.

Важно также обратить дѣтское вниманіе на необходимость сообразовать голосъ съ помѣщеніемъ, гдѣ приходится читать: въ небольшой комнатѣ читать тише; въ классѣ уже значительно громче, въ залѣ же можно рѣшиться читать, только значительно укрѣпивъ голосъ. Точно такъ же слѣдуетъ экономно распорядиться со своимъ голосомъ, особенно когда приходится читать долго. Необходимо также сглаживать при чтеніи рѣзкости при переходѣ изъ тона въ тонъ, избѣгать вскрикиваній и утрировки, такъ какъ дѣти очень легко впадаютъ въ эти недостатки. Учитель долженъ всегда помнить, что въ искусствѣ чтенія, какъ и во всякомъ другомъ, всегда должно быть соблюдено чувство благоразумной мѣры и что простота, легкость чтенія, при которомъ не рѣзала бы уха ни малѣйшая неестественность или искусственность, дѣланность, въ которомъ не проглядывала бы предварительная работа — вотъ идеалъ, къ какому должно стремиться.

Рядомъ съ постановкой и развитіемъ голоса должно итти пріученіе къ извѣстному *дышанію*, т. е. къ умѣнью *запасаться воздухомъ* (вдыхать, пріобрѣтать его) и *выдыхать* (тратить). Ученикъ долженъ пріучиться, приступая къ чтенію цѣлой статьи, прежде всего глубоко вдохнуть въ себя (забрать) какъ можно больше воздуха, чтобы легкія

были полны. Точно такъ же слѣдуетъ успѣвать вдыхать его передъ всѣми большими періодами, по возможности на паузахъ и даже на словахъ или слогахъ. Но не на всѣхъ, а только передъ гласными, особенно *а, о, е*, т.-е. тогда, когда ротъ уже открытъ и воздухъ вдыхается легче и незамѣтнѣе для слушателей. Такое вдыханіе особенно удобно при словахъ, съ этихъ буквъ начинающихся (ахъ, ангелъ, арфа, армія; охъ, о, огонь, облако; есть, единый, эхъ, этотъ и др.). Искусству дышать очень большую пользу могутъ принести упражненія въ сольфеджіо, расположенныя постепенно отъ легчайшихъ къ труднѣйшимъ. О составленіи такихъ сольфеджіо примѣнительно къ школѣ не мѣшало бы серьезно подумать музыкальнымъ педагогамъ. Такія сольфеджіо пріучили бы и къ передышкамъ, паузамъ, во время которыхъ забрать воздуху всего легче. Вообще же относительно дыханія нужно всего болѣе смотрѣть, чтобы слишкомъ сильнымъ чтеніемъ сразу не растратить всего воздуха, который всегда долженъ быть въ запасѣ. Особенно это важно при скороговоркѣ, въ рѣчи, означающей волненіе, такъ сказать, патетической (чтеніе монологовъ), когда чтецъ легко можетъ утомиться. Изъ практическихъ замѣчаній для учителя обращаемъ вниманіе на слѣдующія. Для свободнаго вдыханія и выдыханія голоса при чтеніи ученику всего удобнѣе читать стоя, при чемъ непремѣнно слѣдуетъ держаться прямо, по возможности выставляя грудь впередъ; если же чтеніе происходитъ сидя, то садиться не въ кресло (трудно дышать полной грудью), а по возможности на высокій стулъ, опираясь спиной на его спинку, и опять непремѣнно держаться прямо, такъ какъ у человѣка сгорбленнаго дыханіе гораздо слабѣе.

Въ *произношеніи* самое важное — *отчетливость* и *неторопливость*, недостаткомъ которыхъ всего болѣе страдаетъ школа. Отчетливость, т.-е. умѣнье вполнѣ отчетливо отдѣлять при произношеніи звуки одинъ отъ другого, можетъ и должна быть вполнѣ достигнута въ нѣсколько мѣсяцевъ, при чемъ чрезвычайно укрѣпляются и пріобрѣтаютъ гибкость и самые голосовые органы. Вотъ какой простой способъ предлагаетъ для достиженія отчетливости извѣстный французскій декламаторъ Легуве. Намѣреваясь произнести, напримѣръ, выученные стихи, ученикъ становится прямо противъ учителя и начинаетъ говорить *медленно, раздѣльно* и какъ только можно *тише*, какъ бы обрисовывая каждый звукъ и каждое слово. Частыя упражненія въ этомъ родѣ, какъ мы и сами видѣли на опытѣ, даютъ хорошіе результаты, исправляя при этомъ и недостатки произношенія. Съ отчетливостью тѣсно связана и ясность, выкупающая часто даже самую слабость голоса. Ей всего болѣе вредитъ обыкновенная въ школѣ торопливость, при

которой съѣдаются звуки и становится непонятна самая рѣчь. Самое медленное чтеніе прозы отрывистой и періодической, съ строгимъ соблюденіемъ паузъ, и особенно медленное чтеніе стиховъ, преимущественно гекзаметровъ („Овсяный кисель“, „Воскресное утро въ деревнѣ“, „Каннитферштанъ“, „Сраженіе со змѣемъ“, отрывки изъ „Одиссеи“, „Иліады“, „Наль и Дамаянти“, „Ундина“ и другія пьесы для дѣтскаго возраста), съ непремѣннымъ соблюденіемъ цезуры, ритма и паузъ, легко исправляютъ недостатокъ произношенія [1]).

Кромѣ *голоса, дыханія, отчетливости* и *ясности,* для хорошаго чтенія необходимы два условія:

a) Правильная *разстановка* голосомъ *знаковъ препинанія, или паузъ,* и

b) *Ударенія логическія,* т.-е. повышеніе голоса на словахъ, которымъ хотятъ придать особое значеніе.

Кромѣ знаковъ препинанія, разставленныхъ въ текстѣ для отдѣленія вводныхъ словъ, одинакихъ частей и самыхъ предложеній, т.-е. знаковъ *грамматическихъ,* при выразительномъ чтеніи должно соблюдать еще особыя паузы, какъ для закругленія цѣлаго періода, и, вообще, извѣстной части статьи, такъ и маленькія остановки (передышки) передъ словами и выраженіями, на которыя нужно обратить вниманіе слушателя; наконецъ, иногда въ сильныхъ лирическихъ мѣстахъ, при выраженіи, напримѣръ, крайняго душевнаго волненія, въ нѣкоторыхъ драматическихъ монологахъ, приходится читать очень отрывисто, отдѣляя — такъ сказать, отчеканивая — каждое отдѣльное слово. Эти паузы, или передышки, можно назвать, въ отличіе отъ синтаксическихъ знаковъ препинанія, *логическими.* Дать здѣсь какія-нибудь опредѣленныя, неизмѣнныя правила нѣтъ никакой возможности, такъ какъ каждое художественное произведеніе имѣетъ паузы свои собственныя, вытекающія изъ самаго содержанія или оттѣнковъ, которые хочетъ придать чтецъ отдѣльнымъ словамъ или выраженіямъ. Но эти паузы легко почувствуются ученикомъ, съ которымъ опытнымъ учителемъ уже пройдено достаточное количество примѣровъ [2]).

---

[1]) Имѣя въ виду классъ болѣе или менѣе нормальный, мы опускаемъ вопросъ о *шепелявости, картавости* и *заиканьѣ* — недостаткахъ чаще всего органическихъ, требующихъ медицинской помощи. Исправленіе ихъ при классномъ преподаваніи чрезвычайно трудно и даже едва ли возможно, хотя бы они и были только дурной привычкой, усвоенной съ дѣтства.

[2]) Приводимъ нѣсколько примѣровъ разстановки логическихъ паузъ. *Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.* Съ паузами можетъ быть прочитано такъ: *Воронъ — гдѣ-то — Богъ послалъ кусочекъ — сыру. Вѣдь ты бъ у насъ была царь птица!*

Послѣднее, самое важное, а особенно образовательное, условіе искуснаго чтенія, это — *ударенія логическія.* Законность разстановки ихъ, которую помочь уразумѣть долженъ учитель - самое лучшее средство вникнуть во всѣ оттѣнки произведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать литературному развитію учащихся. Хотя въ этомъ отношеніи педагогикой пока не только у насъ, но даже и у нѣмцевъ сдѣлано очень мало, но кое-какія указанія общія есть.

Такимъ образомъ, разсматривая значеніе частей предложенія, мы замѣчаемъ, что однѣ изъ нихъ имѣютъ удареніе почти всегда, — другія — нѣтъ. Такъ, въ простыхъ нераспространенныхъ предложеніяхъ удареніе обыкновенно падаетъ на сказуемое. (Левъ *животное.* Птицы *летаютъ,* рыбы *плаваютъ. Мчатся* тучи, *вьются* тучи, *мутно* небо. *Ѣду, ѣду* въ чистомъ полѣ. *Оконченъ* путь). Но встрѣчается и противное, когда смыслъ сосредоточенъ на подлежащихъ (Играютъ *волны, вѣтеръ* свищетъ и *мачта* гнется).

Въ простыхъ, но распространенныхъ предложеніяхъ *удареніе* чаще всего бываетъ *на подлежащемъ* или *опредѣленіи* (*Голодная* кума-*лиса* залѣзла въ садъ; въ немъ *винограду* кисти рдѣлись. На *привѣтливы лисицыны* слова *ворона* каркнула во *все вороньe* горло).

Въ слитномъ предложеніи, при одинакихъ опредѣленіяхъ, дополненіяхъ, обстоятельствахъ, подлежащихъ, сказуемыхъ, тонъ обыкновенно постепенно повышается отъ предыдущихъ словъ къ послѣдующимъ и притомъ все сильнѣе и сильнѣе. (Однажды лебедь, *ракъ* и *щука* везти съ поклажей возъ взялись. Кто скачетъ, кто *мчится подъ хладною* мглой? Милый, *хорошій, желанный!* Лягушка завела домокъ подъ *кустикомъ, въ тѣни,* **межъ травки, какъ раекъ**).

Относительно разстановки логическихъ удареній независимо отъ частей предложенія, крайне прихотливой и мало поддающейся правиламъ, существуютъ два слѣдующихъ указанія:

Вѣдь ты бъ у насъ была—царь птица! Отъ радости въ зобу дыханье сперло. Во всей послѣдней фразѣ должно быть выражено радостное волненіе вороны, а потому фраза читается прерывисто, какъ бы задыхаясь: *Отъ радости — въ зобу — дыханье сперло. Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь вошелъ: — Съ тростинкой дубъ — однажды въ рѣчь вошелъ* (обстоятельство *однажды* относится къ глаголу, почему и читается вмѣстѣ съ нимъ). *И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой внимали той пѣснѣ святой: — И мѣсяцъ — и звѣзды — и тучи — толпой внимали той пѣснѣ святой. А онъ, мятежный, проситъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой.* — Слѣдуетъ сдѣлать паузу передъ словомъ *бури* для выраженія удивленія, точно такъ же передъ и за словомъ *буряхъ,* и вся фраза читается протяжно: *А онъ — мятежный — проситъ — бури, — какъ будто — въ буряхъ — есть покой.*

1) *Удареніе ставится на всѣхъ словахъ, выражающихъ какъ бы противоположеніе и соотвѣтствіе* (напр., изъ басни *Двѣ собаки*: а если невпопадъ *залаю*, то и *побои* принимаю. Да чѣмъ же *ты*, Жужу, *въ случай* попалъ, *безсиленъ* бывши такъ и *малъ*, межъ тѣмъ какъ *я* изъ *кожи рвусь* напрасно? *Чѣмъ* служишь ты?.. *На заднихъ лапкахъ* я хожу...).

2) *При словахъ повторяемыхъ*, т.-е. когда въ рѣчи повторяется, напримѣръ, то же обращеніе, тотъ же эпитетъ, сказуемое и проч., *удареніе ставится только на первомъ, остальныя же повторяемыя слова удареніе теряютъ вовсе (Ѣду*, ѣду въ чистомъ полѣ, колокольчикъ *динь*, динь, динь... *Страшно*, страшно поневолѣ средь невѣдомыхъ равнинъ).

Къ произношенію же относятся еще слѣдующія особенности, которыя должны быть показаны учащимся.

1) *Замедленіе* (протягиваніе) словъ и фразъ, на которыхъ хотятъ сосредоточить вниманіе (напр.: *Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ. Ты все пѣла?* Это *дѣло*).

2) *Скороговорка*, особенно въ словахъ вводныхъ, сказанныхъ между прочимъ (Безумная! Юпитеръ говоритъ (*знать*, не былъ онъ тогда сердитъ), какъ квакать попусту тебѣ охота?)

3) *Постепенное повышеніе, усиленіе голоса* (crescendo) *и пониженіе его, опущеніе* (diminuendo), особенно важное при чтеніи періодической рѣчи. Напримѣръ въ баснѣ *Оселъ*: Когда вселенную Юпитеръ населялъ и заводилъ различныхъ тварей племя (самый высокій тонъ въ словѣ *племя*, самый низкій — *когда*; затѣмъ маленькая пауза и голосъ постепенно опускается), то и оселъ тогда на свѣтъ попалъ.

4) *Тонъ, или интонація общая*, въ зависимости отъ того, что читаютъ, т.-е., басню ли, сказку, описаніе, лирическое стихотвореніе меланхолическаго или торжественнаго характера, монологъ и проч., и *частная*, т.-е. сообразно характеру даннаго лица, отъ имени котораго идетъ рѣчь (иначе говорятъ въ баснѣ волкъ, ягненокъ, лиса, левъ и др.),

Въ заключеніе общихъ указаній относительно выразительнаго чтенія скажемъ о чтеніи произведеній стихотворныхъ. Существуетъ мнѣніе, что стихи слѣдуетъ читать такъ, чтобы слушатель стиха и не замѣтилъ и думалъ, что это проза, а не стихи. Но такое мнѣніе, основанное на дурномъ чтеніи. (пѣвучесть, выкрикиваніе, завыванье, искусственная слащавость) совершенно несправедливо. Ученикъ долженъ

чувствовать, что имѣетъ дѣло съ музыкальною ритмическою рѣчью, которая самыми звуками пріобрѣтаетъ особую прелесть и эстетическое дѣйствіе на слушателя. Есть даже стихи, именно дѣйствующіе, кромѣ живописности, еще особою музыкальностью (напр., *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда, Муза, Эхо* — Пушкина; *Море, Эолова арфа* — Жуковскаго). Поэтому, не впадая отнюдь въ отчеканиваніе стопъ и риѳмъ, необходимо все-таки соблюдать и ритмическое теченіе рѣчи, и цезуру, и риѳму, т.-е. *стихи читать, какъ стихи*. Простота и естественность, конечно, самое главное, но и та и другая здѣсь все-таки условныя, какъ условна самая форма стиха. Соединеніе *простоты* и *естественности* съ соблюденіемъ всего того, что принадлежитъ именно стиху (*ритмъ, цезура, риѳма, переходы тоновъ*), съ возможною *задушевностью* и передачей малѣйшихъ оттѣнковъ мысли и чувства — вотъ идеалъ выразительнаго чтенія, къ которому учебное заведеніе должно ученика подготовить. Идеалъ этотъ, конечно, достигается нелегко, и чтеніе, особенно лирическихъ стихотвореній, — дѣло очень трудное; но долгія и частыя упражненія въ чтеніи и слушаніе хорошаго, образцоваго чтенія отъ учителей мало-по-малу образовываютъ хорошихъ чтецовъ и изъ учащихся.

Но насколько выполнимо въ гимназіяхъ это требованіе и достижимъ такой идеалъ? Какъ примѣнить обученіе выразительному чтенію на практикѣ, безъ особаго ущерба другимъ занятіямъ, языкомъ, собственно словесностью и исторіей литературы? На это можно сказать, во-первыхъ, что гимназическій курсъ продолжается цѣлыхъ семь-восемь лѣтъ, и что, принимая учиться ребенка, у котораго, при несформировавшихся физическихъ и умственныхъ способностяхъ и особой чуткости чувства, воспріимчивость особенно сильна, мы выпускаемъ его уже совершенно сформировавшимся молодымъ человѣкомъ; — въ такой долгій срокъ сдѣлать можно не мало, если только начинать обученіе съ самаго младшаго класса и продолжить его до самаго окончанія полнаго курса. Во-вторыхъ, если только, конечно, учитель самъ будетъ умѣть читать и руководить чтеніемъ (*а это необходимо*), то и занятія выразительнымъ чтеніемъ организовать вовсе не такъ трудно, и можно повести ихъ съ большою пользой и отнюдь не въ ущербъ другимъ занятіямъ. Повторяемъ, наконецъ, что выразительное чтеніе—не роскошь, не праздная мечта, не имѣющая серьезнаго значенія, а *необходимость*, если только школа имѣетъ претензію не набиваніе головы ученика массою фактовъ, а серьезнымъ, всестороннимъ и болѣе всего этическо-эстетическимъ развитіемъ человѣка, если школа хочетъ, какъ то и должно быть, поселить въ учащихся любовь и уваженіе къ искусству и родному

языку и поэзіи, чтобы впослѣдствіи, проучившись семь-восемь лѣтъ въ гимназіи, молодежь не могла горько сказать вмѣстѣ съ Лермонтовымъ:

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ,
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства,
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.

Передъ нами самый младшій классъ, положимъ, даже приготовительный. Въ число занятій языкомъ, конечно, входитъ наравнѣ со списываніемъ съ книги и чтеніе, какъ механическое (курсорное), такъ и объяснительное (статарное), при чемъ выучивается много статеекъ и наизусть. Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ прежде всего внимательно прислушаться къ голосамъ дѣтей и замѣтить недостатки голосовые и относительно произношенія. Ознакомившись въ самомъ началѣ учебнаго года съ каждымъ изъ учащихся съ этой стороны и отмѣтивъ въ своей книжкѣ, въ особой графѣ, такъ сказать, *декламаціонныя* средства каждаго, слѣдуетъ рѣшительно на всѣхъ урокахъ чтенія постепенно примѣнять предложенные нами совѣты, не пропуская ни одного неправильнаго со стороны дикціи произношенія, внушая дѣтямъ сознаніе важности чтенія именно выразительнаго и показывая на своемъ собственномъ чтеніи, какъ надобно читать. Чтенія объяснительное и механическое (курсорное) — постоянно ведущіяся въ маленькихъ классахъ, въ соединеніи съ указаніями дикціи—средство къ пріобрѣтенію выразительности самое могущественное, и дѣти, очень охотно читающія нравящіеся имъ стихи, будутъ наперерывъ стараться одинъ передъ другимъ прочесть лучше. Кромѣ того, можно время отъ времени задавать, въ видѣ урока, разставить ударенія и паузы въ тетради, на выписанномъ для заучиванія прозаическомъ отрывкѣ или стихотвореніи, уже разъясненномъ въ классѣ, а потомъ и на необъясненномъ, но легко понимаемомъ. Въ эту же тетрадь слѣдуетъ для памяти вносить въ видѣ правилъ и нѣкоторыя изъ нашихъ указаній; такъ, по объясненіи состава предложенія, съ чего обыкновенно начинается преподаваніе грамматики, записываются правила объ удареніяхъ въ простомъ, нераспространенномъ и распространенномъ предложеніи. Выразительному же чтенію можно посвящать также и часть класснаго времени, отдаваемаго на уроки грамматики и всякихъ упражненій письменныхъ, наприм., отдѣляя отъ этихъ уроковъ хоть по четверти часа или минутъ съ двадцать. Такое распредѣленіе занятій, разнообразя

ихъ, способствуетъ и ихъ оживленію. Наконецъ, когда дѣти уже освоились нѣсколько съ пріемами выразительнаго чтенія на практикѣ сами и прислушались къ образцовому чтенію учителя [1]), слѣдуетъ время отъ времени, напримѣръ, въ двѣ-три недѣли разъ, посвящать выразительному чтенію и по цѣлому уроку, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и провѣркой усвоенія искусства читать, — такъ сказать, маленькимъ *конкурсомъ*, поощряющимъ къ занятіямъ и сообщающимъ имъ серьезность. На эти уроки слѣдуетъ распредѣлить чтенія между учениками заранѣе, чтобы каждый могъ основательно къ нимъ приготовиться. Чтобы придать этимъ конкурсамъ большій интересъ, сначала можно вызвать къ участію въ нихъ только лучшихъ чтецовъ, какихъ всегда найдется въ классѣ нѣсколько, предоставивъ записываться на испытаніе самимъ ученикамъ добровольно. Опытъ показываетъ, что съ каждымъ конкурсомъ число желающихъ читать увеличивается. Для большаго интереса и успѣха дѣла слѣдуетъ назначать и большіе сводные конкурсы выразительнаго чтенія, въ которыхъ бы участвовали лучшіе чтецы изъ всѣхъ классовъ, и младшихъ и старшихъ, раза два или три въ годъ, въ гимназической залѣ, напримѣръ, объ Рождествѣ, о Пасхѣ, въ августѣ, послѣ каникулъ, или по окончаніи экзаменовъ, въ заключеніе учебнаго года [2]). На этихъ большихъ конкурсахъ публику составятъ сами ученики, товарищи участвующихъ, но непремѣнно пришедшіе на конкурсъ необязательно, по своей охотѣ, гимназическое начальство и преподаватели съ ихъ семействами; самое же *Jury*, оцѣнивающее чтеніе, составится изъ директора, инспектора гимназіи, преподавателей родного языка и словесности и двухъ другихъ, по выбору педагогическаго совѣта. Jury должно тотчасъ же по окончаніи конкурса объявить свою оцѣнку тутъ же публично, указавъ на достоинства и недостатки чтецовъ. Когда обученіе выразительному чтенію, которое должно проходить черезъ всѣ классы, соединяясь съ преподаваніемъ теоріи поэзіи и исторіи литературы, станетъ въ ряду общеобразовательныхъ предметовъ на подобающее ему почетное мѣсто, тогда на такіе конкурсы могли бы приглашаться и родители учениковъ, что

---

[1]) Громкаго, яснаго, отчетливаго и неторопливаго произношенія должно *постоянно требовать* съ самыхъ младшихъ классовъ *не только на урокахъ родного языка*, но и при обученіи всѣмъ предметамъ, напр., Закона Божія (чтеніе молитвъ, Евангелія, отвѣты по свящ. исторіи и др.).

[2]) Можно устраивать такіе конкурсы и отдѣльно: для младшихъ четырехъ классовъ, для среднихъ — пятый и шестой, и старшихъ — седьмой и восьмой. Такой конкурсъ выйдетъ и болѣе интереснымъ для слушателей и болѣе удобнымъ по выбору матеріала.

служило бы одною изъ связей школы съ семьей, а самимъ ученикамъ доставляло бы хорошее эстетическое развлеченіе. Матеріаломъ для такихъ конкурсовъ могли бы служить: въ младшихъ классахъ — небольшія сказки, басни, легонькія стихотворенія, доступныя возрасту, прозаическіе отрывки, (Тургеневъ, Левъ Толстой), эпическіе отрывки или небольшія цѣлыя статьи изъ Жуковскаго и т. п.; въ среднихъ — басни болѣе сложныя, распредѣленныя между нѣсколькими учениками, баллады, отрывки изъ пушкинскихъ и лермонтовскихъ поэмъ, болѣе легкія лирическія произведенія, чтенія по ролямъ отрывковъ изъ пьесъ, напр., Островскаго; въ старшихъ — серьезная лирика русская и иностранная (Шиллеръ, Байронъ и др., напримѣръ, по выбору изъ сборниковъ Гербеля — *англійскіе, нѣмецкіе, славянскіе поэты*), монологи прозаическіе и стихотворные изъ классическихъ русскихъ и иностранныхъ пьесъ (Гоголь, Грибоѣдовъ, Островскій, Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте). Подобные конкурсы — новость только у насъ въ Россіи, да и то во многихъ учебныхъ заведеніяхъ опыты литературныхъ вечеровъ съ участіемъ однихъ учениковъ уже бывали, и удачные; — конкурсы такіе во Франціи уже введены во всѣ школы обязательно, а въ Германіи все болѣе и болѣе распространяются.

Говоря о выразительномъ чтеніи, не можемъ не указать еще на одно, по нашему мнѣнію, очень важное педагогическое его значеніе для заведеній закрытыхъ или вообще для гимназій съ интернатами. Извѣстно, какъ скучно, однообразно, такъ сказать, казенно, проходитъ для дѣтей и юношей, особенно остающихся въ заведеніи по праздникамъ, жизнь въ стѣнахъ непривѣтнаго холоднаго интерната, и какъ мало наполняетъ эту жизнь приготовленіе уроковъ, давая просторъ развитію многихъ пороковъ праздности и апатіи. Вотъ гдѣ разумная-то постановка выразительнаго чтенія могла бы оказать истинное благодѣяніе, наполняя разумно досугъ и эстетически развивая юношество. Объ этомъ вопросѣ подумать стоитъ [1]).

---

[1]) Намѣченные здѣсь вопросы разсматриваются, кромѣ указанной книги автора «Выразительное чтеніе», еще въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Руководство къ художественному чтенію»—Легуве, «Искусство выразительнаго чтенія» и «Этюды выразительнаго чтенія» — Коровякова, «Театральное искусство» — Боборыкина, «Искусство устнаго изложенія» — Бродовскаго, «Слово въ защиту живого слова» и «Страничка по методикѣ русскаго языка» — Шереметевскаго (сочиненія Шереметевскаго), «Искусство чтенія» — Эрастова съ предисловіемъ В. Давыдова.

Ред.

V.

Изученіе наизусть стихотвореній.

Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв. (изд. 1877 г.) вполнѣ основательно отводятъ весьма важное мѣсто въ ряду учебныхъ занятій устному изученію стиховъ (стр. 35). Это изученіе, — указываютъ *планы*, — имѣютъ цѣлью: 1) научить выразительному чтенію; 2) развить эстетическое чувство учащихся; 3) объяснить языкъ образный; 4) практически познакомить съ русскимъ стихосложеніемъ и 5) послужить матеріаломъ для теоретическихъ выводовъ при прохожденіи теоріи и исторіи словесности въ V и слѣдующихъ классахъ, поэтому учащіеся (продолжаютъ *планы*), переходящіе въ V классъ (въ женскихъ гимназіяхъ въ третій), должны вынести для означенныхъ цѣлей изъ предыдущихъ классовъ достаточный запасъ выученныхъ наизусть образцовъ поэтическихъ произведеній. Далѣе, на стр. 65-й, даже помѣщенъ и примѣрный списокъ послѣднихъ, который педагогическому совѣту предоставляется замѣнять и другими, примѣнительно къ классу, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ученики во время пребыванія въ четырехъ низшихъ классахъ имѣли возможность познакомиться съ образцами по каждому изъ указанныхъ программою видовъ поэзіи (т.-е., народная — пѣсня; поэма, романъ; баллада; басня; идиллія; ода; элегія). Вполнѣ соглашаясь съ *планами* относительно всѣхъ приведенныхъ нами указаній для младшихъ классовъ, позволяемъ себѣ не согласиться въ одномъ — а именно въ томъ, чтобы, согласно программѣ, для изученія въ низшихъ четырехъ классахъ были предложены образцы сатиры, драмы и комедіи. Первая совершенно рановременна, какъ и комедія (особенно *Горе отъ ума*, отрывки изъ которой указаны въ спискѣ), въ томъ возрастѣ, когда юноша долженъ воспитываться по преимуществу на идеалахъ положительныхъ; мѣсто же драмѣ, какъ и монологу, требующему значительнаго умственнаго развитія отъ учащагося, не ранѣе, какъ въ шестомъ классѣ; точно такъ же знакомство съ одой (указана „Размышленіе по случаю грома“), особенно ломоносовской и державинской, слѣдуетъ отложить до VI или VII класса, гдѣ это знакомство въ связи съ исторіей литературы всего естественнѣе.

Имѣя въ виду безусловное художественное достоинство произведеній и образцовый языкъ, мы полагали бы ограничиться въ низшихъ четырехъ классахъ исключительно *восемью* лучшими русскими поэтами-стихотворцами: Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Майковъ,

Батюшковъ и Языковъ [1]). Для стиховъ, изучаемыхъ наизусть, какъ мы уже говорили, въ каждомъ классѣ должна быть аккуратно ведена особая тетрадь, куда вносится: 1) чисто и правильно переписанныя стихотворенія, которыя всѣ для ученика обязательно безошибочно писать наизусть; 2) краткія свѣдѣнія о жизни послѣднихъ четырехъ авторовъ (біографіи первыхъ четырехъ составляются болѣе подробно, по чтенію или разсказу учителя, въ четвертомъ классѣ); 3) особыя примѣчанія, куда войдутъ указаніе размѣровъ, по крайней мѣрѣ ямба хорея и дактиля, а также замѣтки біографическаго или теоретическаго характера. Съ такой тетрадью учащіеся переходятъ въ слѣдующій классъ, гдѣ, чтобы выученное раньше не забывалось, слѣдуетъ время отъ времени задавать его повтореніе, а также при изученіи новаго произведенія того же автора припоминать, что извѣстно изъ него уже изъ предыдущихъ классовъ. Такія тетради должны вестись и далѣе, до самаго послѣдняго класса, такъ какъ изученіе стихотвореній проходитъ черезъ весь гимназическій курсъ. Съ какими же теоретическими свѣдѣніями по словесности можно ознакомить учениковъ младшихъ четырехъ классовъ на разборѣ изучаемыхъ стихотвореній? Это знакомство, по нашему мнѣнію, должно отойти къ четвертому и, только отчасти, къ третьему. Въ первомъ и второмъ вполнѣ достаточно ограничиться простымъ прозаическимъ пересказомъ содержанія пьесы, указаніемъ ея смысла, объясненіемъ образныхъ выраженій и скандированіемъ стиховъ, т.-е. медленнымъ произношеніемъ по стопамъ съ соблюденіемъ цезуры, чтобы въ дѣтяхъ пробудилось чутье ритма. Въ третьемъ и четвертомъ классахъ уже можно обратить вниманіе учащихся на элементы сочиненія: собственно русскіе *національные* (Зимняя дорога, Зимній вечеръ, Бѣсы, Утопленникъ), *историческіе* (Полтава, Мѣдный Всадникъ, Пѣсня о Калашниковѣ), *субъективный или личный* (лирика, чувства и мысли самого автора); *признаки мѣста и времени* (характеристика Кочубея, отрывки изъ Кавказскаго плѣнника, Цыганъ), *біографическій* элементъ (Опять на родинѣ). Въ четвертомъ же классѣ легко ознакомить съ тѣмъ, что такое сочиненіе, — описаніе, разсказъ (завязка, развитіе, развязка); съ значеніемъ словъ *великій поэтъ*, съ общимъ значеніемъ литературы въ дѣлѣ образованія; указать на мѣсто, занимаемое Пушкинымъ въ нашей изящной литературѣ. (Всѣ эти понятія необыкновенно просто объ-

[1]) Мотивированный выборъ всего пригоднаго для чтенія и изученія въ младшемъ и среднемъ возрастѣ, сдѣланный изъ нашихъ писателей-классиковъ, читатель найдетъ въ моей книгѣ «Русскіе писатели какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для чтенія съ дѣтьми», изд. 5-е. М. 1901 г.

яснены въ первой главѣ книжки для юношества—„*А. С. Пушкинъ, его жизнь и сочиненія*“. Изданіе Невской библіотеки, одинъ изъ выпусковъ „Русскихъ писателей для школъ“. Спб.). Въ этомъ же классѣ легко объясняется значеніе лирической поэзіи художественной и отличіе ея отъ народной пѣсни; отличіе пѣсенъ Кольцова отъ искусственныхъ подражаній народнымъ пѣснямъ и отъ самыхъ народныхъ пѣсенъ (очень просто объяснено въ первой главѣ книжки „*Чтеніе для юношества, А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія*“, Москва). При біографіи Крылова, написанной Плетневымъ, можно дать понятіе о баснѣ, при чемъ сравнить басни Крылова съ сухой басней Федра или Езопа (образцы есть въ I т. Хрестом. Филонова), а также баснями Дмитріева или Хемницера. Такимъ образомъ изученіе стихотвореній въ глазахъ учащихся получитъ особый смыслъ и интересъ и разумно подготовитъ къ курсу словесности.

Въ заключеніе предлагаемъ примѣрный списокъ произведеній, подходящихъ младшему возрасту. Предоставляя распредѣленіе матеріала по классамъ самимъ преподавателямъ и преподавательницамъ, мы предложимъ сначала списокъ для приготовительнаго класса и трехъ низшихъ, а затѣмъ особо для четвертаго.

а) *Для приготовительнаго и трехъ низшихъ классовъ*:

Кольцова: 1) Пѣсня пахаря. 2) Крестьянская пирушка. 3) Урожай. 4) Что ты спишь. 5) Ночлегъ чумаковъ.

Крылова: 6) Зеркало и обезьяна. 7) Тришкинъ кафтанъ. 8) Любопытный. 9) Котъ и поваръ. 10) Слонъ и моська. 11) Лебедь, щука и ракъ. 12) Оселъ и соловей. 13) Демьянова уха. 14) Ларчикъ. 15) Мартышка и очки. 16) Пѣтухъ и жемчужное зерно. 17) Квартетъ. 18) Прохожіе и собаки. 19) Лисица и виноградъ. 20) Ворона и лисица. 21) Свинья подъ дубомъ. 22) Волкъ и ягненокъ. 23) Орелъ и пчела. 24) Муха и пчела. 25) Стрекоза и муравей. 26) Камень и червякъ. 27) Обозъ. 28) Двѣ бочки. 29) Синица. 30) Два мальчика. 31) Водопадъ и ручей.

Пушкина: 32) Зимній вечеръ. 33) Зимняя дорога. 34) Птичка. 35) Туча. 36) Анчаръ. 37) Отрокъ. 38) Кавказъ. 39) Осень (первые два куплета). 40) Пиръ Петра Великаго. 41) Бѣсы. 42) Утопленникъ. 43) Прологъ къ Руслану. 44) Цыганскій таборъ. 45) Горцы (изъ Кавказскаго плѣнника). 46) Черкесская пѣсня (idem). 47) Характеристика Кочубея. 48) Полтавскій бой [1]).

[1]) Въ этихъ же классахъ могутъ быть выучены легкія описанія изъ *Онѣгина*, напр. Зима, Весна, Въѣздъ въ Москву.

Лермонтова: 49) Когда волнуется. 50) Ангелъ. 51) Сосна. 52) Казачья колыбельная пѣсня. 53) Молитва. 54) Плѣнный рыцарь. 55) Отрывки изъ пѣсни о Калашниковѣ. 56) Вѣтка Палестины.

Жуковскаго: 57) Утренняя звѣзда. 58) Лѣтній вечеръ, 59) Овсяный кисель (отрывокъ). 60) Деревенскій сторожъ. 61) Воскресное утро въ деревнѣ. 62) Сельское кладбище (въ первомъ переводѣ первыя четыре строфы). 63) Старый рыцарь. 64) Гаральдъ. 65) Лѣсной царь.

Майкова: 66) Менискъ. На мысѣ семъ дикомъ... 67) Кто онъ? 68) Картинка. 69) „Нива", до словъ: „О Боже, ты даешь..." 70) Сѣнокосъ. 71) Осень. 72) Ласточка примчалась. 73) Лѣтній дождь. 74) Ласточки.

Народныя пѣсни: 75) Колыбельная пѣсня. 76) Ахъ, ты, поле. 77) Ужъ какъ палъ туманъ... 78) Ахъ, ты, горе, гореваньице... 79) Ахъ кабы на цвѣты да не морозы.

b) *Для четвертаго класса*:

Кольцова: 1) Косарь. 2) Первая пѣсня Лихача. 3) Вторая... 4) Дума сокола. 5) Послѣдняя борьба.

Крылова: 6) Гуси. 7) Крестьянинъ и овца. 8) Парнасъ. 9) Прудъ и рѣка. 10) Лягушка и Юпитеръ. 11) Василекъ. 12) Волкъ и пастухи. 13) Старикъ и трое молодыхъ.

Пушкина: 14) Если жизнь тебя обманетъ. 15) Трудъ. 16) Муза 17) Эхо. 18) Опять на родинѣ. 19) Преданіе объ Овидіи. 20) Стансы (Въ надеждѣ славы...). 21) Брожу ли я... 22) Кочубей въ темницѣ. 23) Двѣ пѣсни изъ „Пира во время чумы". 24) Деревня (первая половина). 25) Ко гробу Кутузова.

Лермонтова: 26) Парусъ. 27) Выхожу. 28) Дубовый листокъ оторвался. 29) Завѣщаніе. 30) Я, Матерь Божія...

Жуковскаго: 31) Ночь.

Языкова: 32) Землетрясеніе.

Батюшкова: 33) Яворъ къ прохожему.

VI.

Внѣклассное чтеніе младшихъ четырехъ классовъ. Классная библіотека.

Кромѣ изученія наизусть художественныхъ произведеній и выразительнаго ихъ произношенія, могущественнѣйшее средство къ пріобрѣтенію литературнаго образованія въ четырехъ низшихъ классахъ — самостоятельное чтеніе учениковъ. Образовывая вкусъ и развивая послѣднихъ этико-эстетически, незамѣтно обогащая ихъ массой новыхъ словъ

и оборотовъ рѣчи, оно вмѣстѣ съ тѣмъ должно сообщить учащимся обширный матеріалъ для послѣдующихъ занятій словесностью (съ V-го класса). Въ то же время это чтеніе послужитъ матеріаломъ для устныхъ и письменныхъ работъ (пересказы краткіе и подробные, извлеченія, переработки содержанія по другому плану, подражанія и т. п.). Словомъ, — разумная литературная начитанность есть необходимая основа всего литературнаго образованія.

Прежде, чѣмъ предложить примѣрный списокъ статей и книгъ, рекомендуемыхъ нами *обязательно*, съ литературно-педагогическою цѣлью, въ младшихъ четырехъ классахъ гимназіи, позволимъ себѣ указать гг. преподавателямъ и воспитателямъ тѣ источники, въ которыхъ представленъ мотивированный матеріалъ для выбора книгъ, пригодныхъ для чтенія дѣтямъ *вообще*.

1) *Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу*. Виктора Острогорскаго. Изд. 5-е. М. 1901 г. (разобраны писатели: Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ, Гоголь, Майковъ, Мей, Никитинъ, Шевченко, Тургеневъ, Григоровичъ, Графъ Л. Толстой, Погосскій, Некрасовъ, Плещеевъ, Аксаковъ). Ц. 1 р. 50 к.

2) *Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Отдѣлъ по родному языку. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное.*

3) *Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія*; составленъ учительницами Харьковской частной женской воскресной школы. Два тома. Цѣна каждаго тома 2 руб.

4) *Домашнія библіотеки*. Панова.

5) *Справочная книга по чтенію дѣтей*. Соболева, Спб. 1903 г.

6) *Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы*. Изд. журнала „Дѣтское Чтеніе".

Отнюдь не предлагая каталога школьной библіотеки для четырехъ низшихъ классовъ, который легко можетъ быть составленъ педагогическимъ совѣтомъ гимназіи на основаніи приведенныхъ нами критическихъ матеріаловъ, укажемъ только на тотъ литературный матеріалъ, который, какъ намъ кажется, долженъ быть постепенно усвоенъ учащимися къ переходу въ V-й классъ обязательно,—съ одной стороны съ цѣлью этико-эстетической вообще, съ другой — для успѣшнаго прохожденія курса словесности и исторіи литературы путемъ самостоятельнаго внѣкласснаго, а отчасти и класснаго чтенія.

Начинаемъ съ литературы *народной*, какъ наиболѣе доступной младшему возрасту, свѣжей и живой по непосредственному чувству природы,

яркой національности, простотѣ и грандіозности типовъ, преимущественно семейныхъ и патріотическихъ [1]).

1) *Рамайяна*. Древняя индійская поэма, обработанная для юношества М. Чистяковымъ. Изд. Н. Фену и Комп., Спб. 1883 г., ц. 50 к. 2) *Наль и Дамаянти*, пер. Жуковскаго и *пересказъ* поэмы въ изданіи Маракуева, „Индійскія повѣсти". 3) Прозаическое хорошее переложеніе *Наль и Дамаянти* въ книгѣ В. Сорокина *Дѣтскій Сборникъ*. 4) *Рустемъ и Зорабъ*, пер. Жуковскаго 5) *Война мышей и лягушекъ*, пер. Жуковскаго. 6) *Разсказы о греческихъ герояхъ, написанные Нибуромъ для своего сына*. М. 1862 г., ц. 15 к. 7) *Одиссея*, Жуковскаго. 8) *Одиссея Гомера*. Разсказалъ для дѣтей А. Лярскій (съ рисунками Преллеса) изд. Девріена, Спб. 1885 г., ц. 4 р. 50 к. 9) *Одиссея и Иліада* (въ пересказахъ), изд. Вольфа. 10) *Странствованіе Энея*, изд. Вольфа. 11) *Ундина*. Старинная повѣсть изъ Ламмотгъ Фукэ, соч. В. Жуковскаго. Изд. Глазунова. 12) *Баллады*: „Кубокъ", „Перчатка", „Графъ Габсбургскій", „Сраженіе со змѣемъ", „Судъ Божій надъ еписк.", Судъ Божій. 13) *Калевала*, Финскій народный эпосъ, пер. Э. Гранстремъ. Спб. 1881 г., ц. 2 р. NB. Болѣе сжатый и приспособленный для дѣтскаго возраста пересказъ *Калевалы*, сдѣланный Н. Борисовымъ; отдѣльн. изданіе 1889 г. подъ заглавіемъ—Калевала, финскія народныя былины для юношества, ц. 50 к. 14) *Роландъ*, пер. Алмазова. NB. Пересказъ для дѣтей В. Острогорскаго, см. въ „Д. Чт." 1878 г., т. XX; онъ же перепечатанъ въ книгѣ *Изъ міра великихъ преданій*. 15) *Нибелунги*, журн. „Разсвѣтъ" 1861 г., т. IX. 16) *Тысяча и одна ночь*, арабскія сказки, изд. Вольфа. 17) *Народныя сказки братьевъ Гриммовъ*, перев. Снессоревой, Спб., изд. Глазунова 1870 г., ц. 1 р. 50 к. 18) *Русскія сказки*, Аѳанасьева (изд. для дѣтей). 19) *Книга былинъ*, Авенаріуса. 20) *Сказки Пушкина и Жуковскаго*. 21) *Ершова,—Конекъ Горбунокъ*. 22) *Пѣсня про купца Калашникова*, Лермонтова [2]).

---

[1]) Разъясненіе значенія произведеній классическихъ народныхъ, а также преобладающей въ ней фантастики, со стороны педагогической, см. въ книгѣ моей *Русскіе писатели*. *Авторъ*.

[2]) Все названное здѣсь изъ переводовъ Жуковскаго можно найти въ юбилейномъ изданіи его сочиненій, выпущенномъ с.-петербургской городской думой 1902 года; тамъ же и объяснительныя статьи редактора В. Острогорскаго.

Баллады Жуковскаго изданы для школъ Глазуновымъ — пятый выпускъ «Русской классной библіотеки», редактируемой А. Чудиновымъ.

Въ выпускахъ той же Классной библіотеки «пѣсни» о Роландѣ, Сидѣ; поэма Калевала.

Сокращенное изложеніе «Наля», «Рустема» и «Ундины» въ хрестоматіи «Родные поэты» В. Острогорскаго. *Ред.*

Отъ произведеній чисто народныхъ или художественно-народныхъ переходимъ къ чтенію писателей русскихъ, чисто художественныхъ, съ содержаніемъ изъ русской жизни вообще, ограничиваясь только немногими произведеніями, знать которыя при переходѣ въ V-й классъ для учениковъ обязательно. О знакомствѣ съ Крыловымъ и Кольцовымъ здѣсь не говоримъ, точно такъ же, какъ и о лирикѣ Пушкина, Лермонтова и Майкова, съ которою ученикъ ознакомится путемъ изустнаго изученія и классныхъ разборовъ [1]).

Пушкинъ: 1) Арапъ Петра Великаго, 2) Полтава, 3) Мѣдный Всадникъ, 4) Капитанская дочка, 5) Дубровскій (отрывки), 6) Лѣтопись села Горохина (отрывки), 7) Цыгане, 8) Кавказскій плѣнникъ.

Гоголь: 1) Тарасъ Бульба, 2) Старосвѣтскіе помѣщики, 3) Ссора Ивана Ив. съ Ив. Никифоровичемъ.

Майковъ: 1) Дурочка Дуня, 2) Клермонтскій соборъ, 3) Саванаролла, 4) Приговоръ.

Тургеневъ: 1) Хорь и Калинычъ, 2) Малиновая вода, 3) Однодворецъ Овсянниковъ, 4) Льговъ, 5) Бѣжинъ лугъ, 6) Касьянъ съ Красивой Мечи, 7) Бирюкъ, 8) Пѣвцы, 9) Муму.

Григоровичъ: 1) Мать и дочь, 2) Зимній вечеръ, 3) Деревня, 4) Четыре времени года, 5) Прохожій, 6) Бобыль, 7) Антонъ Горемыка, 8) Свѣтлое Христово Воскресенье, 9) Пахарь, 10) Рыбаки.

Графъ Л. Толстой: 1) Дѣтство и отрочество, 2) Севастопольскіе разсказы, 3) Три смерти, 4) Отрывки изъ „Войны и мира" (напр., картина оставленной Москвы, сборы и выѣздъ изъ Москвы, Каратаевъ, партизанская война и мн. др.).

С. Аксаковъ: 1) Семейная хроника, 2) Дѣтскіе годы.

Загоскинъ: Юрій Милославскій.

А. Толстой: Князь Серебряный.

Гончаровъ: Фрегатъ „Паллада".

Произведенія народной фантазіи всего лучше полагаютъ основаніе литературному образованію. Соотвѣтствуя возрасту ребенка, у котораго преобладающія способности—сильное воображеніе, фантазія, такъ ярко видныя въ его играхъ и наклонности къ воспріятію чудеснаго, и непосредственное, чуткое чувство, эти произведенія, проникнутыя любовью къ природѣ и жизни и полныя образовъ семейныхъ и патріотическихъ, на всю жизнь могущественно и здорово укрѣпляютъ дѣтскую душу, давая ей великолѣпный и интересный матеріалъ для мышленія и въ

---

[1]) Мотивировку выбора сочиненій этихъ писателей, кромѣ Загоскина, см. въ оей книгѣ «Русскіе писатели».

то же время пріятный отдыхъ отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ занятій формальныхъ. Вѣчно юныя произведенія наиболѣе даровитыхъ народовъ древности, какъ индійцы, персы, греки, отчасти римляне, задушевная поэзія Франціи (Роландъ), простодушная сказка германца (Гриммъ) и угрюмаго на видъ, но тонко чувствующаго финна, сказка и былина національная русская — вотъ на какомъ литературномъ матеріалѣ полагаемъ мы начать этико-эстетическое развитіе учениковъ, на прекрасныхъ образахъ и необыкновенно простомъ изложеніи этого матеріала, могущихъ въ то же время положить и основаніе развитію своего собственнаго литературнаго языка. Выбирая изъ огромнаго капитала міровой и отечественной народной поэзіи вещи, нами указанныя, мы, конечно, *должны были сообразоваться и съ тѣмъ, что уже есть на русскомъ языкѣ въ хорошихъ переводахъ* или, по крайней мѣрѣ, въ *приспособленныхъ для дѣтскаго возраста пересказахъ,* сохраняющихъ по возможности колоритъ подлинника и даже самыя его выраженія. Эта литература народная, проходящая чрезъ всѣ низшіе четыре класса, есть въ то же время прекрасный матеріалъ для будущаго, и, увеличенная въ объемѣ и получившая уже научное освѣщеніе въ старшихъ классахъ, должна составить для образованнаго человѣка на всю жизнь ничѣмъ не замѣнимый капиталъ знанія о человѣкѣ и его духовной природѣ.

Оставляя въ сторонѣ классъ приготовительный, гдѣ все вниманіе учителя сосредоточивается на одной цѣли — практически выучить ребенка читать, писать и разсказывать, начинаемъ съ перваго класса, гдѣ уже, кромѣ литературныхъ произведеній изъ классной хрестоматіи и, вообще, дѣтскихъ книгъ и дѣтскихъ журналовъ, должны *непремѣнно* находиться извѣстныя книжки и статьи, знакомство съ которыми уже *обязательно*. При переходѣ въ первый классъ ученики заводятъ каждый себѣ особую тетрадь, въ которую съ самаго начала года учитель долженъ продиктовать списокъ обязательныхъ для прочтенія на цѣлый годъ произведеній, а именно слѣдующихъ, какъ наиболѣе доступныхъ возрасту:

1) *Рамайяна.*
2) *Наль и Дамаянти.*
3) *Война мышей и лягушекъ.*
4) *Одиссея.*
5) *Иліада.*
6) *Странствованіе Энея.*
7) *Калевала.*
8) *Роландъ.*

9) *Тысяча и одна ночь.*
10) *Сказки* братьевъ Гриммовъ.
11) *Русскія сказки* Аѳанасьева.
12) *Сказки Пушкина и Жуковскаго.*
13) *Конекъ-Горбунокъ,* Ершова.

Вотъ, приблизительно, съ какимъ литературнымъ матеріаломъ должны, по нашему мнѣнію, переходить ученики во второй классъ. Знанія этихъ вещей обязательно требовать и отъ поступающихъ во второй классъ со стороны, почему списокъ долженъ быть напечатанъ и во вступительныхъ программахъ. Конечно, никакихъ особенныхъ объясненій этого матеріала въ этомъ возрастѣ требовать нельзя, и достаточно, если ребенокъ разскажетъ коротенько, какъ сказку, напр., „Наля“, перескажетъ два три отрывка изъ Одиссея и Иліады, двѣ три сказки братьевъ Гриммовъ, изъ арабскихъ сказокъ или русскихъ, чтобы только видно было, что указанныя вещи читаны и, въ общемъ, въ содержаніи, хотя бы по частямъ, усвоены. Порядокъ, въ какомъ раздать книжки для чтенія въ году, здѣсь не важенъ, а для провѣрки, дѣйствительно ли книжки прочтены и усвоены, слѣдуетъ время отъ времени заставлять разсказывать прочитанное въ классѣ, по возможности бесѣдуя о прочитанномъ. Тѣмъ дѣтямъ, которыя уже пишутъ свободно и быстро и, что называется, любятъ сочинять, напр. писать письма, дневники (а такихъ дѣтей въ младшихъ классахъ всегда бываетъ нѣсколько), можно предложить въ году и записать прочитанное своими словами въ особую тетрадку, которая, такимъ образомъ, будетъ памятнымъ дневникомъ прочитаннаго.

Ко *второму* классу дѣти уже въ достаточной степени освоились съ устною рѣчью, умѣютъ выразительно произносить наизусть много образцовъ, пріобрѣли понятія изъ географіи математической и физической, а также знаютъ общій обзоръ странъ свѣта и государствъ, — словомъ, имѣютъ извѣстный запасъ знаній и умственнаго развитія; теперь уже можно осмыслить, освѣтить и расширить то, что пріобрѣтено въ классѣ предыдущемъ. И вотъ, въ началѣ учебнаго года учитель родного языка вводитъ учениковъ уже въ чтеніе самыхъ памятниковъ, которые были извѣстны до сихъ поръ только въ дѣтскихъ пересказахъ. Показавъ дѣтямъ на картѣ Индію и указавъ на особыя климатическія условія страны, ея яркую флору и фауну, запугивающія человѣка, онъ, по продиктованному сперва или по записываемому постепенно конспекту въ особыхъ тетрадяхъ учениками, разскажетъ въ главныхъ чертахъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ, такъ повліявшихъ на индійскую литературу. Такое вступленіе, повторенное учениками по конспекту, въ цѣломъ и,

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

еще лучше, по частямъ, займетъ не болѣе двухъ уроковъ для Индіи, а затѣмъ, напримѣръ, черезъ недѣлю, безъ ущерба другимъ занятіямъ, можно и прочитать въ классѣ по хрестоматіи одну изъ главъ *Наль и Дамаянти,* въ общей фабулѣ уже извѣстной изъ перваго класса, обративъ вниманіе на языкъ, черты природы и вѣрованій. Такимъ образомъ вся сказка получитъ въ глазахъ дѣтей особый смыслъ и интересъ и можетъ быть дана для обязательнаго прочтенія въ переводѣ Жуковскаго въ цѣломъ на два мѣсяца, сентябрь и октябрь, при чемъ, для будущей провѣрки прочтеннаго, могутъ быть поставлены въ тетради, напримѣръ, слѣдующіе вопросы, отвѣты на которые уже даны во вступленіи учителя.

1) Гдѣ находится Индія, въ какомъ поясѣ? Климатъ, почва, растительность страны, устрашающія явленія природы и ея роскошь.

2) Кто, по понятію индійцевъ, царитъ надъ міромъ? Въ какихъ трехъ божествахъ проявляется Брама?

3) Что такое переселеніе душъ и стихійные боги (укажите примѣры изъ прочитанной сказки)?

4) Что такое дуализмъ (боги добрые и злые)?

5) Почему въ Индіи развилось отшельничество (укажите примѣръ изъ сказки)?

6) Разскажите содержаніе сказки.

7) Что можете сказать о Налѣ, какъ о мужѣ и отцѣ, и о Дамаянти, какъ о женѣ и матери? Что переносила она ради мужа [1])?

Болѣе привыкшимъ къ письму и грамотнымъ ученикамъ можетъ быть предложено и написать подробное содержаніе сказки въ объемѣ не болѣе одного или полутора листа. Заданная на цѣлыхъ два мѣсяца, и притомъ ученикамъ лучшимъ, такая работа вовсе не обременительна; съ остальныхъ учениковъ вполнѣ достаточно отвѣтовъ устныхъ.

Въ началѣ ноября можно перейти точно такъ же къ чтенію *Рустема и Зораба,* опять посвятивъ на вступленіе урока два, также съ конспектами въ ученическихъ тетрадяхъ, и прочитать нѣсколько отрывковъ изъ поэмы въ классѣ, а затѣмъ, на два слѣдующіе мѣсяца (ноябрь и декабрь), дать уже всю поэму для обязательнаго прочтенія. Для провѣрки вопросы можно поставить, напримѣръ, слѣдующіе:

1) Кто былъ Фирдуси, когда и при какомъ шахѣ жилъ, что знаете о жизни поэта и о его книгѣ „Шахъ-Намэ"?

---

[1]) Сжатый конспектъ вступленія въ чтеніе *Наля* и *Рустема* см. въ книгѣ *Русскіе писатели* В. Острогорскаго и въ изданіи сочиненій Жуковскаго, выпущенномъ въ 1902 году с.-петербургской городской думой.

Ред.

2) Гдѣ находилась древняя Персія, на какія двѣ части раздѣлялась, какимъ характеромъ природы отличались Иранъ и Туранъ?

3) Что знаете о народѣ въ этихъ странахъ, о царяхъ и пехлеванахъ?

4) Что такое рокъ, и почему образовалось это вѣрованіе?

5) Что знаете о вѣрованіи въ звѣзды, въ Ормузда и Аримана?

6) Разскажите содержаніе поэмы?

7) Что можете сказать о Рустемѣ, Зорабѣ, Теминѣ, Кейкавусѣ?

Подробное изложеніе содержанія письменно (для лучшихъ учениковъ) составитъ вторую *необязательную* большую письменную работу.

Въ январѣ, провѣривъ въ классѣ, насколько усвоенъ *Рустемъ,* можно перейти и къ Греціи, изъ литературы которой во II классѣ можно ограничиться одной *Одиссеей*, въ переводѣ Жуковскаго, такъ какъ *Иліада* для пониманія труднѣе; краткое же содержаніе ея, необходимое для пониманія Одиссеи, извѣстно уже, въ видѣ сказки, изъ перваго класса. Здѣсь уже вступленіе займетъ не менѣе четырехъ или даже пяти уроковъ и должно сопровождаться показываніемъ картинъ, изображающихъ греческихъ боговъ и, вообще, гомерическую Грецію. Здѣсь же, при чтеніи въ классѣ отрывковъ изъ Одиссеи, можетъ быть обращено вниманіе на устройство гекзаметра и его чтеніе, что можетъ быть сдѣлано, впрочемъ, и ранѣе, при чтеніи „Наля и Дамаянти". Вопросы для провѣрки (въ концѣ апрѣля) прочитаннаго, напримѣръ, слѣдующіе:

1) Гдѣ находится Греція? Климатъ, почва, красота страны, люди и ихъ характеръ.

2) Древнѣйшій періодъ миѳологіи (Хаосъ, Гея, Уранъ, Кронъ, Рея, Зевсъ).

3) Опишите каждаго изъ 11 олимпійцевъ (имена должны быть извѣстны наизусть).

4) Какъ представляли греки судьбу (Парки)?

5) Какія главныя свойства греческихъ боговъ?

6) Назовите нѣсколько низшихъ божествъ и укажите связь ихъ съ жизнью человѣка.

7) Каково было государственное устройство Греціи и какіе нравы?

8) Разскажите объ основаніи Трои, свадьбѣ Пелея, поводѣ къ Троянской войнѣ, сборахъ въ походъ и главнѣйшихъ событіяхъ ея до начала Одиссеи (всѣ эти факты хорошо изложены въ извѣстной книгѣ Штоля *Миѳы классической древности*, а также отчасти извѣстны изъ дѣтскихъ сказокъ изъ Гомера, читанныхъ въ I классѣ).

9) Краткое содержаніе всей Одиссеи и подробное какой-нибудь одной пѣсни, письменное изложеніе которой составитъ *третью* большую письменную работу [1]).

Такимъ образомъ, если къ знакомству съ тремя капитальными произведеніями народными, *Наль*, *Рустемъ* и *Одиссея*, въ этомъ же классѣ присоединить еще классное чтеніе съ разборомъ трехъ-четырехъ русскихъ сказокъ, если, при всѣхъ этихъ занятіяхъ, не упускать случая, гдѣ возможно, пользоваться сравненіями разной природы, миѳологіи и нравовъ, то вмѣстѣ съ разученными наизусть произведеніями, указанными ранѣе, съ образцами изъ хрестоматіи, разобранными съ разными цѣлями въ классѣ, — наконецъ съ нѣсколькими хорошими книгами и статьями, прочитанными изъ классной библіотеки, къ переходу въ III классъ, получится литературный капиталъ, уже довольно солидный.

Въ третьемъ классѣ, при такой подготовкѣ, обязательное внѣклассное чтеніе пойдетъ гораздо быстрѣе. Здѣсь уже прямо можно дать дѣтямъ ознакомиться съ *Иліадой*, если не въ цѣломъ переводѣ Гнѣдича, то, по крайней мѣрѣ, по сводному переводу 600 стиховъ Жуковскаго (кстати, и наиболѣе интересныхъ) и отрывкамъ у Галахова, а также съ прекраснымъ отрывкомъ изъ Овидія *Цеиксъ и Гальціона*. Затѣмъ, воспользовавшись отрывками изъ *Иліады и Цеиксомъ*, какъ матеріаломъ уже для *обязательнаго* письменнаго пересказа, слѣдуетъ приступить къ ознакомленію съ *Энеидой*; для этого преподаватель можетъ воспользоваться прекрасными книжками, изд. Ковалевскаго, *Древніе классики для русскихъ читателей* (Гомеръ *Иліада*, Гомеръ *Одиссея*, Виргилій *Энеида*) и поставить приблизительно слѣдующіе вопросы:

1) Что знаете о разрушеніи Трои, кто отправился по волѣ боговъ въ Италію, что испыталъ на пути и какому государству положилъ начало въ Италіи (краткій разсказъ по книжкѣ, уже извѣстной дѣтямъ, *Странствованія Энея*)?

2) Кто такой былъ Виргилій и съ какою цѣлью написалъ Энеиду?

3) Что можете сказать о самомъ Энеѣ и Дидонѣ?

Такъ какъ переводъ Энеиды въ цѣломъ (Шершеневича) довольно рѣдокъ, а Соснецкаго — плохъ, хотя и имъ можно все-таки воспользоваться, то довольно ограничиться переводомъ Жуковскаго второй пѣсни

[1]) Вступленіе и выборъ изъ Одиссеи см. «Русск. пис.» и въ думскомъ изданіи сочиненій Жуковскаго. Изъ новѣйшихъ изданій, знакомящихъ съ греческой миѳологіей, укажемъ на книгу Гоу «Минерва». *Ред.*

Разрушеніе Трои и отрывкомъ Шершеневича о Дидонѣ (II ч. Хрест. Галахова) [1]).

Въ этомъ же III классѣ вполнѣ умѣстно, послѣ знакомства съ Гомеромъ и Виргиліемъ, чтеніе въ классѣ балладъ: 1) *Торжество побѣдителей*, 2) *Кассандра*, 3) *Поликратовъ перстень*, 4) *Ивиковы журавли*, а также 5) *Ахиллъ;* нѣкоторые отрывки (напр., описаніе театра въ *Ивиковыхъ журавляхъ*) могутъ быть выучены наизусть. Всѣ эти вещи — въ то же время и прекрасный матеріалъ для письменныхъ пересказовъ.

Такимъ образомъ въ третьемъ классѣ заканчивается литературное изученіе *восточныхъ* и главнѣйшихъ изъ *греко-римскихъ* миѳовъ, а изученіе *среднихъ вѣковъ* можно отнести къ классу четвертому. Но въ третьемъ же классѣ, когда уже чтеніе собственно *дѣтскихъ* книгъ и журналовъ должно мало-по-малу уступать мѣсто непосредственному знакомству съ произведеніями отечественной литературы, могутъ быть предложены, какъ обязательное внѣклассное чтеніе, съ нѣсколькими провѣрочными вопросами, по усмотрѣнію преподавателя, слѣдующія произведенія:

I. *Пушкинъ*: Арапъ Петра Великаго, Полтава, Мѣдный Всадникъ, Галубъ, Кавказскій плѣнникъ.

II. *Гоголь*: Тарасъ Бульба [2]).

Григоровичъ: 1) Зимній вечеръ, 2) Прохожій, 3) Бобыль, 4) Свѣтлое Христово Воскресенье.

IV. *Графъ Л. Толстой*: Дѣтство и отрочество.

V. *Загоскинъ*: Юрій Милославскій.

NB. Изученіе двухъ-трехъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, нѣсколькихъ русскихъ сказокъ и отрывковъ изъ былинъ, которыя могутъ быть сравнены до нѣкоторой степени съ былинами греческими (Иліада) и персидскими (Рустемъ), уже извѣстными дѣтямъ, войдетъ въ классныя занятія по хрестоматіи.

Въ *четвертомъ* классѣ знакомство съ литературой народной и народно-художественной должно быть открыто вступленіемъ, разсказаннымъ учителемъ и приблизительно отвѣчающимъ на слѣдующіе вопросы:

1. Какое время обнимаютъ средніе вѣка?

2. Что такое рыцарство?

[1]) Въ послѣднее время вышелъ новый хорошій переводъ «Энеиды» — Квашнина-Самарина. *Ред.*

[2]) Выборъ изъ Пушкина для этой цѣли сдѣланъ В. Острогорскимъ въ книгѣ его «Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ»; для Гоголя въ юбилейномъ изданіи с.-петербургской городской думы, посвященномъ этому писателю и составленномъ В. Острогорскимъ. *Ред.*

3. Какую роль играло въ средніе вѣка духовенство?

4. Что за вѣрованія тогда существовали (феи, эльфы, ундины)? [1]).

Для обязательнаго прочтенія внѣ класса могутъ быть предложены слѣдующія вещи:

1) *Кубокъ*, 2) *Перчатка*, 3) *Роландъ-оруженосецъ*, 4) *Графъ Габсбургскій*, 5) *Сраженіе со змѣемъ*, 6) *Вѣрность до гроба*, 7) *Старый рыцарь* (наизусть), 8) *Судъ Божій надъ епископомъ* (наизусть), 9) *Судъ въ подземельѣ*, 10) *Гаральдъ* (наизусть) и 11) *Ундина* (изд. Глазуновымъ отдѣльно, ц. 50 коп.). Здѣсь же умѣстно прочтеніе учениками, хотя бы въ сокращеніи, романовъ Вальтеръ Скотта: *Айвенго*, *Пероская красная дѣвица* и *Квентинъ Дорвардъ*; прекрасной статьи *о Нибелунгахъ* въ журналѣ *Разсвѣтъ*, 1861 г. томъ IX, также *Роланда* въ стихотворномъ переводѣ Алмазова или въ выпускѣ „Русской классной библіотеки" Глазунова. Нѣсколько вопросовъ для провѣрки усвоенія учениками прочитаннаго должны быть заранѣе продиктованы учителемъ.

Къ четвертому же классу должно быть отнесено и знакомство съ русскими народными *былинами*, хотя бы съ нѣкоторыми, по книгѣ Авенаріуса *Книга былинъ*, но не иначе, какъ послѣ предварительной бесѣды учителя, въ которой нужно выяснить:

1. Кто такіе богатыри, что такое былина и гдѣ русскія былины слагаются (см. вступленіе къ *Книгѣ былинъ*)?

2. Какое время обнимаютъ собой богатыри?

3. Какъ раздѣляются по времени (старшіе и младшіе) и мѣсту (кіевскіе и новгородскіе)? [2])

Съ большимъ развитіемъ учениковъ здѣсь же предлагаемъ и гораздо большее знакомство съ произведеніями лучшихъ изъ нашихъ новѣйшихъ писателей. Вотъ съ чѣмъ именно считаемъ вполнѣ возможнымъ ознакомить дѣтей обязательно:

I. *Пушкинъ*: 1) Капитанская дочка, 2) Дубровскій, 3) Лѣтопись села Горохина, 4) Цыгане, 5) Бахчисарайскій фонтанъ.

---

[1]) Вступленіе см. *Русск. пис.* стр. 64—76; матеріаломъ для учителя могутъ также служить: книжка П. Полевого *Народныя Сказанія* и статья Гейне *Стихійные духи*; въ соч. Гейне въ пер. русск. пис., изд. П. Вейнберга, т. VI; также статья Самойловичъ *Трубадуръ* въ «Д. Чт.» 1872 г., т. VIII и книжки Иванова «Средневѣковый городъ», «Средновѣковый монастырь», «Средневѣковый замокъ», «Средневѣковая деревня» и «Трубадуры».

[2]) Новѣйшія пособія для изученія русской народной поэзіи: «Народныя былины», изд. Поливановымъ; «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ», изд. Комитета Грамотности; «Десять чтеній по литературѣ», изд. Мамонтова, М. 1 р. (статья «Народные пѣвцы»); «Русскія былины» ред. А. Чудинова, — одинъ изъ выпусковъ «Русской классной библіотеки» — Глазунова. *Ред.*

II. *Гоголь:* 1) Старосвѣтскіе помѣщики, 2) Ссора Ив. Ив.

III. *Майковъ*: 1) Дурочка Дуня, 2) Клермонтскій соборъ, 3) Саванаролла, 4) Приговоръ.

IV. *Тургеневъ*: 1) Хорь и Калинычъ, 2) Льговъ, 3) Бѣжинъ лугъ, 4) Касьянъ съ Красивой Мечи, 5) Муму, 6) Однодворецъ Овсянниковъ, 7) Бирюкъ и 8) Пѣвцы (всѣ эти разсказы изданы отдѣльно, по нѣскольку копеекъ за экземпляръ).

Григоровичъ: 1) Мать и дочь, 2) Деревня, 3) Четыре времени года, 4) Антонъ Горемыка, 5) Пахарь, 6) Рыбаки.

VI. *Графъ Л. Толстой*: 1) Три смерти, 2) Севастопольскіе разсказы.

VII. *С. Аксаковъ*: 1) Семейная хроника и 2) Дѣтскіе годы.

VIII. *А. Толстой*: Князь Серебряный.

Если къ знакомству со всѣми указанными нами народными и художественными произведеніями присоединить еще обязательное знакомство съ четырьмя біографіями (Крыловъ, Кольцовъ, Жуковскій, Пушкинъ), и однимъ хотя путешествіемъ — напр., *Фрегатъ Паллада* Гончарова, то ученики, переходя въ V классъ, могутъ считаться достаточно подготовленными къ усвоенію уже серьезнаго систематическаго курса теоріи словесности.

Въ заключеніе бесѣдъ нашихъ о литературномъ образованіи, даваемомъ *низшими* четырьмя классами, скажемъ нѣсколько словъ о школьной библіотекѣ, безъ правильной организаціи которой этого образованія нельзя и требовать. Хотя объ этихъ библіотекахъ кое-что у насъ и писано, и даже составлено нѣсколько примѣрныхъ каталоговъ, точно такъ же, какъ и пріобрѣтается ежегодно учебными заведеніями не мало книгъ и дѣтскихъ журналовъ, но дѣло все-таки развивается плохо, и поэтому далеко не имѣетъ того значенія, какое должно было бы имѣть. Для того, чтобы чтеніе внѣклассное, обязательное и необязательное, могло занять въ учебномъ заведеніи подобающее мѣсто, *необходимо*, чтобы въ *каждомъ отдѣльномъ классѣ*, начиная съ перваго, и въ каждомъ отдѣленіи, гдѣ есть параллели, *было устроено свое отдѣльное библіотечное хозяйство*, т.-е. въ каждомъ классѣ и отдѣленіи былъ заведенъ особый шкафъ со всѣми необходимыми книгами для чтенія по преподаваемымъ предметамъ. Тогда и учитель будетъ всегда имѣть подъ руками все, что находитъ нужнымъ прочитать въ классѣ самъ; тогда и ученикамъ не нужно будетъ хлопотать о добываніи книги изъ общей возрастной библіотеки, гдѣ каждая книга, обыкновенно, бываетъ только въ одномъ экземплярѣ, такъ что добыть книжку, особенно охотно читаемую, очень трудно. А устроить это библіотечное хозяйство можно такимъ обра-

зомъ. По представленіи каждымъ учителемъ списка нужныхъ по его предмету книгъ и статей изъ журналовъ (дѣтскихъ) и разсмотрѣніи и утвержденіи этого списка педагогическимъ совѣтомъ всѣ эти книги и журналы пріобрѣтаются и переплетаются въ простые однообразные прочные переплеты, при чемъ, для обращенія между учениками большаго числа книгъ, нѣкоторыя произведенія (напр., изъ полнаго собранія сочиненій автора) и книжки журналовъ переплетаются отдѣльно (напр., каждая книжка „Дѣтскаго Чтенія" и пр.). Затѣмъ, перенумеровавъ всѣ отдѣльные томики, нужно составить каталогъ по предметамъ, отмѣтивъ въ немъ всѣ тѣ книги или статьи, чтеніе которыхъ обязательно, и предъ этимъ каталогомъ вписать установленныя совѣтомъ правила для библіотекаря, а также и относительно выдачи книгъ, срока возвращенія, взысканія съ библіотекаря и съ читателей и т. п. Эти правила, какъ и самый каталогъ (въ каждомъ классѣ и отдѣленіи), должны быть подписаны инспекторомъ заведенія и отдѣльнымъ воспитателемъ или классным наставникомъ (классною дамой) и составлять, какъ и самыя книги, въ глазахъ учениковъ, даже младшаго возраста, съ перваго класса, гдѣ начинается обязательное чтеніе, *священную, казенную и общественную гимназическую собственность*, утрата или порча которой есть важный проступокъ, влекущій за собой самое строгое взысканіе, наравнѣ съ другими важнѣйшими школьными проступками[1]) По прочтеніи правилъ классным наставникомъ передъ цѣлымъ классомъ, наставникъ, въ видѣ особаго довѣрія къ извѣстному, наиболѣе развитому и аккуратному ученику, назначаетъ послѣдняго классным библіотекаремъ, и къ нему, на случай его болѣзни, двухъ помощниковъ, которые, какъ и библіотекарь, утверждаются инспекторомъ (въ старшихъ классахъ, начиная съ пятаго, библіотекари и помощники выбираются самимъ классомъ, но утверждаются, конечно, воспитателемъ и инспекторомъ). Библіотекарю вручается какъ каталогъ съ правилами (послѣднія слѣдуетъ вывѣсить въ классѣ), такъ и прошнурованная книга для записи выдаваемыхъ книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ключъ отъ библіотечнаго шкафа.

Предоставляя педагогическому совѣту выработать правила въ деталяхъ (взысканія, сроки для пользованія книгами, пожертвованія и пр.), предлагаемъ въ самыхъ общихъ чертахъ, для всѣхъ классовъ, примѣрныя.

---

[1]) Этотъ же каталогъ при началѣ учебнаго года, съ указаніемъ книгъ обязательныхъ, слѣдуетъ продиктовать или раздать гектографированный всѣмъ ученикамъ, чтобы они заранѣе знали, что у нихъ въ своей библіотекѣ есть, и чего отъ нихъ требуютъ, а наиболѣе состоятельные ученики могли бы нѣкоторыя книги пріобрѣсти сами или достать дома.

Правила классной библіотеки.

§ 1. Цѣль классной библіотеки—доставленіе ученикамъ полезнаго и пріятнаго чтенія, необходимаго для ихъ развитія и пополненія образованія.

§ 2. *Всѣ книги,* пріобрѣтенныя на казенный счетъ и пожертвованныя учениками или другими лицами, *составляютъ священную собственность гимназіи* и только предоставляются ученикамъ во временное пользованіе; поэтому всякая *утрата* или *порча* книгъ вслѣдствіе небрежности, а тѣмъ болѣе, намѣренная, *есть проступокъ противъ общественной собственности*, влекущій за собой строгое осужденіе со стороны товарищей и взысканіе гимназическаго начальства.

§ 3. Точно такая же священная собственность гимназіи есть каталогъ библіотеки и книга для записей, выдаваемыхъ въ чтеніе книгъ.

§ 4. Для завѣдыванія библіотекой въ младшихъ четырехъ классахъ назначается воспитателемъ и утверждается инспекторомъ изъ среды учениковъ особый библіотекарь и, на случай его болѣзни, два къ нему помощника.

§ 5. Въ старшихъ классахъ, съ V-го, библіотекарь и его помощники выбираются самими учениками, но утверждаются все-таки инспекторомъ.

§ 6. Библіотекарь хранитъ у себя ключъ отъ библіотечнаго шкафа, каталогъ и книгу для записей только въ классное время, на случай требованія книги въ классѣ учителемъ; а по окончаніи классовъ всѣ три вещи сдаются дежурному воспитателю. Книги же, потребованныя въ классѣ учителемъ, тотчасъ же, по минованіи въ нихъ надобности, должны быть опять заперты въ шкафъ.

§ 7. Для раздачи книгъ въ чтеніе и возвращеніе ихъ назначается, по соглашенію съ классомъ и воспитателемъ, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю по часу послѣ классовъ.

§ 8. Библіотекарь записываетъ число, когда взята книга, — ея заглавіе и фамилію берущаго ее, а, по возвращеніе ея,—когда именно возвращена.

§ 9. Книга выдается только на извѣстный срокъ и можетъ быть оставлена долѣе только въ томъ случаѣ, если нѣтъ на нее требованій.

§ 10. Всякій потерявшій книгу или ее испортившій долженъ купить новую или внести воспитателю слѣдующія за нее деньги; иначе на извѣстный срокъ или на цѣлый годъ лишается права брать изъ библіотеки книги.

§ 11. Библіотека каждый мѣсяцъ провѣряется воспитателемъ въ присутствіи библіотекаря и двухъ его помощниковъ, и въ случаѣ недочета въ книгахъ или небрежнаго веденія записей доводится о томъ до свѣдѣнія инспектора и педагогическаго совѣта, и библіотекарь лишается своего званія, а на мѣсто его назначается первый изъ его помощниковъ.

§ 12. Къ концу года составляется библіотекаремъ и его помощниками отчетъ по библіотекѣ, а за добросовѣстное веденіе общественнаго дѣла передъ окончаніемъ учебнаго года объявляется библіотекарю и его помощникамъ благодарность отъ имени педагогическаго совѣта и товарищей по классу.

Въ подобномъ устройствѣ класснаго библіотечнаго хозяйства видимъ мы не только упорядоченіе ученическаго чтенія, но и *важное педагогическое значеніе*. Чѣмъ большая серьезность, законная требовательность и отвѣтственность будетъ придана этому веденію учениками и ученицами своего собственнаго дѣла, тѣмъ лучше. Пусть ученики, на которыхъ мы часто смотримъ уже слишкомъ какъ на ребятъ, отъ малыхъ лѣтъ пріучаются относиться строго къ общественной собственности, къ законности и заботѣ о самихъ себѣ. Пусть эта должность библіотекаря будетъ между учащимися почетной и желаемой, добросовѣстное веденіе дѣла общественнаго товарищемъ — классной гордостью, а небрежное — стыдомъ. Пусть и сами ученики пріучатся уважать книгу, какъ серьезную для нихъ самихъ, не имъ только лично принадлежащую, а общественную вещь. Конечно, сначала, въ первомъ, во второмъ классахъ, библіотекарей придется руководить воспитателю, точно такъ же, какъ и наблюдать за аккуратностью самихъ читателей; придется порядочно дѣлать за неопытныхъ маленькихъ общественныхъ дѣятелей и самому (напр., показать какъ вести дѣло,— можетъ-быть, даже вписывать записи, руководить раздачей и пр.); но подобный библіотечный порядокъ, поставленный твердо съ младшихъ классовъ, когда и всѣхъ-то книгъ на классъ очень еще немного, въ старшихъ классахъ, гдѣ должность библіотекаря уже выборная, положитъ въ юношествѣ одно изъ самыхъ важныхъ основаній общественной жизни — чувство *законности, общественнаго долга* и *умѣнья пользоваться общественною собственностью*, не говоря уже о томъ, что подобный порядокъ благотворно воспитываетъ самостоятельность. Словомъ, мы думаемъ, что устройство отдѣльныхъ классныхъ библіотечныхъ хозяйствъ, къ которымъ можно отнести также географическія карты, портреты писателей и картины, развѣшанные по стѣнамъ и пр., — дѣло весьма серьезное, могущее быть очень важнымъ средствомъ и для воспитанія, и образованія вообще, и для литературнаго образованія въ особенности. А если это такъ, то подумать объ организаціи дѣла слѣдуетъ.

Но гдѣ найти средства для его осуществленія? Намъ кажется, что найтись они могли бы. Для основанія дѣла, кромѣ книгъ, нужны шкафы: на всю гимназію, допустимъ, требуется шкафовъ восемь (если нѣтъ параллелей). Коли не гнаться за красотой и роскошью, то такой шкафъ можетъ обойтись не болѣе 40 р. каждый,— слѣдовательно, на всѣ классы пойдетъ не болѣе 320 р., что со всѣми книгами для каталоговъ и записей, на которыя можно положить на всѣ восемь классовъ рублей сорокъ, составило бы менѣе 400 р. единовременнаго расхода. Сумма еще не Богъ знаетъ какая для большого учебнаго заведенія съ нѣсколькими стами учениковъ или ученицъ, гдѣ обыкновенно ежегодно остаются иногда и значительныя суммы. Затѣмъ слѣдуетъ хорошенько разобрать по классамъ уже имѣющіяся въ библіотекѣ возрастной и общей нужныя книги, сообразно составленному совѣтомъ каталогу, и прикупить недостающія. Здѣсь, равно какъ и на переплеты (опять-таки самые простые), *во-первыхъ*, пойдутъ суммы, ежегодно отпускаемыя на пополненіе библіотекъ; *во-вторыхъ*, отчего бы не предложить наиболѣе достаточнымъ учащимся послужить общественному, своему же, дѣлу или прямо пожертвованіемъ въ годъ нѣсколькихъ рублей, или имѣющимися у учениковъ собственными книгами. Что дѣти охотно служатъ такому дѣлу своими книгами — это знаемъ мы по опыту. Въ одномъ, правда, частномъ, учебномъ заведеніи, въ одномъ изъ классовъ именно такимъ образомъ не только составилась цѣлая особая библіотека, но и стѣны класса были увѣшаны портретами писателей и фотографіями хорошихъ картинъ, пожертвованными самими учениками. Наконецъ третій источникъ для составленія такихъ библіотекъ представили бы почти повсемѣстныя теперь *общества для пособія нуждающимся учащимся*, которыя всегда могли бы отчислить на такую важную вещь, какъ библіотека, нѣкоторую сумму отъ устраиваемыхъ этими обществами концертовъ, спектаклей и т. п. Сначала, конечно, можно ограничиться, въ видѣ опыта, только нѣсколькими классами, а потомъ дѣло разрастется и упрочится непремѣнно, если только педагогическіе совѣты энергически возьмутся за составленіе библіотекъ, при содѣйствіи воспитанниковъ и воспитанницъ этому новому дѣлу библіотечнаго самоуправленія, которое, можетъ-быть, именно по своей новости, покажется многимъ неосуществимымъ. Тогда внѣклассное чтеніе, которое въ настоящее время по большей части въ нашихъ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ очень случайно, неполно и затруднено и малымъ количествомъ экземпляровъ необходимѣйшихъ для

всего класса книгъ и порядкомъ выдачи, можно будетъ поставить на твердую почву. А безъ организаціи чтенія нѣтъ и настоящаго литературнаго образованія, которое должно быть основой гуманности и общественности.

Въ настоящихъ бесѣдахъ мы остановились только на нѣкоторыхъ, наиболѣе, какъ намъ казалось, важныхъ для будущаго изученія словесности и литературы, вопросахъ въ преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ, а именно *выразительномъ чтеніи, изученіи наизусть стихотвореній и внѣклассномъ обязательномъ чтеніи въ связи съ устройствомъ библіотекъ*. Въ общемъ мы выставили также извѣстныя требованія отъ преподавателей, и думаемъ, что для человѣка, хотя въ нѣкоторой степени удовлетворяющаго поставленнымъ нами условіямъ и желающаго и могущаго итти дальше, едва ли нужны какія-либо дальнѣйшія указанія, какъ вести дѣло преподаванія родного языка, тѣмъ болѣе, что для этого преподаванія много уже нашей педагогической литературой и сдѣлано. Поэтому прямо переходимъ къ курсу словесности, который и составляетъ главный предметъ нашихъ бесѣдъ.

VII.
Теорія словесности вообще и пособія.

Литературное этико-эстетическое образованіе, о которомъ мы говорили въ первыхъ нашихъ бесѣдахъ, до сихъ поръ, т.-е. до перехода учащихся въ первый изъ старшихъ классовъ, *пятый*, было, такъ сказать, только подготовительное. Какъ ни организуй внѣклассное чтеніе, сколько времени ни удѣляй въ низшихъ классахъ на чтеніе и анализъ стихотвореній и т. п., все же практическія занятія грамотностью и грамматикой до сихъ поръ занимали мѣсто очень значительное. Только теперь, когда передъ нами юноши лѣтъ 14—16, уже вполнѣ грамотные, привыкшіе за пять лѣтъ свободно выражаться устно и письменно и обогатившіе себя знаніемъ многихъ прекрасныхъ художественныхъ образцовъ, можно и должно заняться этимъ литературнымъ образованіемъ всецѣло.

Это образованіе, сообразно матеріалу, распадается на двѣ части: во-первыхъ, *теорію словесности* и, во-вторыхъ, *исторію отечественной литературы;* на двѣ же части распадается оно, сообразно возрасту очень быстро развивающагося въ эти годы юношества, и также относительно прохожденія курса: *пятый* классъ (въ женскихъ гимназіяхъ

третій) всецѣло посвятится теоріи словесности, кромѣ нѣкоторыхъ болѣе серьезныхъ ея положеній, а *шестой* (въ женскихъ гимназіяхъ *второй*) — окончанію теоріи и очерку исторіи литературы *народной* (во второе полугодіе), при чемъ исторія письменной литературы заключитъ литературное образованіе въ *седьмомъ* и *восьмомъ* классахъ, а въ женскихъ гимназіяхъ *въ первомъ*.

Но прежде, чѣмъ предложить планъ занятій *теоріей словесности* (объ исторіи литературы рѣчь впереди), постараемся ближе опредѣлить ея задачи, а затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ и о нѣкоторыхъ учебникахъ.

Теорія словесности, состоящая изъ трехъ частей — реторики, теоріи прозы и теоріи поэзіи, должна за полтора года занятій сообщить учащимся слѣдующія свѣдѣнія:

1) Понятіе о сочиненіи вообще, его строѣ и условіяхъ, какъ внѣшнихъ (стиль), такъ и внутреннихъ.

2) Главнѣйшія элементарныя понятія изъ логики и психологіи, о характерѣ и его образованіи, необходимыя для сознательнаго чтенія сочиненій, имѣющихъ по большей части дѣло съ изображеніемъ характеровъ и вообще внутренней жизни человѣка.

3) Понятія о главнѣйшихъ родахъ прозы и поэзіи, по возможности въ ихъ историческомъ происхожденіи и явленіяхъ наиболѣе выдающихся, — при чемъ учащіеся, путемъ частію классного чтенія съ разборомъ, частію — обязательнаго внѣкласснаго, а также и письменныхъ работъ, знакомятся съ самыми выдающимися писателями мировой поэзіи (Гомеръ, Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ, Ѳеокритъ, Анакреонъ, Горацій, Виргилій, Дантъ, Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, Шиллеръ, Гёте, Лессингъ, Байронъ, Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, Ричардсонъ и Гольдсмитъ).

4) Нѣкоторыя необходимыя для образованнаго человѣка понятія эстетическія, объясненныя конкретно на литературныхъ примѣрахъ: ремесло и искусство, художественное произведеніе, какъ полнѣйшее выраженіе идеи, цѣль искусства, личность художника (талантъ, геній), сущность прекраснаго (красота, добро и истина) въ его выраженіи высшемъ (sublime) и низшимъ (собственно прекрасное), а также комическаго, значеніе областей пяти искусствъ и особенно поэзіи сравнительно съ другими искусствами.

Ставя такія широкія, по нашему мнѣнію, совершенно необходимыя для солидной постановки дѣла, рамки преподаванію словесности, оговариваемся, что на русскомъ языкѣ не существуетъ *ни одного учебника, который вполнѣ удовлетворялъ бы нашимъ требованіямъ;* но

зато всѣ лучшіе и болѣе или менѣе употребительные въ нашихъ гимназіяхъ мужскихъ и женскихъ учебники и руководства, каждый въ отдѣльности, представляютъ тотъ или другой матеріалъ для предлагаемаго нами курса. Такимъ образомъ преподавателю, желающему принять предлагаемый ниже планъ курса теоріи словесности, придется итти самому путемъ эклектическимъ, пользуясь нѣсколькими указанными нами источниками; ученикамъ же V-го и VI-го классовъ мы посовѣтовали бы дать въ руки единственный пока, наиболѣе всего подходящій къ нашему плану, простой, опредѣленный и относительно точный по изложенію, недорогой учебникъ П. Смирновскаго (*Теорія словесности*, ц. 75 к.); что же касается хрестоматій и вообще непосредственнаго знакомства учениковъ съ произведеніями поэзіи, то хрестоматіи Галахова и Филонова, вмѣстѣ съ недорогими классными изданіями авторовъ (напр., Вейнберга *Европейскіе классики для учащихся, Русскіе писатели въ классѣ*, его же, *Дешевая библіотека*, изд. Суворина, и отдѣльныя произведенія *Пушкина, Гоголя, Лермонтова*), а также непремѣнною принадлежностью школьной библіотеки — изданія сочиненій Шекспира, Шиллера, Гёте, Лессинга, Байрона, Мольера, *Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ* и *Нѣмецкіе поэты*, Гербеля, дадутъ матеріалъ вполнѣ достаточный [1]).

Самый же учебникъ г. Смирновскаго придется дополнить по другимъ учебникамъ продиктованными ученикамъ сжатыми конспектами, отсылая желающихъ къ самымъ книгамъ съ указаніемъ страницъ. Самые же учебники и руководства, по которымъ учитель будетъ дѣлать добавленія, должны находиться экземплярахъ въ двухъ-трехъ въ классной библіотекѣ. Такимъ образомъ, принявъ за основаніе указанную *Теорію словесности* г. Смирновскаго, добавленія могутъ быть сдѣланы по слѣдующимъ руководствамъ:

1) Необходимыя для прохожденія теоріи словесности въ V классѣ гимназіи элементарныя понятія изъ логики: *Учебникъ русской словесности для учениковъ V класса гимназіи*. Сост. Смирновскій, СПБ., 1874 г., стр. 27—36; о дѣйствіи душевныхъ силъ — въ книжкѣ Стоюнина *Руководство для теоретическаго изученія литературы*, стр. 1—4; краткій очеркъ психологіи — въ книгѣ П. Тимошенко *Опытъ*

[1]) О собраніяхъ сочиненій русскихъ писателей (Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гончаровъ, графъ Л. Толстой, Островскій) не говоримъ: имѣть ихъ въ классѣ необходимо прежде всего. Краткія біографіи этихъ писателей въ книгѣ В. Острогорскаго «Двадцать біографій», ц. 50 к. — Для знакомства съ произведеніями иностранной литературы могутъ служить выпуски «Русской классной библіотеки» Глазунова. (Отд. 2-й; иностранные писатели).

систематическаго изложенія теоріи словесности, 3 изд. 1875 года, стр. 1—20 [1]).

2) О характеристикѣ, идеализаціи, типахъ и отношеніи писателя къ жизни по *Руководству къ теорет. изученію лит.* Стоюнина, стр. 33—47.

3) Понятіе изъ эстетики: В. Острогорскій, *Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій* по *Л. Эккардту*, изд. 4-е 1904 г., въ приложенномъ краткомъ учебникѣ поэзіи [2]).

Что касается указаній для учителя методическихъ, съ массою руководящихъ вопросовъ и подробными классными анализами литературныхъ произведеній, то въ этомъ отношеніи есть у насъ двѣ хорошія и пока, кажется, единственныя книги: *О преподаваніи русской литературы* соч. Вл. Стоюнина и *Словесность въ образцахъ и разборахъ*, сост. В. Водовозовъ, пятое дополненное изданіе 1885 г. Эти книги вмѣстѣ съ мотивированными вопросами въ *Руководствѣ къ чтенію поэтическихъ сочиненій* дадутъ всякому образованному учителю словесности обильный матеріалъ для разумнаго руководства, какъ вообще литературнымъ образованіемъ, такъ и теоріей словесности въ особенности. Книги эти разсматриваютъ сочиненія очень подробно; но воспользоваться матеріаломъ кстати и въ мѣру, сообразно развитію и литературной подготовкѣ даннаго класса, при разсмотрѣніи одного произведенія обратить вниманіе на *одни* вопросы, при другомъ — на *другіе*, — это уже вполнѣ дѣло умѣнья и такта преподавателя, почему на этотъ счетъ никакихъ указаній и не предлагаемъ.

VIII.

Планъ теоріи словесности.

Предложивъ учащимся, перешедшимъ въ V классъ, завести особую тетрадь для послѣдовательнаго вписыванія въ нее конспектовъ и дополненій преподавателя къ учебнику (напр., *Теорія словесности* П. Смирновскаго), ссылокъ и пр., можно приступить къ прохожденію и самаго курса *теоріи словесности*.

Оставляя въ сторонѣ полное опредѣленіе этой *теоріи*, которое лучше сдѣлать тогда, когда она уже пройдена, слѣдуетъ тѣмъ не

[1]) Вышедшія изъ продажи названныя здѣсь книги Тимошенки и Смирновскаго (учебникъ для учен. V кл.) могутъ быть замѣнены учебникомъ Яковлева «Теорія словесности», книгами Житецкаго «Теорія сочиненія», «Теорія поэзіи», «Исторія сочиненія», учебникомъ Колосова «Теорія словесности». *Ред.*

[2]) Въ настоящее время *Краткій учебникъ теоріи поэзіи* В. Острогорскаго вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ. М. Ц. 50 к. *Ред.*

менѣе указать учащимся на то, чѣмъ именно они будутъ заниматься и чѣмъ эти занятія отличаются отъ занятій языкомъ въ предыдущихъ классахъ. Вызвавъ у класса воспоминаніе о прежнихъ его занятіяхъ, преподаватель придетъ къ такому выводу: до сихъ поръ они сводились къ такъ называемой *грамотности*, т.-е. практическому обученію чтенію и письму (занятія домашнія и приготовительный классъ); во-вторыхъ, къ *изученію грамматики* (первые четыре класса). Грамотность и грамматика, при всѣхъ другихъ занятіяхъ (изученіе и разборъ стиховъ и прозы, пересказы статей и пр.), все-таки были на первомъ планѣ. Теперь приступается къ разсмотрѣнію уже цѣлыхъ статей или сочиненій — въ ихъ *происхожденіи, составѣ, строѣ, характерѣ, родахъ* и *видахъ*. Эти-то занятія и составятъ *третью* ступень гимназическаго курса родного языка — *теорію словесности*. Такимъ образомъ первый урокъ въ пятомъ классѣ укажетъ, какого рода новыя занятія ученикамъ предстоятъ, а послѣдніе будутъ видѣть впереди разумную ихъ цѣль.

Отсюда естественно перейти къ вопросу о томъ, *что же такое сочиненіе и какъ оно образуется*, т.-е. къ тому, что такое тема, ея развитіе матеріалами, планъ и самое изложеніе (Смирновскій, *Теор. словесности*, стр. 1—3). Здѣсь лучше всего обратиться къ произведеніямъ, уже извѣстнымъ наизусть изъ предыдущихъ классовъ (напр., *Менискъ* Майкова, *Старый рыцарь, Гаральдъ, Землетрясеніе, Яворъ къ прохожему*, басни), и, разсмотрѣвъ ихъ содержаніе (части и ихъ связь), что займетъ времени очень немного, обратиться къ болѣе подробному разбору новаго, болѣе сложнаго произведенія, представляющаго хорошій матеріалъ для первоначальныхъ теоретическихъ выводовъ. Такъ, напримѣръ, очень удобно разсматриваются: *Тѣнь друга*, Батюшкова, *Днѣпръ* Гоголя, *Бирюкъ* или *Пѣвцы* Тургенева, *Старосвѣтскіе помѣщики* или одна изъ балладъ, обязательно прочитанныхъ въ четвертомъ классѣ. Обязательныя внѣклассныя чтенія, о которыхъ мы говорили ранѣе, дадутъ богатый матеріалъ, тѣмъ болѣе удобный, что разборъ его, какъ произведеній уже извѣстныхъ, пойдетъ быстро [1]).

Когда учащіеся наглядно ознакомятся съ происхожденіемъ и общимъ строемъ сочиненія и по конспекту, внесенному въ тетрадь, въ видѣ вопросовъ, связно перескажутъ отмѣченное по учебнику, тогда слѣдуетъ перейти къ ознакомленію съ элементарными понятіями о душевныхъ силахъ, при помощи которыхъ слагаются сочиненія. Это необходимо тѣмъ болѣе сдѣлать теперь, потому что слова „понятіе“, „представленіе“, „родъ“, „видъ“, „сужденіе“, „выводъ“, „чувство“, „воображеніе“, „фантазія“, „характеръ“, „темпераментъ“ безпрестанно будутъ встрѣчаться при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній; да и сама поэзія, какъ искусство, имѣетъ дѣло именно съ внутренней, духовной стороной человѣка и самую природу разсматриваетъ по отношенію къ впечатлѣнію, производимому на человѣка. Сообщеніе понятій не только изъ логики, но и элементарной психологіи вовсе не такъ трудно для учащихся и съ успѣхомъ усвоивается практическимъ путемъ. *Вѣтки Палестины*, Майковская *Дурочка* (Стоюнинъ, *О препод. литературы*, стр. 60—65), названные выше разсказы Тургенева вполнѣ пригодны для нагляднаго объясненія дѣйствія душевныхъ силъ. Для этой же цѣли не мало матеріалу найдется и въ произведеніяхъ, учащимся уже извѣстныхъ.

[1]) Всѣ новыя стихотворныя произведенія, напр., *Тѣнь друга*, обязательно учатся наизусть. При разборѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о жизни автора, поводъ къ написанію и вообще все, что необходимо для пониманія пьесы.

Что же именно изъ психологіи и логики должно быть усвоено вслѣдъ за объясненіемъ, что такое сочиненіе? Предлагаемъ эту вставку въ курсъ, въ видѣ конспекта для репетиціи.

Какія способности у человѣка физическія (пять чувствъ)?

Какія—духовныя (познавательная, чувствительная и желательная)?

Какъ проявляется каждая изъ этихъ духовныхъ способностей (умъ, память, воображеніе, фантазія, чувство, страсть, воля, энергія)?

Какъ образуются представленія?

Какіе бываютъ признаки (существенные и случайные)?

Какъ образуются понятія?

Что такое содержаніе понятія и его объемъ?

Въ какомъ отношеніи находится содержаніе къ объему?

Какія понятія называются родовыми, видовыми, подчиняющими, подчиненными и соподчиненными?

Что такое сужденіе и какъ оно образуется (сужденія общія, частныя и единичныя)?

Что такое умозаключеніе и какъ оно образуется (посылки и выводъ)?

Что такое логическое опредѣленіе и чѣмъ оно отличается отъ грамматическаго и описанія (элементарное понятіе объ описаніи можетъ быть дано въ IV и даже III классѣ)?

Что такое дѣленіе и какой его законъ?

Понятіе о планѣ.

Что такое характеръ и какъ онъ образуется (природныя способности, среда, воспитаніе и образованіе)?

Что такое темпераментъ и какіе темпераменты бываютъ (сангвиническій, меланхолическій, холерическій и флегматическій)?

Что такое психологическій анализъ въ сочиненіи?

Всѣ эти понятія психологическія и логическія, объясняемыя, конечно, практически на литературныхъ примѣрахъ, въ живой бесѣдѣ, и закрѣпляемыя въ памяти учениковъ, въ видѣ краткихъ, внесенныхъ въ тетрадь отвѣтовъ на предложенные вопросы, считаемъ мы, на основаніи опыта, вполнѣ доступными для объясненія ученикамъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, пріобрѣвшимъ уже значительный запасъ фактовъ путемъ чтенія и цѣлой массы выученныхъ въ младшихъ классахъ стиховъ. Изученіе наизусть стихотвореній, примѣрный списокъ которыхъ помѣщаемъ ниже, чтобы не прерывать конспекта теоріи, скажемъ кстати, продолжается параллельно курсу.

По сообщеніи понятій изъ психологіи и логики, переходимъ, по Смирновскому, къ разсмотрѣнію *внѣшней стороны* сочиненій или *слогу* (стилистика). Эта часть теоріи, изложенная въ учебникѣ довольно подробно и хорошо, проходится быстро, такъ какъ на слогъ уже обращалось вниманіе и прежде: при разборѣ заученныхъ стихотвореній, которыми и слѣдуетъ воспользоваться при объясненіи рѣчи образной, при чемъ безъ особаго ущерба для курса могутъ быть опущены болѣе мелкія дѣленія тропъ, синекдоха и метонимія. При прохожденіи же стихосложенія слѣдуетъ употребить класса два на *скандировку* стиховъ, особенно *гекзаметровъ*, что уже отчасти дѣлалось и ранѣе. Что же касается рѣчи періодической, которая у г. Смирновскаго разобрана очень подробно съ указаніемъ всѣхъ видовъ періодовъ сложныхъ, то она, какъ намъ кажется, въ виду болѣе производительныхъ частей курса, напримѣръ, хоть тѣхъ же психологическихъ и логическихъ понятій, можетъ быть пройдена гораздо кратче и практически на двухъ-трехъ примѣрахъ (*Волкъ и пастухи* Крылова; *Поэтъ* Языкова, *Когда волнуется;* одинъ-два большихъ періода изъ Карамзина и Гоголя), при чемъ схоластическое дѣленіе періодовъ на цѣлыхъ одиннадцать видовъ можно и опустить. Вліяніе же на слогъ языковъ народнаго, стариннаго и иностранныхъ показать очень важно (народная пѣсня, отрывки изъ *Бориса Годунова)*, точно такъ же, какъ и свести въ заключеніе всѣ общія условія хорошаго слога.

Отъ разсмотрѣнія внѣшней стороны сочиненія г. Смирновскій переходитъ къ внутренней, показывая на отрывкахъ изъ шестой и седьмой главы *Мертвыхъ душъ* элементы сочиненія:

1) *Лирическій,* который мы назвали бы также *субъективнымъ,* напомнивъ ученикамъ уже извѣстныя имъ чисто лирическія пьесы (напр., *Молитва* Лермонтова, *Брожу ли я).*

2) *Описаніе.*

3) *Повѣствованіе.*

4) *Разсужденіе.*

Отъ указанныхъ элементовъ авторъ вполнѣ резонно переходитъ къ объясненію прозы и поэзіи (стр. 44—48) и этимъ объясненіемъ заключаетъ общую часть теоріи словесности.

На этомъ мы бы не остановились и, слѣдуя Стоюнину (*Руководство для теоретическаго изученія литературы,* стр. 39—47), предложили именно здѣсь, передъ разсмотрѣніемъ родовъ и видовъ сочиненій, ознакомить учащихся съ *идеализаціей, типами и отношеніемъ писателя къ жизни.* Знакомство съ этими понятіями, съ которыми безпрестанно приходится встрѣчаться при разборѣ болѣе серьезныхъ литературныхъ произведеній и позднѣе въ исторіи литературы, могло бы достойно закруглить общую часть курса теоріи поэзіи, проведенную г. Смирновскимъ въ строгой систематичности. Мало того—эти понятія, которыхъ почему-то наши учебники словесности касаются только слегка, между прочимъ, а то и вовсе ихъ опускаютъ, кажутся намъ особенно важными, и даже *основными* въ литературномъ образованіи. Въ самомъ дѣлѣ, если одна изъ важнѣйшихъ задачъ школы есть поселить въ учащихся разумное критическое отношеніе къ литературѣ, дать серьезный критерій для оцѣнки произведеній художественныхъ и значенія писателя, то указываемыя нами понятія должны какъ можно яснѣе представляться уму ученика. Вопросы: *что изобразилъ авторъ изъ жизни,* т.-е. *какія общія типическія ея явленія; если идеализировалъ жизнь, то правильно ли,* и *какъ именно самъ къ этой жизни отнесся, какъ эту жизнь оцѣнилъ*—къ рѣшенію этихъ, и въ сущности *только* этихъ вопросовъ и сводится все пониманіе литературы и ея значенія этико-эстетическаго. Конечно, полнаго разумѣнія указанныхъ понятій объ идеализаціи, относительномъ значеніи типовъ и освѣщеніи жизни можно требовать только къ окончанію полнаго гимназическаго курса, когда пройдена и исторія литературы; но въ общихъ чертахъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ, и вполнѣ возможно, ознакомить съ этими понятіями учениковъ именно теперь, въ пятомъ классѣ, передъ ознакомленіемъ съ родами и видами сочиненій, чтобы дать учащимся, начинающимъ читать уже вещи болѣе серьезныя и сложныя, хоть какія нибудь опредѣленныя основы, которыми можно было бы руководиться при чтеніи. Да и вовсе не такъ уже трудно ознакомиться съ этими понятіями, если только есть матеріалъ для вывода, которымъ легко можетъ воспользоваться преподаватель. Мы для этой цѣли пользовались, напримѣръ, слѣдующими произведеніями. Для объясненія *идеализаціи* брали *Пол-*

таву Пушкина, рекомендуемую и Стоюнинымъ и у него же хорошо разобранную [1]); для объясненія типа—*Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*, кабинетъ Онѣгина, его воспитаніе (отъ словъ: „Онѣгинъ, добрый мой пріятель“...), характеристика Ольги и Татьяны; также изъ „Мертвыхъ душъ“—Плюшкинъ и Маниловъ; для объясненія же различныхъ отношеній автора къ жизни —отрывки изъ „Онѣгина“ (отношеніе автора къ Онѣгину въ первой главѣ; глава VI, отъ словъ: „Друзья мои, вамъ жаль поэта“... до конца; глава VIII, двѣ строфы отъ словъ: „Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ“)... и особенно вторая половина XI главы „Мертвыхъ душъ“ отъ словъ: „Темно и скромно происхожденіе моего героя“... Прекрасный матеріалъ объясненія отношеній автора къ изображаемой жизни даетъ также *Шинель* Гоголя, разобранная у Стоюнина (*О преп. лит.*, стр. 65—78) [2]).

Какъ результатъ всѣхъ этихъ разборовъ—въ конспектъ для учениковъ могутъ быть внесены слѣдующіе вопросы:

a) для идеализаціи.

1) Какъ изображены въ *Полтавѣ* Петръ Великій и Мазепа (соберите всѣ характерныя ихъ черты)?

2) Какая черта выдвинута въ Петрѣ (военный героизмъ)?

3) Чѣмъ отличается изображеніе Петра въ *Арапѣ Петра Великаго* отъ изображенія Петра же въ *Полтавѣ*?

4) Что же такое *идеализація*?

5) Когда идеализація возможна и когда даетъ она ложное понятіе о лицѣ?

b) для типа.

1) Какія черты называются типическими?

2) Отъ чего онѣ происходятъ (общія причины)?

3) Что такое типъ?

4) Встрѣчаются ли типы въ жизни?

5) Какъ совершается созданіе типа (избраніе прототипа, дополненіе его недостающими чертами, опущеніе случайнаго, постановка типа въ извѣстное, болѣе яркое, освѣщеніе—*процессъ творчества*)?

6) Почему типы такъ важны въ литературѣ (даютъ понятіе о цѣломъ кругѣ людей)?

[1]) Всѣ отрывки, относящіеся къ Петру Великому («Была та смутная пора...», «Полтавскій бой», «Пируетъ Петръ...») выучены уже въ младшихъ классахъ, а вся поэма обязательно извѣстна ученикамъ.

[2]) Объясняются также вполнѣ наглядно разныя отношенія къ жизни и къ искусству на *Театральномъ разъѣздѣ* Гоголя или на *Критикѣ на Школу женщинъ* Мольера (Собраніе соч. Мольера, изд. Бакста т. III).

7) Чѣмъ измѣряется значеніе типа (чѣмъ болѣе захватываетъ онъ кругъ людей)?

8) Какіе типы вамъ извѣстны? Укажите въ нѣсколькихъ литературныхъ образахъ типическія черты.

NB. Здѣсь же кстати можно наглядно указать и на значеніе великаго писателя, какъ создателя крупныхъ типовъ, и, вообще, значеніе литературы, художественнымъ путемъ знакомящей насъ съ цѣлымъ обществомъ и человѣчествомъ.

c) для объясненія отношеній автора къ дѣйствительности:

1) Какъ относится Пушкинъ къ Петру Великому, къ Мазепѣ, къ Онѣгину, къ Ленскому, къ Ольгѣ, къ Татьянѣ; Гоголь—къ Старосвѣтскимъ помѣщикамъ, къ Акакію Акакіевичу, къ чиновникамъ, къ Чичикову, къ Плюшкину?

Объясните, почему авторы относятся къ этимъ лицамъ такъ, а не иначе?

А какъ относятся къ жизни сами Старосвѣтскіе помѣщики, Акакій Акакіевичъ? Есть ли у нихъ опредѣленныя, сознательныя задачи жизни? Какая цѣль жизни у Чичикова? У Петра Великаго?

2) Къ какимъ двумъ отношеніямъ сводятся, вообще, всѣ отношенія людей къ жизни (сочувствіе и несочувствіе, положительное и отрицательное)?

3) Отъ чего зависятъ разныя отношенія людей къ однимъ и тѣмъ же явленіемъ жизни (отъ умственнаго и нравственнаго развитія, образованія, обусловливающаго весь внутренній, *идеальный* міръ человѣка)?

4) Что такое нравственный идеалъ (понятіе о лучшемъ, разумномъ, нравственномъ, добромъ, благородномъ, красивомъ; воображаемый, лучшій человѣкъ, служащій для насъ образцомъ)?

5) Почему имѣть нравственный идеалъ необходимо (сообразно съ нимъ оцѣниваемъ нашу жизнь и располагаемъ всю свою дѣятельность)?

6) Назовите главнѣйшія изъ отношеній къ жизни и объясните ихъ (*наивное*, *идиллическое* — Старосвѣтскіе помѣщики; *юмористическое* — отношеніе Гоголя къ Акакію Акакіевичу; *сатирическое* — къ чиновникамъ въ *Шинели*; *удивленіе* и *восторгъ* передъ *высокимъ* — напр., отношеніе Пушкина къ Петру Великому; *сочувствіе*, *сожалѣніе* — у Пушкина къ Татьянѣ, къ убитому Ленскому).

7) Въ чемъ же сила писателя, въ одномъ ли объективномъ изображеніи жизни (Нѣтъ. Онъ не только изобразитель жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ относится къ ней и *душевно*, — и тѣмъ возбуждаетъ въ насъ сочувствіе ко всему доброму и прекрасному, отвращеніе къ злу и сожалѣніе о несовершенствахъ жизни)?

Такими-то вопросами слѣдуетъ закончить ознакомленіе учащихся съ созданіемъ сочиненія вообще съ его внѣшней стилистической стороны и по отношенію къ его внутреннему, такъ сказать, идейному содержанію. Предлагаемыя нами понятія объ идеализаціи, типахъ и оцѣнкѣ авторомъ жизни осмыслятъ въ глазахъ юноши не только самую литературу, но и жизнь вообще, къ которой онъ самъ станетъ относиться сознательнѣе; а возбудить въ юношѣ разумное отношеніе къ самому себѣ и къ окружающему есть самая важная задача школы, помогающей родителямъ и государству въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго воспитанія. Показать же наглядно, путемъ великихъ художественныхъ примѣровъ, близкую связь литературы съ дѣйствительною жизнію; показать юношѣ, воспріимчивому къ добру, что эта литература не только интересна и пріятна, но что она въ то же время и его *добрая наставница и руководительница, хранительница лучшихъ идеаловъ страны и человѣчества* — значитъ способствовать имѣющимися въ рукахъ школы средствами подъему нравственнаго духа и въ самомъ нашемъ обществѣ, въ настоящее время, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, слишкомъ беззаботномъ и легкомысленномъ по отношенію къ литературѣ.

Отъ разсмотрѣнія сочиненій въ ихъ сущности, вообще, можно перейти, согласно плану г. Смирновскаго, къ видамъ сочиненій прозаическихъ, изъ которыхъ въ пятомъ классѣ намъ казалось бы достаточнымъ ограничиться только двумя видами: *путешествіями* и *біографіями*, оставя *исторію* и *разсужденіе* (критика и ораторская рѣчь), какъ требующія большаго развитія со стороны учащихся, до шестого класса. Къ сожалѣнію, какъ *путешествіе*, такъ и *біографія* изложены у г. Смирновскаго очень кратко и поверхностно, между тѣмъ какъ оба эти вида прозы очень важны по отношенію къ литературному образованію. При чтеніи отрывковъ изъ путешествій слѣдуетъ внести въ конспектъ слѣдующіе вопросы:

1) Какія сочиненія называются путешествіями?

2) Съ какими цѣлями путешествія предпринимаются (ученая цѣль или, вообще, ознакомленіе съ страной)?

3) На какія стороны жизни путешественникъ можетъ обращать вниманіе (природа, жизнь общественная, политическая, науки, искусства, замѣчательные люди и пр.)?

4) Какія условія хорошаго путешествія (умѣнье выбрать наиболѣе существенное и важное, безпристрастная оцѣнка явленій жизни, возможно меньше останавливаться на своей собственной личности и возможно всестороннѣе представить страну)?

5) Какими качествами долженъ обладать путешественникъ (многосторонняя образованность, знаніе языка страны и того, что о ней было писано другими; наблюдательность и безпристрастіе)? [1]).

Основательное прохожденіе теоріи біографіи важно тѣмъ болѣе, что этотъ видъ сочиненій, помимо своего высокообразовательнаго значенія, въ смыслѣ уясненія человѣческой жизни, особенно необходимъ при изученіи писателей, безъ знанія біографіи которыхъ немыслимо разумное критическое отношеніе къ ихъ произведеніямъ. Кромѣ того, ознакомившись съ сущностью, условіями и значеніемъ біографіи, учащіеся яснѣе поймутъ и значеніе романа, который есть не что иное, какъ та же біографія человѣка или общества, съ тою только разницею, что въ романѣ, вмѣсто единичнаго лица, выставлены типы.

Предполагая въ ученикахъ знакомство съ нѣсколькими біографіями поэтовъ (Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій), слѣдуетъ остановиться, примѣрно, на слѣдующихъ вопросахъ:

1) Какія сочиненія называются біографіями?

2) Какая цѣль біографіи? (Возможно полное представленіе человѣка со всѣхъ сторонъ, какъ внѣшнихъ — наружность, обстановка, такъ и внутреннихъ — характеръ. Біографія должна выяснить смыслъ, общее направленіе всей прожитой жизни и не только представить человѣка, но и объяснить, какъ сложился его характеръ, подъ какими вліяніями и почему человѣкъ вышелъ такимъ, а не инымъ).

3) На какіе элементы характера біографія должна обратить вниманіе (общечеловѣческій, національный и личный)?

4) Какимъ матеріаломъ долженъ пользоваться авторъ при составленіи біографіи (основательное изученіе эпохи, въ которую человѣкъ родился, и среды, изъ которой онъ вышелъ; разсказы о немъ его современниковъ, письма, сочиненія покойнаго, по возможности, самыя его вещи, дома, гдѣ онъ жилъ)?

Для изученія біографіи поэтовъ, вообще, можно предложить учащимся, какъ руководство, слѣдующіе вопросы, которые они могутъ прилагать, болѣе или менѣе, и къ другимъ лицамъ, напр., къ изученію типовъ въ романахъ и повѣстяхъ, результатомъ каковаго изученія могутъ явиться весьма производительныя письменныя работы.

1) Въ какой странѣ родился, въ чье царствованіе, что вообще можно сказать о той эпохѣ?

---

[1]) Много матеріала для изученія путешествій и другихъ видовъ прозы дастъ IV т. Хрестоматіи Филонова.

2) Въ какомъ сословіи родился, въ какой семьѣ? Была ли послѣдняя богата или бѣдна, чѣмъ занималась, какъ проводила время, какъ относилась къ образованію; читала ли книги, и какого именно рода?

3) Что за люди были отецъ, мать, родня, знакомые?

4) Гдѣ родился и провелъ дѣтство, въ городѣ или деревнѣ, въ столицѣ или глухой провинціи (природа)?

5) Какъ прошло дѣтство—одиноко, или въ кругу товарищей, братьевъ, сестеръ; счастливо или нѣтъ?

6) Кто были первыми воспитателями ребенка (мать, няня, гувернантка)?

7) Когда выучился грамотѣ, какія книги читалъ, руководилъ ли кто чтеніемъ, не проявились ли въ дѣтствѣ литературныя или, вообще, какія-нибудь особенныя наклонности?

8) Что было за учебное заведеніе, куда поступилъ, какой характеръ образованія оно давало, не знаете ли чего-нибудь о наставникахъ; какіе были любимые предметы занятій, читали ли ученики книги, какъ проводили свободное время; что можно сказать вообще объ образованіи автора; не дополнилъ ли онъ его впослѣдствіи?

9) Кто были друзья и любимые авторы?

10) Какія событія, лица вліяли на развитіе таланта; какъ относилось къ поэту общество, поняло ли, оцѣнило ли по достоинству; посвятилъ ли себя литературнымъ занятіямъ всецѣло или мѣшалъ ихъ съ занятіями служебными? Что мѣшало или способствовало литературнымъ занятіямъ? Любилъ ли поэтъ, былъ ли счастливъ въ своихъ привязанностяхъ? Не было ли какихъ особыхъ обстоятельствъ въ его жизни? Когда и при какихъ обстоятельствахъ умеръ; пережилъ свою славу или умеръ въ полномъ развитіи своего таланта?

Теорія поэзіи въ учебникѣ г. Смирновскаго, принятомъ нами за основаніе конспекта, начинается знакомствомъ съ русскою эпическою поэзіею народною (сказки, былины, историческія пѣсни, загадки). Имѣя въ виду прохожденіе въ системѣ общаго обзора исторіи литературы, мы полагали бы болѣе удобнымъ, ограничившись общимъ понятіемъ о народномъ эпосѣ, уже извѣстномъ изъ чтенія, всецѣло отнести этотъ отдѣлъ во второе полугодіе шестого класса, а именно — открыть имъ этотъ обзоръ. Здѣсь же, въ V классѣ, достаточно ознакомить учащихся въ общихъ чертахъ съ особенностями эпоса, что у г. Смирновскаго и сдѣлано на стр. 55, но, къ сожалѣнію, недостаточно полно.

Такъ какъ учащимся уже извѣстно изъ класснаго и обязательнаго внѣкласснаго чтенія достаточно повѣстей, разсказовъ и романовъ (*Евгеній Онѣгинъ* и первая часть *Мертвыхъ душъ* составляютъ, такъ сказать, основу изученія художественныхъ произведеній въ этомъ классѣ), то слѣдовало бы обратить вниманіе еще на слѣдующія особенности художественнаго эпоса:

1) Въ эпосѣ современномъ представляется цѣлое общество, цѣлая жизнь извѣстнаго круга, сословія, съ разныхъ ея сторонъ (напр., въ *Онѣгинѣ:* воспитаніе, времяпровожденіе въ городѣ и деревнѣ; жизнь богатой молодежи, провинціальныхъ барышень и проч.), въ цѣломъ рядѣ описаній и разсказовъ.

2) Герой эпическихъ произведеній представляется обыкновенно (въ романѣ, на который, какъ на самый распространенный видъ современнаго эпоса, и должно быть обращено особое вниманіе преподавателя), какъ продуктъ воспитанія и среды, и можетъ быть лицомъ пассивнымъ, малодѣйствующимъ самостоятельно, даже апатичнымъ (Онѣгинъ, Обломовъ). Указаніе на это качество эпическаго героя важно для сравненія этого героя впослѣдствіи съ лицомъ драматическимъ, особенно въ трагедіи.

Эпосъ литературный, представленный въ учебникѣ въ видовыхъ особенностяхъ съ указаніемъ на главнѣйшіе моменты историческаго развитія этихъ видовъ (басня, поэма, баллада, идиллія, романъ, повѣсть, разсказъ), изложенъ, въ общемъ, порядочно, и, при достаточномъ матеріалѣ, пріобрѣтенномъ уже учащимися путемъ чтенія и изученія образцовъ наизусть, особенно при пользованіи хрестоматіей Филонова, ч. I, со многими хорошими историческими примѣчаніями. (Напр., басня, идиллія, баллада, поэма), можетъ быть пройденъ основательно и безъ большой затраты времени. Мы позволили бы себѣ сдѣлать относительно эпоса только два замѣчанія:

1) Въ статьѣ о поэмѣ ложно-классической, о которой удобнѣе сказать позже, при прохожденіи исторіи литературы XVIII в., указываемыя авторомъ поэмы: *Освобожденный Іерусалимъ, Луизіада, Потерянный рай, Мессіада* и *Генріада,* не имѣющіяся на русскомъ языкѣ въ хорошихъ переводахъ, а по своей искусственности и устарѣлости и не представляющія въ школѣ особаго литературно-образовательнаго значенія, слѣдовало бы опустить совсѣмъ. И это тѣмъ болѣе, что сколько-нибудь основательное ознакомленіе съ ними путемъ бесѣды отниметъ время отъ занятій, болѣе производительныхъ и необходимыхъ, напр., романъ и драма.

2) Говоря о поэмѣ новаго времени, авторъ напрасно приписываетъ *идеализацію* только исторической поэмѣ; это — особенность, вообще, всѣхъ поэмъ и легко указывается и на приводимыхъ авторомъ — *Мцыри, Цыганахъ* и *Шильонскомъ узникѣ.* Кромѣ того слѣдуетъ ука-

зать и на особую *эффектную, исключительную,* такъ сказать, *праздничную* обстановку, въ которой обыкновенно представляются герои этихъ поэмъ (природа, полудикій народъ, исключительныя событія). Указаніе на эту обстановку даетъ поводъ къ сравненію поэмы съ современнымъ романомъ, гдѣ эта обстановка *обыкновенная,* такъ сказать, *будничная* („Онѣгинъ", „Мертвыя души").

Романъ, на который долженъ обратить преподаватель особенное вниманіе, объясненъ авторомъ просто, опредѣленно и полно. Если, по нашему мнѣнію, въ исторической части (стр. 81) слѣдовало бы совсѣмъ опустить упоминаніе о романѣ Раблэ *Гаргантюа и Пантагрюэль,* (какъ совершенно неудобномъ для чтенія въ этомъ возрастѣ), то нельзя не поблагодарить автора за указаніе на два сантиментальныхъ романа, *Кларисса* и особенно *Векфильдскій священникъ,* знакомство съ которыми пригодится при прохожденіи въ исторіи литературы о Карамзинѣ. Съ первымъ романомъ хорошо можно познакомить учащихся по превосходной статьѣ Дружинина (Сочиненія А. В. Дружинина, т. V) [1]), гдѣ разсказана біографія Ричардсона и изложенъ самый романъ съ характерными выдержками.

Разсмотрѣніемъ *лирики* долженъ, по нашему мнѣнію, заключиться курсъ теоріи словесности V класса. Признавая, въ общемъ, этотъ отдѣлъ въ учебникѣ удовлетворительнымъ, мы тѣмъ не менѣе полагали бы не указывать въ этомъ классѣ отдѣльныхъ видовъ этого рода поэзіи вовсе. Не говоря уже о крайней неопредѣленности и сбивчивости дѣленія лирики, очень прихотливой по отношенію къ характеру и выраженію чувствъ, знакомство съ народной пѣсней семейной, искусственной (Дельвигъ, Мерзляковъ, Цыгановъ), одой ложно-классической и сатирой гораздо производительнѣе въ курсѣ исторіи литературы, гдѣ эти виды могутъ быть пріурочены къ Кантеміру, Ломоносову, Державину и сентиментально-романической поэзіи Карамзина и Жуковскаго. Въ пятомъ же классѣ, гдѣ у учащихся уже накопился большой запасъ лирики, изучаемой наизусть въ младшихъ классахъ, вполнѣ достаточно ограничиться, воспользовавшись готовымъ матеріаломъ, только самыми общими характерными особенностями *лиры,* какъ поэтическаго *рода,* съ указаніями на разборѣ произведеній уже извѣстныхъ разныхъ характеровъ чувства, а именно:

a) *Торжественный, высокій* (*Поэтъ* Языкова, *Землетрясеніе* его же; *Ко гробу Кутузова* Пушкина; *На смерть Мещерскаго* Державина; *Наполеонъ* Пушкина; *На смерть Гёте* Баратынскаго).

[1]) Весь романъ, съ сокращеніями, переведенъ въ *Библіотекѣ для чтенія* 1848 г. томы 87, 88, 89, подъ названіемъ *Кларисса, или исторія юной барышни.*

b) *Сатирическій* (*Пророкъ, Поэтъ* Лермонтова).

c) *Элегическій* (*Море* Жуковскаго, *Брожу ли* Пушкина).

Въ конспектъ о лирикѣ могутъ быть внесены слѣдующіе вопросы:

1) Какія произведенія называются лирическими (личный внутренній міръ автора)?

2) Какимъ особымъ характеромъ въ изложеніи, въ языкѣ лирика отличается (воодушевленіе, кажущійся безпорядокъ, описаніе и разсказы только въ самыхъ общихъ чертахъ, указывающихъ на то, что вызвало чувство, образность языка, музыкальность, ритмъ)?

3) Чѣмъ опредѣляется значеніи лирики (предметъ, вызвавшій чувство, общечеловѣчность, опредѣленность его и цѣльность производимаго ею на читателя впечатлѣнія)?

4) Какъ можно раздѣлить лирику по преобладающему характеру (лирика *непосредственная,* такъ сказать, пѣсенная — напр., народная пѣсня, пѣсня Кольцова, и лирика *созерцанія, размышленія,* напр., *На смерть Гёте, Полководецъ* Пушкина)?

Лирическая поэзія представляетъ хорошо разработанный матеріалъ въ нашей литературѣ *О преподаваніи литературы, Руководство къ теоретическому изученію литературы* Стоюнина; *Словесность въ образцахъ и разборахъ* Водовозова; *Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій,* по Л. Эккардту, вопросы для изученія лирики, и можетъ быть изучена на нѣсколькихъ разборахъ, въ заключеніе курса теоріи поэзіи въ V классѣ. При этихъ разборахъ могутъ имѣться въ виду, напр., слѣдующія цѣли:

1) Сравненіе характера и направленія двухъ писателей на пьесахъ однородныхъ сюжетовъ, напр., *Туча* Пушкина и *Тучки* Лермонтова; *Море* Жуковскаго и *Къ морю* Пушкина.

2) Пьесы, выражающія отношеніе поэта къ жизни (напр., *Пушкина:* Зимній вечеръ, Опять на родинѣ, Туча, Безумныхъ лѣтъ, Брожу ли, Къ морю; *Лермонтова:* Ангелъ, Тучки, Парусъ, Выхожу одинъ, И скучно, и грустно).

3) Пьесы, выражающія взглядъ поэта на свое призваніе, на поэзію (напр., *Пушкина*: Эхо, Муза, Поэтъ, Поэту, Поэтъ и Чернь; *Лермонтова*: Поэтъ).

4) Значеніе искусства вообще (*Майкова:* Искусство, Октава, Есть мысли тайныя, Возвышенная мысль достойной хочетъ брони, Овидій; *Пушкина*: Преданіе объ Овидіи; *Баратынскаго*: На смерть Гёте).

При изученіи лирики, вообще, обращаемъ особое вниманіе преподавателей на *антологическую* поэзію Батюшкова, Пушкина, Гнѣдича и Майкова, очень небольшую по объему пьесъ и образцовую въ отношеніи эстетическомъ.

IX.

Продолженіе плана теоріи словесности.

Шестой классъ заканчиваетъ, *во-первыхъ,* теорію поэзіи (разсужденіе, ораторская рѣчь и драма), а *во-вторыхъ,* со второго полугодія, останавливаетъ вниманіе учащихся на исторіи литературы, а именно литературы *народной.* Оставляя пока исторію литературы, остановимся на теоріи словесности.

Курсъ этого класса начинается съ общаго понятія о разсужденіи (Смирн. учебн. 42) и двухъ методахъ (синтезъ и анализъ), что, какъ намъ кажется, легко объяснить на помѣщенныхъ въ хрестоматіи Галахова, ч. I, разсужденіяхъ *Различіе между науками и искусствомъ, Понятіе объ исторіи въ древнемъ и новомъ мірѣ* Грановскаго. Независимо отъ другихъ хорошихъ разсужденій, помѣщенныхъ тамъ же, которыя выберетъ преподаватель, мы стоимъ за обязательное прочтеніе въ классѣ именно этихъ статей, такъ какъ въ первой очень наглядно выясненъ основной вопросъ теоріи словесности — разница между наукой и искусствомъ, которая должна быть учащимся извѣстна, а вторая можетъ быть пріурочена къ сообщенію понятія объ исторіи (См. Учебникъ Смирн., стр. 50). Ограничившись тѣми общими свѣдѣніями относительно разсужденія, которыя помѣщаетъ г. Смирновскій, весьма полезно прочитать указанныя двѣ статьи, внося подробный планъ ихъ въ ученическую тетрадь, — и затѣмъ предложить на урокѣ подробно разсказать ихъ по этому плану, а то и прямо по памяти, уже не смотря въ планъ. Такая работа, пріучая учениковъ къ послѣдовательному, связному и точному отвлеченному изложенію, весьма производительна въ старшихъ классахъ и можетъ быть предложена и на другихъ, наиболѣе имѣющихъ отношеніе къ курсу дидактическихъ сочиненіяхъ, напр., *О нравственной цѣли литературныхъ произведеній* Баратынскаго, *Эпическій періодъ жизни* Буслаева, *Практическое значеніе искусства* Каткова, *О воспитаніи* Бѣлинскаго и др. Въ виду указанной цѣли намъ случалось предлагать классу и такую работу, считаемую нами очень полезною и удобоисполнимою. Отобравъ разсужденія по хрестоматіямъ Галахова, Филонова и Льва Поливанова (Русская хрестоматія, ч. III), а также по нѣсколькимъ писателямъ (напр., Бѣлинскій, Грановскій, Кудрявцевъ и др.), мы давали по разсужденію каждому изъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы имъ самимъ былъ составленъ въ тетради подробный планъ, по которому онъ долженъ дать устный отчетъ въ прочитанномъ. Такимъ образомъ учащіеся, пріучаясь вникать

въ серьезное изложеніе научное, пріучаются къ серьезному чтенію и устному систематическому изложенію, обогащаясь въ то же время идеями лучшихъ мыслителей.

Г. Смирновскій, ограничиваясь только общимъ понятіемъ о разсужденіи, къ сожалѣнію, очень поверхностно говоритъ о дѣленіи сочиненій дидактическихъ на ихъ виды, которое толково предложено въ *Учебномъ курсѣ теоріи словесности для среднихъ учебныхъ заведеній,* А. В. Савицкаго (Спб. 1883) [1]). Руководствуясь этимъ, во многихъ отношеніяхъ хорошимъ, учебникомъ, мы предложили бы внести въ конспектъ учениковъ слѣдующіе вопросы:

1) Какія сочиненія называются критикою (выясняющія смыслъ и значеніе произведеній словесности или искусства)?

2) На основаніи чего подвергается произведеніе критикѣ (на основаніи общаго критеріума, подъ который подводится частное)?

3) Какая критика называется эстетическою и какая историческою (первая разсматриваетъ на основаніи теоріи словесности форму сочиненія, т. е. его языкъ, изложеніе и содержаніе, въ смыслѣ строя сочиненія и соотвѣтствія частей идеѣ цѣлаго; вторая, на основаніи знакомства автора критики съ жизнью извѣстной эпохи, разсматриваетъ, какія именно явленія жизни въ произведеніи изображены и какъ оцѣнены или освѣщены)?

NB. Основательное знакомство съ критикою считаемъ для учениковъ *совершенно необходимымъ,* въ смыслѣ сообщенія литературному образованію серьезности и основательности, къ чему школа настоятельно должна стремиться; между тѣмъ какъ, къ сожалѣнію, на эту-то сторону развитія юношества очень мало обращается у насъ вниманія въ курсѣ словесности. Для знакомства же съ тѣмъ, что такое критика, могутъ быть разсмотрѣны въ классѣ и предложены для внѣкласснаго разсмотрѣнія хоть статьи изъ той же первой части хрестоматіи Галахова, напр., кн. Вяземскаго *О комедіи Горе отъ ума,* о томъ же И. Кирѣевскаго, или *объ Эдипѣ царѣ* Кудрявцева.

4) Какія дидактическія сочиненія называются *наукой,* чѣмъ отличается наука отъ простого разсужденія и критики (Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ указанная статья Павлова и *Учебный курсъ* г. Савицкаго, стр. 69—72)?

5) Какія сочиненія называются *ораторскими,* какая ихъ цѣль и какія условія внутреннія и внѣшнія требуются отъ оратора (Учебникъ Савицкаго, стр. 72 – 75)?

---

[1] См. также учебникъ Яковлева «Теорія словесности». *Ред.*

NB. Въ виду сохраненія времени, полагали бы ограничиться въ классѣ разборомъ двухъ маленькихъ рѣчей: *Святослава къ войску* (Савицкій, Приложеніе, стр. 168), которую можно прямо продиктовать (она напечатана также въ *Сборникѣ произведеній древней русской литературы* Скопина и Кеневича), и прекрасной проповѣдью Иннокентія *Слово въ Великій пятокъ* („Одному благочестивому пустыннику...“ Хрест. Гал., ч. I). Что же касается реторическаго дѣленія классическихъ рѣчей на семь частей, у г. Смирновскаго и опускаемаго, то оно, по нашему мнѣнію, можетъ быть опущено въ курсѣ словесности, въ виду того, что на чтеніе и разборъ даже хоть одной рѣчи, напр., Демосѳена — *О вѣнцѣ*, уйдетъ добрыхъ семь-восемь уроковъ, которые можно употребить гораздо производительнѣе.

Изученіе поэзіи драматической есть, такъ сказать, вѣнецъ теоріи словесности, которая и заканчивается разсмотрѣніемъ этого рода, требующаго отъ учащихся уже достаточной зрѣлости. Этотъ родъ поэзіи не только чрезвычайно способствуетъ серьезному умственному развитію юношества, но, при своемъ живомъ интересѣ и особенномъ дѣйствіи на душу, поселяетъ благороднѣйшую любовь къ театру, въ его великомъ образовательномъ для общества значеніи. Если, съ одной стороны, изученіе величественной трагедіи способствуетъ подъему духа юноши, пріучая его къ наслажденію созерцаніемъ въ жизни высокаго и поселяя благороднѣйшее изумленіе передъ величіемъ, богатствомъ и разнообразіемъ таинственнаго человѣческаго духа, при чемъ самая жизнь въ глазахъ юноши получаетъ великій смыслъ и интересъ, — то, съ другой стороны, разсмотрѣніе серьезной комедіи раскрываетъ картину человѣческихъ несовершенствъ, глупостей, пошлости и заблужденій, приводящихъ къ послѣдствіямъ печальнымъ и въ себѣ самихъ носящихъ достойную кару. Изумляться и благоговѣть передъ высокимъ, смѣяться сквозь слезы надъ пошлымъ и низкимъ, въ то же время глубоко сожалѣя о падшемъ человѣкѣ,—вотъ тѣ чувства, которыя должна воспитать въ юношѣ школа путемъ литературнаго этико-эстетическаго образованія. И если въ концѣ-концовъ эта цѣль не достигается, если наша теорія поэзіи и исторія литературы такихъ чувствъ не воспитываютъ, — словесность, какъ учебный предметъ, должна быть изгнана изъ школы, какъ безполезное времяпровожденіе, приготовляющее изъ ввѣряемыхъ школѣ государствомъ юношей пустыхъ фразеровъ. Вотъ почему изученію драмы придаемъ мы особое, чрезвычайно важное значеніе въ среднемъ учебномъ заведеніи. Намъ скажутъ, можетъ-быть, что изученіе Шекспира и Шиллера едва ли своевременно, едва ли доступно юношамъ средняго учебнаго заведенія; даже найдутся,

можетъ-быть, мыслящіе реалисты, которые язвительно замѣтятъ, что великіе идеалы, представляемые этими писателями, слишкомъ распалятъ юное воображеніе и отвлекутъ отъ практической жизни. Но вѣдь въ шестомъ классѣ гимназіи сидятъ юноши лѣтъ 17—18; — неужели же они до этихъ лѣтъ только малыя дѣти? Да и когда же, наконецъ, и возбуждать высокія чувства, какъ не въ юности, когда сердце воспріимчивѣе ко всему доброму? Что же касается идеализма, то, во-первыхъ, вѣдь не на одномъ же искусствѣ образуется юношество въ гимназіи; во-вторыхъ, какъ школа ни воспитывай, дѣйствительная жизнь всегда будетъ о себѣ напоминать и сдерживать порывы кипучей молодости прозой этой дѣйствительности; а, въ-третьихъ, не забудемъ, что въ настоящее время наша школа, такъ или иначе, дѣлаетъ чрезвычайно мало для того, чтобы уже на школьной скамьѣ не образовывались ловкіе будущіе дѣльцы, карьеристы или больные апатичные субъекты, носящіе въ пустыхъ душонкахъ ничѣмъ не оправдываемое уродливое отвращеніе къ жизни.

Вотъ какія соображенія заставляютъ насъ обратить особенное вниманіе гг. преподавателей на изученіе драмы, которой, правду сказать, въ нашихъ гимназіяхъ удѣляется, за всякими другими занятіями, очень мало мѣста. Намъ кажется, что если, при основательной подготовкѣ въ низшихъ классахъ и пятомъ, посвятить въ шестомъ классѣ разсужденію и ораторской прозѣ мѣсяцъ, то цѣлыхъ три въ первое полугодіе должно быть отдано драмѣ, какъ самому серьезному и сложному роду поэзіи. Если же, согласно нашему предложенію, ограничить исторію литературы въ шестомъ классѣ одной народной поэзіей, съ которой отчасти ученики знакомы еще съ младшихъ классовъ, то драма можетъ производительно захватить даже небольшую часть и второго полугодія. Въ соединеніи съ изученіемъ наизусть монологовъ, съ письменными домашними работами и обязательнымъ внѣкласснымъ чтеніемъ пьесъ — и, по возможности, ихъ критикъ, изученіе драматической поэзіи, теоретически для класса обстоятельно разработанной (Стоюнинъ, Руков. къ теоретич. изученію литературы; Острогорскій, Руков. къ чтенію поэтич. сочиненій, по Эккардту), можетъ быть поставлено въ гимназіяхъ очень серьезно. Не худо при этомъ, если учитель посовѣтуетъ учащимся непремѣнно посмотрѣть идущія на Императорской сценѣ русскія и иностранныя классическія пьесы. Нельзя не отнестись въ высшей степени сочувственно къ мысли время отъ времени устраивать въ Императорскомъ театрѣ столицъ особые утренніе школьные спектакли по дешевымъ цѣнамъ, а то и безплатно, для неимущихъ учениковъ, о чемъ, какъ мы слышали, идутъ толки въ дирекціи. А мысль эта вы-

полнима безъ особыхъ затрудненій: для осуществленія ея довольно въ годъ какихъ-нибудь шести-восьми спектаклей.

Возвращаясь къ нашему конспекту, нужно сказать, что весь отдѣлъ драмы обработанъ у г. Смирновскаго обстоятельно и, что всего важнѣе, просто, безъ лишнихъ отвлеченныхъ фразъ, на которыя такъ щедры многіе драматическіе критики (напр., Гервинусъ) и учебники словесности. По учебнику г. Смирновскаго ученикъ усвоитъ и особенности трагическаго характера и сущность смѣшного, точно такъ же, какъ и ознакомится съ главнѣйшими моментами развитія драмы. Изученіе же въ этомъ классѣ „Недоросля", „Горя отъ ума", „Ревизора", „Скупого Рыцаря" и „Бориса Годунова" значительно расширитъ время для прохожденія исторіи литературы въ седьмомъ,—гдѣ исторически освѣтить эти уже вполнѣ извѣстныя пьесы будетъ легко.

Такимъ образомъ ко второму полугодію шестого класса будетъ пройдена при внѣклассномъ правильно организованномъ чтеніи и письменныхъ работахъ, о которыхъ скажемъ ниже, основательно теорія поэзіи, которая, какъ оно и слѣдуетъ, въ книгѣ г. Смирновскаго заключается небольшой статьей *Поэзія, какъ изящное искусство* (стр. 121—122). Въ ней дается элементарное дѣленіе искусства, безъ объясненія, къ сожалѣнію, его областей, что было бы сдѣлать довольно легко. Къ этой статьѣ мы позволили бы себѣ привести въ дополненіе статью изъ нашего *Краткаго учебника теоріи поэзіи* (см. приложеніе къ книгѣ *Руководство къ чтенію* или отдѣльное изданіе *Учебника*. М. 1904 г. Ц. 50 к.) — *Поэзія, ея область и высокое значеніе* [1]).

X.

Изученіе наизусть художественныхъ произведеній въ старшихъ классахъ.

Предложивъ въ общихъ чертахъ планъ занятій теоріею словесности въ пятомъ и въ первое полугодіе шестого класса, переходимъ къ примѣрному *списку поэтическихъ произведеній*, которыя должны быть постепенно усвоены учениками въ этихъ классахъ *наизусть*.

Въ нашемъ выборѣ, помимо безусловной образцовой художественности разучиваемыхъ пьесъ (образность, музыкальность, прекрасная мысль), мы руководствовались слѣдующими соображеніями:

[1]) Другія пособія: «Поэзія, какъ факторъ эстетическаго развитія» Покровскаго; «Лекціи по теоріи искусства» Піо Ферреьри; «Теорія словесности» Колосова.

Ред.

1) выбираемыя произведенія, точно такъ же, какъ и предложенныя для младшихъ четырехъ классовъ, должны представлять образцы для теоретическихъ выводовъ при прохожденіи теоріи словесности;

2) они представляютъ матеріалъ для характеристики писателей, ознакомленіе съ которыми должна закончить въ послѣднемъ классѣ исторія литературы;

3) согласно этой цѣли, изъ произведеній Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова выбраны такія, которыя, знакомя съ общимъ характеромъ каждаго, рисуютъ отношенія поэтовъ къ жизни и ихъ поэтическому призванію.

Предлагая примѣрный списокъ, мы будемъ, по возможности, указывать, на что именно, при изученіи стихотворенія, слѣдовало бы обратить особенное вниманіе учениковъ, которые, для болѣе основательнаго уразумѣнія лирическихъ пьесъ, могутъ пользоваться вопросами Эккардта, предложенными въ книгѣ *Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій*.

Такимъ образомъ для V-го класса предлагаемъ слѣдующій выборъ:

I. *Жуковскій:* 1) Море, 2) Голосъ съ того свѣта, 3) Опять ты здѣсь, мой благодатный геній, 4) Воспоминаніе (характеръ романтической, мечтательной поэзіи); *Море* — можетъ быть разсмотрѣно сравнительно съ стихотвореніемъ *Къ морю* Пушкина (см. Стоюнинъ *О преподаваніи литературы*, стр. 120—124).

II. *Батюшковъ:* 5) Тѣнь друга, 6) Въ обители ничтожества унылой. (Прелесть формы, музыкальность).

III. *Баратынскій:* 7) На смерть Гёте (кромѣ послѣдней строфы),— характеристика генія.

IV. *Пушкинъ:* 8) Отрывки изъ „Онѣгина": a) *Воспитаніе*—глава I, строфы II, (Онѣгинъ, добрый мой пріятель) — до VIII; b) *Кабинетъ Онѣгина*, глава I, стр. XXIII—XXIV (до словъ „Руссо, замѣчу мимоходомъ"...); c) *Ольга и Татьяна*, глава II, стр. XXIII — XXVIII; d) *Размышленія о Ленскомъ и собственной жизни*, гл. VI, стр. XXXVI до конца главы (отрывокъ очень важный для объясненія отношеній автора къ изображаемой жизни); e) *Размышленія поэта о жизни вообще*—глава VIII, стр. X—XI (настроеніе самого Пушкина; сопоставленіе съ лирическими отступленіями Гоголя, обращенными къ молодому поколѣнію въ VI главѣ *Мертв. душъ*); 9) Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье, 10) Воспоминаніе (до словъ: *Я вижу въ праздности*); 11) Къ морю, 12) Рѣдѣетъ облаковъ... 13) 19 окт. 1825 г. строфы I, II, III, VII, XV, XVI, XVII и XVIII) 14) 19 окт. 1836 г. (первыя три строфы). На всѣхъ этихъ произведеніяхъ прекрасно обнаруживается

характеръ именно *Пушкинской свѣтлой и реальной элегіи;* 15) Поэтъ, 16) Поэту, 17) Пророкъ, 18) Памятникъ (взглядъ Пушкина на призваніе поэта и поэзію); — можно сопоставить съ *Поэтомъ* Языкова. 19) Ко гробу Кутузова, 20) Полководецъ, — примѣръ оды и оды-сатиры.

V. *Лермонтовъ:* 21) Поэтъ, 22) И скучно, и грустно... (примѣръ болѣзненности чувства) — можно сопоставить съ *Ангеломъ, Парусомъ,* 23) Отрывки изъ *Мцыри* или *Демона* (описательные, по усмотрѣнію преподавателя), 24) Тучки, 25) Ребенка милаго рожденье (свѣтлая сторона поэзіи).

VI. *Майковъ, А. Н.:* 26) Искусство, 27) Есть мысли тайныя... 28) Возвышенная мысль... 29) Октава (значеніе искусства и отношеніе къ нему художника).

VII. *Гоголь:* 30) Днѣпръ или Степь (примѣръ художественнаго описанія; образный языкъ; лирика въ прозѣ); 31) Счастливъ писатель... (начало VII главы *Мертвыхъ душъ* — о двухъ писателяхъ); 32) Отрывокъ изъ VI главы *Мертвыхъ душъ*: „И до такой ничтожности, мелочности“... до словъ: „А не знаете ли“...

Имѣя уже большой и разнообразный запасъ выученныхъ наизусть художественныхъ произведеній, въ шестомъ классѣ останется выучить нѣсколько произведеній новѣйшей литературы, наиболѣе серьезныхъ, — напр.: *Первое января, Дума* и *На смерть Пушкина* (до словъ: „А вы надменные потомки“) Лермонтова,—а затѣмъ сосредоточиться на изученіи отрывковъ драматическихъ, напр., слѣдующихъ:

I. Изъ *Бориса Годунова:* 1) Монологъ Пимена „Еще одно послѣднее сказанье...“, 2) Монологъ Григорія отъ словъ: „Все передъ лампадой...“ 3) Второй монологъ Пимена: „Сей повѣстью плачевной...“ (по этимъ тремъ отрывкамъ прекрасно характеризуется лѣтописецъ и лѣтопись), 4) Достигъ я высшей власти...

II. Изъ *Горе отъ ума:* 5) Монологъ Фамусова: „Вотъ то-то, всѣ вы гордецы...“ 6) Монологъ Чацкаго: „И точно началъ свѣтъ глупѣть...“ 7) Монологъ Чацкаго: „Въ той комнатѣ незначущая встрѣча...“

III. Изъ *Макбета:* 8) Монологъ Макбета: „Ударъ, одинъ ударъ...“ (примѣрное объясненіе этого монолога помѣщено въ книгѣ *Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій.*

IV. Изъ *Орлеанской дѣвы:* 9) Монологъ Іоанны „Молчитъ гроза военной непогоды...“ или „Простите вы, поля...“

Во второе полугодіе шестого класса, при прохожденіи исторіи устнаго народнаго творчества, могутъ быть выучены пять, напр., слѣдующихъ, наиболѣе типичныхъ, народныхъ пѣсенъ: 10) А и горе, горе-гореваньице, 11) Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы... 12) Выдала меня матушка,

13) Ужъ какъ палъ туманъ... 14) Не шуми, мати зеленая дубравушка...

NB. Пѣсни эти могутъ быть выучены и въ V классѣ, какъ примѣры народной рѣчи.

Чтобы покончить съ выборомъ произведеній, котсрыя къ окончанію гимназическаго курса должны быть извѣстны наизусть, укажемъ еще и на тѣ отрывки, кои слѣдуетъ выучить при прохожденіи исторіи литературы, т.-е. въ послѣднемъ классѣ.

1) Отрывки изъ *Слова о полку Игоревѣ:* a) Второй бой, b) Плачъ Ярославны.

NB. Всего лучше, если эти блестящія мѣста будутъ выучены въ оригиналѣ; изъ переводовъ кажутся намъ лучшими, хотя и довольно далекіе, но поэтически передающіе подлинникъ — *Второй бой* — Гербеля, и *Плачъ* — Козлова.

2) Ода Ломоносова „На восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны“ (строфы, I, VII, VIII, IX, XIII, XIV, XV, XVIII, XXII, XXIII и XXIV); 3) Ломоносова „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ“; Державина: 4) Первая и послѣдняя строфы изъ оды *Богъ,* 5) Властителямъ и судьямъ, 6) Отрывки изъ „Фелицы“, 7) Отрывки изъ „Вельможи“ (первыя двѣ строфы), 8) На смерть князя Мещерскаго, 9) „Памятникъ“ Дмитріева: 10) Отрывки изъ *Чужого толка.*

XI.

Внѣклассное чтеніе и литературныя бесѣды.

(Старшіе классы, начиная съ пятаго).

Если внѣклассное обязательное чтеніе даже и въ младшихъ классахъ имѣетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторую систему, то въ пятомъ и шестомъ, гдѣ проходится систематически теорія словесности, оно должно, помимо своего этико-эстетическаго значенія, вообще, представлять разнообразный матеріалъ для выводовъ теоретическихъ и для письменныхъ работъ. А такъ какъ теорія словесности, кромѣ стилистики, въ V-мъ классѣ сводится по нашему плану главнымъ образомъ къ знакомству съ идеализаціей, типами, отношеніями писателя къ дѣйствительности, съ путешествіями, біографіями, эпосомъ и лирикой, то и выборъ чтенія приноровленъ нами, по возможности, къ этимъ частямъ курса.

Основными крупными произведеніями, которыя слѣдуетъ изучить въ этомъ классѣ особенно подробно, считаемъ мы *Евгенія Онѣгина* и первую часть *Мертвыхъ душъ.* Эти романы должны съ самаго начала года находиться въ классѣ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ. Не говоря уже о томъ интересѣ, который они возбуждаютъ, о широкомъ

и разнообразномъ знакомствѣ съ жизнію, ими представляемомъ, объ истинно образцовой, мастерской художественности описаній, разсказовъ и лирическихъ отступленій, эти произведенія, съ одной стороны, какъ мы видѣли изъ плана курса и списка отрывковъ для изустнаго изученія, даютъ отличный матеріалъ для объясненій типа, отношеній писателя къ дѣйствительности, эпоса въ его значеніи въ современномъ романѣ, значенія самого писателя и его различныхъ душевныхъ настроеній; съ другой—великолѣпный матеріалъ для письменныхъ работъ. По этимъ двумъ романамъ къ концу перваго учебнаго полугодія долженъ быть отданъ учениками самый подробный провѣрочный отчетъ, отвѣчающій, примѣрно, на слѣдующіе вопросы:

1) Когда романъ „Евгеній Онѣгинъ" писался, что знаете объ этомъ періодѣ жизни автора и, вообще, объ его отношеніи къ своему произведенію (*Трудъ* Пушкина; лирическія отступленія поэта, изъ VI и VIII главы, уже извѣстныя наизусть; сопоставленіе съ лирическими личными отступленіями Гоголя, обнаруживающими эти отношенія)?

2) Содержаніе Евгенія Онѣгина, въ видѣ сжатой фабулы, и подробно по главамъ, съ указаніемъ сущности каждой главы и тѣхъ сторонъ русской жизни, на которыхъ останавливается авторъ (природа, изображеніе города, деревни, воспитанія, времяпровожденій, удовольствій столичной богатой молодежи; воспитаніе барышень, деревенская помѣщичья жизнь, именины, отраженіе въ романѣ крѣпостного права; дуэли, браки, московское общество).

3) Лица, выставляемыя поэтомъ (Онѣгинъ, Ольга, Татьяна, Ленскій), и разныя отношенія къ нимъ (сочувствіе, сожалѣніе, грустный юморъ, осужденіе дуэли).

Когда романъ уже толково прочитанъ учениками, слѣдуетъ указать, какъ для наиболѣе осмысленнаго къ нему отношенія, такъ и, вообще, для начала знакомства съ критикою, которая вмѣстѣ съ серьезными сочиненіями историческими должна положить въ молодежи прочный фундаментъ гуманистическаго образованіи, на разборъ романа у Бѣлинскаго.

Въ этомъ же классѣ слѣдуетъ осмыслить знакомство съ поэмами Пушкина, уже извѣстными учащимся (прочитать, по Бѣлинскому же, о Кавказскомъ плѣнникѣ, Цыганахъ, Полтавѣ, Мѣдномъ всадникѣ), также слѣдуетъ ознакомить и съ критическими замѣтками Бѣлинскаго о лирической поэзіи Пушкина[1]).

[1]) См. одно изъ слѣдующихъ изданій Бѣлинскаго: «Сочиненія Бѣлинскаго», изд. Поповой, ред. Котляревскаго; «Избранныя соч. Бѣлинскаго», изд. Суворина (ц. 50 к.); «Избранныя соч. Бѣлинскаго» подъ редакціей В. Острогорскаго (ц. 1 р. 25 к.); «Избранныя соч. Бѣлинскаго», Покровскаго (ц. 1 р.). *Ред.*

А для того, чтобы учащіеся, знакомясь съ произведеніями поэта, вмѣстѣ съ тѣмъ знакомились и съ его жизнью, слѣдуетъ ученикамъ дать книгу *Матеріалы для біографіи Пушкина* Анненкова, а болѣе развитымъ — и другую, его же, *Пушкинъ въ Александровскую эпоху;* также книгу Стоюнина: *А. С. Пушкинъ*[1]). Такимъ образомъ къ шестому классу съ Пушкинымъ, за исключеніемъ его драматической поэзіи, ученики ознакомятся довольно основательно.

Другой писатель, съ которымъ ученики уже отчасти знакомы изъ третьяго и четвертаго классовъ и теперь должны познакомиться болѣе полно и основательно — Гоголь. Знакомство это въ пятомъ классѣ, по ознакомленіи съ краткимъ біографическимъ очеркомъ поэта, сдѣланнымъ учителемъ, должно начаться съ *Портрета* и *Шинели* (прекрасный разборъ въ книгѣ Стоюнина *О преподаваніи литературы*) и затѣмъ сосредоточиться на первомъ томѣ *Мертвыхъ душъ*. Здѣсь, по ознакомленіи съ повѣстями, указали бы мы на статью Бѣлинскаго, т. I, *О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя,* стр. 174—244. Къ сожалѣнію, не можемъ указать ни на одну серьезную критическую статью *Мертвыхъ душъ,* которыя еще ждутъ себѣ оцѣнки въ будущемъ, — такъ что разсмотрѣніе романа должно уже всецѣло происходить подъ руководствомъ учителя[2]). Вотъ какіе приблизительно вопросы могутъ быть поставлены для изученія романа:

1) Годъ появленія романа (1842), гдѣ и сколько времени онъ писанъ и какъ относился къ нему самъ авторъ?

2) Содержаніе и сущность каждой изъ одиннадцати главъ.

3) Перечисленіе главныхъ типовъ, съ указаніемъ сущности каждаго.

4) Выдѣленіе лирическихъ мѣстъ романа и наиболѣе крупныхъ описаній.

5) Указаніе примѣровъ юмора и источника этого юмора.

Для руководства при знакомствѣ съ Гоголемъ мы позволимъ себѣ указать на вышедшую въ Москвѣ (изд. Солдатенкова, ц. 50 к.) *единственную* пока классную книжку—*Н. В. Гоголь* (біографическая замѣтка и разборъ главнѣйшихъ его произведеній для гимназій) Е. Воскресенскаго. Указывая рамки изученія Гоголя учителю, она можетъ быть дана въ руки и ученикамъ[3]).

[1]) Кромѣ названныхъ книгъ, можно указать біографіи Пушкина, составленныя Венкстернъ (ц. 80 к.), Демидовымъ (изд. «Всходовъ», 25 к.), Ивановымъ (изд. «Дѣтскаго Чтенія», 10 к.), Скабичевскимъ (изд. Павленкова, ц. 25 к.).

[2]) Относительно хорошій разборъ *Мертвыхъ душъ*—князя Вяземскаго, въ *Собраніи его сочиненій.*

[3]) Въ настоящее время можно рекомендовать біографію Гоголя, составленную Анненской (изд. Павленкова, ц. 25 к.) и книжку Вѣтринскаго «Гоголь и его произведенія». *Ред.*

Кромѣ Гоголя, на которомъ, какъ и на Пушкинѣ, долженъ основываться въ пятомъ классѣ весь курсъ, можно также предложить ученикамъ подробное изученіе *Героя нашего времени,* прекрасный разборъ котораго они найдутъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, и лирическихъ стихотвореній Лермонтова (тамъ же).

Такимъ образомъ *Онѣгинъ, Мертвыя души* и *Герой нашего времени, лирика* Пушкина и Лермонтова, въ связи съ біографіями этихъ трехъ поэтовъ (для біографіи Лермонтова можно рекомендовать прекрасную книжку Икорникова „Лермонтовъ"—одинъ изъ выпусковъ „Русскіе писатели для школъ", изд. „Невской библіотеки"), а также и чтеніе указанныхъ критическихъ статей, положатъ прочный фундаментъ серьезнаго литературнаго образованія юношества. Что всего важнѣе, — указанное чтеніе, при высоко художественномъ интересѣ, представляемомъ капитальнѣйшими произведеніями родной поэзіи, выучитъ учащихся читать, внимательно всматриваясь въ содержаніе во всѣхъ его подробностяхъ и находя близкую связь литературы съ жизнью и личностью самихъ писателей, поселитъ въ юной воспріимчивой душѣ любовь къ своей родинѣ и величайшимъ ея поэтамъ.

Собственно говоря, этими произведеніями и можно ограничить *обязательное* внѣклассное чтеніе, прибавивъ къ нимъ еще слѣдующія: во-первыхъ, *Письма русскаго путешественника* Карамзина (Дешевая библіотека, изд. Суворина), представляющія образецъ путешествій, какъ литературнаго вида, и богатый матеріалъ для письменныхъ работъ, и во-вторыхъ, *Повѣсти* Карамзина, *(Бѣдная Лиза* и *Наталья, боярская дочь* или *Марѳа посадница)* для сравненія литературы новѣйшей (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ) съ той, какою была литература полвѣка назадъ.

Изученіе этихъ произведеній въ связи съ курсомъ теоріи поэзіи, вмѣстѣ съ цѣлой массой выученныхъ наизусть за всѣ пять лѣтъ стихотвореній по всѣмъ почти видамъ поэзіи, со множествомъ прочитанныхъ обязательно внѣ класса образцовъ, съ знакомствомъ съ біографіями Кольцова, Крылова, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя, дастъ еще и обширный матеріалъ историко-литературный для общихъ выводовъ въ послѣднемъ классѣ. Благодаря такой постепенной, болѣе или менѣе систематической, подготовкѣ, даже такія понятія, какъ *сентиментализмъ, романтизмъ, натуральная школа,* точно такъ же, какъ и *направленія* писателей, почему-то считающіяся такими трудными для пониманія въ гимназіи, а нѣкоторыми педагогами — даже и рановременными, чрезвычайно упростятся, незамѣтно разумно усвоиваемыя учащимися на непосредственномъ изученіи самихъ сочиненій.

Не ограничиваясь подробнымъ изученіемъ Карамзина, Пушкина, Гоголя и Лермонтова, въ этомъ же пятомъ классѣ рекомендовали бы мы еще слѣдующія произведенія для внѣкласснаго (необязательнаго) чтенія, которыя могли бы послужить также и матеріаломъ для письменныхъ работъ.

1.—Стихотворенія Батюшкова, Гнѣдича, Хемницера, 2.—Веневитинова, 3.—Баратынскаго, 4.—Языкова, 5.—Дельвига, Козлова, 6.—Полежаева, 7.—Никитина, 8.—Л. Мея, 9.—А. Толстого, 10.—Фета, 11.—Полонскаго, 12. — Плещеева, 13. — А. Н. Майкова, 14. — Шевченко („Кобзарь"), 15.—Некрасова, 16.—„Записки охотника", Тургенева, и его же повѣсти, 17.—„Рудинъ", его же, 18.—„Дворянское гнѣздо", его же, 19.—„Обломовъ", Гончарова, 20.—„Обыкновенная исторія", его же, 21.—„Бѣдные люди", Достоевскаго.

Къ этому же классу, а также и VI, слѣдовало бы отнести и знакомство съ нѣкоторыми, наиболѣе выдающимися, писателями иностранными, а именно:

1) *Дантъ,* Адъ (Европейскіе классики для учащихся, изд. П. Вейнберга или 7, 8 и 9 выпуски второй серіи „Русской классной библіотеки" Чудинова; біографія, изд. Павленковымъ); 2) *Сервантесъ,* Донъ-Кихотъ (пособія для ученія: біографія, изд. Павленковымъ, и статья въ „Десяти чтеніяхъ", изданныхъ Мамонтовымъ); 3) *Байронъ* (Европейскіе классики, Вейнберга или 21 выпускъ второй серіи „Клас. библ." Чудинова); *Гёте* (біографія при собраніи сочиненій, изд. Ефрона или Гербеля; также въ изд. Суворина „Гёте, его жизнь и избранныя стихотворенія"; поэмы „Рейнеке-Лисъ" и „Германъ и Доротея"); 5) *Гольдсмитъ,* „Векфильдскій священникъ", 6) *Диккенсъ:* Сказки, „Домби и сынъ", „Давидъ Копперфильдъ", „Оливеръ Твистъ", „Записки Пиквикскаго клуба".

Въ библіотекѣ пятаго же и шестого классовъ должны находиться также и изданія Гербеля: *Русскіе поэты, Англійскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, Нѣмецкіе поэты, Поэзія славянъ* и *Исторія русской литературы въ біографіяхъ* Н. Полевого, представляющая большой матеріалъ біографическій.

Въ шестомъ классѣ внѣклассное чтеніе, вмѣстѣ съ продолженіемъ знакомства съ нѣкоторыми крупными произведеніями русскихъ и иностранныхъ писателей, главнымъ образомъ сосредоточивается на драмѣ, въ связи съ критикою, съ которою знакомство началось еще въ пятомъ классѣ статьями Бѣлинскаго. При этомъ, разумѣется, всегда остается непрочитаннымъ многое изъ указаннаго раньше, что слѣдуетъ пополнить теперь. Къ послѣднимъ же классамъ относимъ мы и наиболѣе

полное знакомство съ нѣкоторыми *критическими* и, вообще, *историко-литературными* сочиненіями по *новой* литературѣ, которую осмыслить необходимо во всякомъ случаѣ въ гимназіи, тѣмъ болѣе, что для огромнаго большинства литературное образованіе гимназіей, собственно, и оканчивается.

По драматической поэзіи *обязательными* считали бы мы слѣдующія произведенія, сопровождаемыя чтеніемъ критическихъ статей, которыхъ много хорошихъ образцовъ представляетъ, между прочимъ, и третій томъ хрестоматіи Филонова. Это, единственное у насъ пока, болѣе обстоятельное пособіе для класснаго изученія драмы въ классѣ имѣть необходимо въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

1) *Прометей* Эсхила (отрывки у Филонова, съ примѣч.), 2) *Антигона* или *Эдипъ царь* Софокла (статья Кудрявцева), 3) *Ифигенія въ Авлидѣ* Еврипида (примѣч. у Филонова, въ 3 т.), 4) *Облака* Аристофана (отрывки у Филонова), 5) *Макбетъ* (разборъ Гервинуса), 6) *Король Лиръ* (разборъ Дружинина въ третьемъ томѣ его соч.; отрывки изъ его статьи въ 3 т. Филонова), 7) *Гамлетъ* (статья Бѣлинскаго „Мочаловъ въ Гамлетѣ").

NB. Біографія Шекспира по I т. изд. Гербеля, по книгѣ Женэ, *Шекспиръ, его жизнь и сочиненія*, пер. А. Веселовскаго, или по Гервинусу т. I[1]).

8) *Тартюфъ*, 9) *Мизантропъ*, 10) *Скупой*. (Біографія въ I т. *Сочиненій Мольера*, изд. Бакста; анализъ Тартюфа и Мизантропа въ книгахъ А. Веселовскаго: *Этюды о Мольерѣ*).

11) Марія Стюартъ, 12) Донъ-Карлосъ, 13) Валленштейнъ, 14) Вильгельмъ Телль, 15) Орлеанская дѣва. Біографія Шиллера въ первомъ томѣ изд. Гербеля[2]).

16) Недоросль, 17) Бригадиръ, 18) Горе отъ ума[3]), 19) Ревизоръ,

[1]) Отдѣльныя изданія названныхъ пьесъ: «Антигона» и «Прометей», переводъ Мережковскаго (изд. «Знаніе»), «Антигона» Водовозова (ц. 25 к.), «Макбетъ», «Король Лиръ», «Гамлетъ», изд. «Дешевой библіотеки» Суворина (по 25 к.). Руководящія статьи для изученія пьесъ Шекспира учащіеся найдутъ какъ въ изданіи «Сочиненій Шекспира» Гербеля, такъ и въ изданіи Соколовскаго; для древней драмы— въ «Сборникѣ древнихъ классиковъ для русскихъ читателей» (статьи Коллинза).

[2]) Также въ изданіи «Сочиненій Шиллера» Ефрона, высокоцѣнномъ какъ по характеру иллюстрацій, такъ и по содержанію руководящихъ статей. Изъ дешевыхъ изданій можно рекомендовать книжку Суворина «Шиллеръ, его жизнь и избранныя стихотворенія».

[3]) См. статью Веселовскаго «Альцестъ и Чацкій» и статью его же «Грибоѣдовъ» (этюды и характеристики), статью Гончарова «Милліонъ терзаній» (8 т. соч. Гончарова), статью «Личность Грибоѣдова» Стоюнина (перепечатана изъ «Руководства для теоретическаго изученія словесности», Стоюнина въ 6 выпускѣ первой серіи «Русской кл. библ.» Чудинова). *Ред.*

20) Театральный разъѣздъ (для сравненія — Мольера *Критика на Школу женщинъ*; Мольеръ, изд. Бакста т. I). 21) Всѣ пьесы Пушкина (разборъ у Бѣлинскаго и въ пятитомномъ изданіи сочиненій Пушкина Льва Поливанова).

Островскаго: 22) Свои люди, 23) Бѣдная невѣста, 24) Бѣдность не порокъ, 25) Доходное мѣсто, 26) Не въ свои сани, 27) Гроза[1]).

Если къ указаннымъ драматическимъ произведеніямъ, съ ихъ критическими анализами, присоединить еще статью Шиллера *Театръ, какъ нравственное учрежденіе* и отрывки изъ Лессинговской *Гамбургской драматургіи*, пер. Разсадина, то знакомство съ драмой и значеніемъ театра получится у учениковъ довольно полное.

Къ предложенному списку драматическихъ произведеній, которыя прочитать въ послѣднихъ двухъ классахъ гимназій считаемъ обязательнымъ, присоединили бы мы еще слѣдующ[illegible] пьесы, книги и статьи, могущія представить выборъ серьезнаго матеріала для письменныхъ работъ, не говоря уже о ихъ общеобразовательномъ значеніи.

Въ виду трудности разграничить чтеніе въ послѣднихъ классахъ, предлагаемъ списокъ всего того, что можно было бы рекомендовать для серьезнаго чтенія юношеству.

1) Біографія Гёте (при полномъ собраніи сочиненій), 2) „Жизнь Гёте", Льюиса, 3) „Гёте и его время", Шахова, 4) Гецъ Ф. Берлихингенъ, Гёте, 5) Эгмондъ (анализъ пьесы, — Шиллеръ, изд. Гербеля, т. II), 6) Ифигенія въ Тавридѣ, 7) Торквато Тассо, 8) Фаустъ, 9) Вильгельмъ Мейстеръ, ч. I, 10) Вертеръ, 11) „Шиллеръ и его время", Шерра (біографія), 12) Біографія Лессинга (собр. соч., изд. Вольфа, или Бакста; также см. книгу „Лессингъ, какъ драматургъ" Андерсена), 13) Эмилія Галотти, 14) Натанъ Мудрый (пер. Крылова; въ отдѣльномъ изданіи этой пьесы обстоятельная о ней статья), 15) „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія", Женэ, 16) Коріоланъ, 17) Юлій Цезарь, 18) Венеціанскій купецъ, 19) Ричардъ III (изданіе Гербеля, анализы пьесъ у Женэ), 20) Сочиненія Байрона, изданіе Гербеля (біографія, Чайльдъ Гарольдъ, Гяуръ, Шильонскій узникъ), 21) Древніе классики для русскихъ читателей (Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ, Плавтъ и Теренцій, Виргилій, Овидій, Горацій); 22) „Англійскій театръ временъ Шекспира" Варшера, первый выпускъ изданія „Вопросы науки, искусства, литературы и жизни".

[1]) См. Нелидовъ: «Островскій и его дореформенные типы». *Ред.*

По части критики и, вообще, серьезнаго чтенія для образованія литературнаго, кромѣ сочиненій Бѣлинскаго, въ ученической библіотекѣ послѣднихъ двухъ высшихъ классовъ (въ классическихъ гимназіяхъ—въ трехъ) должны находиться еще и слѣдующія книги:

1) Исторія всеобщей литературы, Шерра, 3) Чтеніе объ искусствѣ, Тэна, 4) Лаокоонъ, Лессинга, перев. Эдельсона, 2) Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, Геттнера, т. I и II (какъ пособіе при изученіи русской литературы XVIII в.), 5) Иллюстрированная исторія искусствъ, Любке, перев. Ѳ. Булгакова, 6) Сочиненія Дружинина (т. VII: статьи о повѣстяхъ Тургенева, объ Обломовѣ, о повѣстяхъ Писемскаго и *Тысячѣ душъ,* разборы стихотвореній; т. IV: Шериданъ, Краббъ, Вальтеръ Скоттъ; т. V: Ричардсонъ — *Кларисса,* Гольдсмитъ — *Векфильдскій священникъ),* 7) Воспоминанія и критическіе очерки Анненкова, 3 ч.: статьи о Гоголѣ, Литературный типъ слабаго человѣка, статья о „Тысячѣ душъ", Наше общество въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", С. Т. Аксаковъ и Семейная хроника, романы и разсказы изъ простонароднаго быта (Записки охотника, повѣсти Григоровича и Писемскаго), „Замѣчательное десятилѣтіе" (очень хорошо оцѣнена дѣятельность Бѣлинскаго), Общественные идеалы Пушкина[1]), Станкевичъ (біографія).

NB. Мы особенно стоимъ за Дружинина и Анненкова, такъ какъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, эти писатели, по разностороннему образованію, критическому таланту и жизненному содержанію, представлютъ интересный и полезный матеріалъ для чтенія взрослому юношеству, которое, развивая на этихъ писателяхъ вкусъ къ серьезному чтенію, увидитъ въ нихъ образцы солиднаго критическаго отношенія къ литературѣ.

8) Тимофей Николаевичъ Грановскій (біографическій очеркъ), А. Станкевича, М. 1869,—образецъ прекрасной біографіи; 9) Гончарова *Четыре очерка,* 10) Буслаевъ — *Очерки народной словесности и искусства,* 11) Галахова *Исторія русской словесности древней и новой,* 12) Порфирьева *Исторія русской словесности,* 13) Караулова *Очерки исторіи русской литературы*[2]).

[1]) Для знакомства съ Пушкинымъ рекомендуемъ еще В. Стоюнина *«Историческія сочиненія, Пушкинъ,* Спб. 1881, и нашу книжку *Очерки Пушкинской Руси,* (Спб., 1897 г. изд. 2-е)—изображеніе у Пушкина русской природы, крестьянъ, помѣщиковъ и женщины. *Авторъ.*

[2]) Позволимъ себѣ дополнить списокъ слѣдующими сочиненіями: 1) Исторія всеобщей литературы, Корша; 2) Исторія русскаго искусства, Новицкаго; 3) Гуманность, Швальберга, изд. «Образованія»; 4) Миллеръ, Русскіе писатели послѣ Гоголя, три тома; 5) Ивановъ, Тургеневъ, его жизнь, личность и творчество; 6) Чернышевъ, «Лишніе люди» и женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева; 7) Левенфельдъ, Л. Толстой; 8) Дистерло, Левъ Толстой; 9) Этюды о русскихъ писателяхъ, Острогорскаго: Кольцовъ, Гончаровъ, Лермонтовъ; 10) Зелинскій, Критич. статьи о Тургеневѣ, двѣ части; 11) Вѣтринскій, «Въ сороковыхъ годахъ»; 12) Вѣтринскій, Грановскій и его время; 13) Милюковъ, Исторія и поэзія; 14) Десять чтеній по литературѣ, изд. Мамонтова; 15) Исторія русской литературы, Пыпина, четыре тома; 16) Пушкинъ, сочиненія, въ пяти томахъ, Льва Поливанова; 17) Лермонтовъ, сочиненія подъ редакціей Висковатова; 18) Грибоѣдовъ, сочиненія, изд. Шляпкина; 19) Матеріалы для біографіи Гоголя, Шенрока, четыре тома; 20) Русская классная библіотека, изд. Глазунова, редакція Чудинова — выпуски первой и второй серіи этого изданія (первая серія посвящена русскимъ писателямъ, вторая — иностраннымъ); 21) Историческая хрестоматія Покровскаго (сокращенное изданіе); 22) Книга Когана «Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ» (ц. 1 р. 50 к.); 23) Статьи по новѣйшей русской литературѣ, Кирпичникова; 24) Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I, Пыпина; 25) Характеристики литературныхъ мнѣній, его же; 26) Сочиненія «Тихонравова»; 27) Изслѣдованія и статьи Сухомлинова; 28) Историко-литературные очерки, Л. Майкова. *Ред.*

Имѣя въ ученической библіотекѣ послѣднихъ двухъ, а въ классическихъ гимназіяхъ трехъ классовъ означенныя сочиненія, можно думать, что юноши, оканчивающіе курсъ, пріобрѣтутъ серьезное литературное образованіе, основанное на непосредственномъ знакомствѣ съ самыми сочиненіями лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и критикой, а не будутъ выходить изъ гимназіи, какъ это часто бываетъ теперь, людьми *беззаботными насчетъ литературы,* или пошлыми верхоглядами, съ отношеніемъ къ величайшимъ писателямъ въ родѣ отношенія Евгенія Онѣгина, который умѣлъ *потолковать о Ювеналѣ* и беззастѣнчиво *бранилъ Гомера, Ѳеокрита* вмѣстѣ съ надоѣвшими ему балетами Дидло.

Но какая же гарантія въ томъ, что ученики такъ и будутъ читать предлагаемыя серьезныя вещи, какъ провѣрить, что именно и на сколько серьезно прочитано? Гарантія того, что читать будутъ (конечно, одинъ ученикъ больше, другой меньше), — тотъ интересъ къ литературѣ и постепенное эстетическое развитіе, которое будетъ сообщаться ученикамъ еще съ младшихъ классовъ, на что и разсчитанъ весь нашъ планъ литературнаго образованія. Что именно и когда прочитать — укажетъ учитель, на которомъ лежитъ прямая обязанность руководить чтеніемъ; что же касается прочитаннаго, то сдѣлать это также не особенно трудно. Внѣклассное чтеніе должно быть обязательно принимаемо въ расчетъ при постановкѣ какъ отдѣльнаго балла за репетицію пройденной части курса, такъ и при постановкѣ балловъ четвертныхъ и, особенно, экзаменныхъ. Начитанность ученика и степень усвоенія прочитаннаго обнаружатся на письменныхъ работахъ, равно какъ и умѣнье пользоваться источниками. Наконецъ, весьма большое значеніе для руководства чтеніемъ могутъ имѣть устраиваемыя

во внѣклассное время, напримѣръ, хоть разъ въ мѣсяцъ, устныя литературныя бесѣды. Вотъ что говорится, напримѣръ, въ § 9-мъ *Объяснительной записки къ правиламъ гимназій:*

„Преподаватели русскаго языка и словесности особенно могутъ руководствовать своихъ учениковъ въ выборѣ чтенія въ свободное отъ занятій время; для провѣрки же того, что ими прочитано и какъ прочитанное понято, и для надлежащихъ со стороны преподавателя объясненій, могутъ быть устраиваемы для старшихъ классовъ литературныя бесѣды въ праздничные, воскресные дни, въ зимнее и весеннее вакаціонное время. Этими литературными бесѣдами было бы полезно воспользоваться и для пріученія учениковъ къ свободному, плавному и послѣдовательному устному изложенію на заранѣе приготовленную тему". На этотъ же девятый параграфъ указывается Журналомъ Мин. Народнаго Просв. въ Отчетѣ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1874 г. „Необходимо,—говорится въ Отчетѣ,—чтобы преподаватели русскаго языка и словесности обратили *самое серьезное* вниманіе на требованія Мин. Нар. Просв., изложенныя въ § 9 Объяснительной записки, въ которой именно говорится о регулированіи школой чтенія учениковъ и о руководствѣ ихъ въ надлежащемъ пониманіи читаемаго. Ученики гимназій должны быть воспитаны на образцовыхъ произведеніяхъ русской литературы и тѣмъ предохранены отъ увлеченія слогомъ и манерою плохихъ произведеній текущей литературы".

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, совершенно разумнымъ, требованіемъ офиціальнаго органа, мы находимъ его и вполнѣ исполнимымъ, тѣмъ болѣе, что оно и не особенно обременительно для преподавателя (напр., одно утро или вечеръ въ мѣсяцъ), и въ высшей степени, какъ показываетъ опытъ во многихъ гимназіяхъ, интересно для учащихся, пріучающихся на этихъ бесѣдахъ, вносящихъ въ школу жизнь, смотрѣть на свой собственный умственный трудъ, какъ на благородное удовольствіе. Не говоря уже о томъ, что такія бесѣды чрезвычайно сближаютъ учениковъ съ преподавателями, онѣ способствуютъ въ то же время и самому оживленію класснаго курса. Но чтобы бесѣды эти имѣли на самомъ дѣлѣ такое значеніе и могли получить въ глазахъ учащихся живой интересъ, который будилъ бы мысль и чувство юношей, необходимо организовать ихъ разумно.

Прежде всего отнюдь не слѣдуетъ дѣлать бесѣды обязательными для *всѣхъ* учениковъ. Достаточно, назначивъ заранѣе, за мѣсяцъ или за два, опредѣленный день и часъ бесѣды и предложивъ на выборъ нѣсколько темъ, предоставить принять участіе въ бесѣдѣ желающимъ, а остальнымъ ученикамъ послѣднихъ двухъ классовъ (въ классическихъ

гимназіяхъ шестого, седьмого и восьмого) предоставить присутствовать добровольно, въ качествѣ публики, но съ правомъ голоса, оппонирующаго на рефератъ бесѣды, подъ руководствомъ преподавателя. Къ присутствію на бесѣдѣ, которая можетъ происходить въ гимназической залѣ, можно пригласить, кромѣ начальниковъ заведенія, и другихъ преподавателей. При такихъ условіяхъ, когда бесѣда станетъ дѣломъ самолюбія, предметомъ живого интереса *своего* учебнаго заведенія, можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что не придутъ на бесѣду развѣ только нѣсколько учениковъ особенно апатичныхъ и наиболѣе слабыхъ и тупыхъ. Для того, чтобы бесѣды эти, которыхъ можетъ быть въ годъ до семи, получили характеръ болѣе серьезный, слѣдуетъ завести особую книгу, куда вносились бы: 1) указанныя учителемъ темы съ поименованіемъ источниковъ, 2) имена учениковъ, взявшихъ темы, и 3) хотя бы краткій протоколъ бесѣды, который, для каждой бесѣды отдѣльно, составляетъ одинъ изъ учениковъ, опять-таки добровольно, по выбору класса или предложенію учителя. Что касается оппонентовъ, то они, ознакомясь съ рефератомъ предварительно, заранѣе записываются оппонировать референту, и имъ предоставляется право голоса прежде тѣхъ, которымъ на самой бесѣдѣ пришло бы въ голову что-нибудь сказать. Управляетъ преніями и резюмируетъ бесѣду, конечно, преподаватель.

Организовать это дѣло можно приблизительно такимъ образомъ. При началѣ учебнаго года учителемъ предлагается нѣсколько темъ, при чемъ сообщаются источники. Затѣмъ, примѣрно, черезъ недѣлю или двѣ, лица, желающія взяться за разработку темъ, заявляютъ объ этомъ преподавателю, и начинаютъ работать, прибѣгая, въ случаѣ надобности, за совѣтомъ къ послѣднему. Самая работа можетъ быть, по усмотрѣнію ученика, или вся исполнена письменно, или же сдѣлана въ видѣ подробнаго конспекта для связнаго устнаго доклада. Это сочиненіе, или конспектъ, сначала разсматривается учителемъ, а потомъ дается на просмотръ лицамъ, изъявившимъ желаніе оппонировать, которыя, конечно, должны познакомиться и съ самымъ произведеніемъ, разбирающимся на бесѣдѣ, и, по возможности, съ источниками; — и только тогда сочиненіе, или конспектъ — рефератъ идетъ на бесѣду. Темами бесѣдъ всего лучше, какъ намъ кажется, брать или одно изъ крупныхъ произведеній русскихъ (напр., Тургенева, Гончарова, Гоголя, Островскаго), или общее значеніе русскаго писателя, при чемъ необходимо воспользоваться имѣющимися о немъ критиками (Бѣлинскій, Дружининъ, Анненковъ, Аполлонъ Григорьевъ); или же одно изъ произведеній всеобщей литературы (Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте, Лессингъ, Диккенсъ, Мольеръ, Байронъ), что при невозможности класс-

наго знакомства со всеобщей литературой, особенно полезно для учениковъ, освѣщая имъ дѣятельность міровыхъ писателей. Руководствомъ же при анализѣ художественныхъ произведеній могутъ служить вопросы Эккардта (*Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій*), которые выбрать и группировать для каждаго даннаго произведенія въ отдѣльности, конечно, примѣняя ихъ къ послѣднему, долженъ, особенно на первыхъ порахъ, помочь учитель [1]). По русской литературѣ можно предложить, напримѣръ, такія темы: Бѣлинскій, какъ критикъ Шекспира, Бѣлинскій и Шиллеръ о значеніи театра; Карамзинъ, какъ путешественникъ; сентиментализмъ въ письмахъ и повѣстяхъ Карамзина; „Лишніе люди" у Тургенева; „Театральный разъѣздъ" и Критика на „Школу женщинъ" Мольера; „Горе отъ ума" и „Мизантропъ" Мольера и т. п.

Если такія бесѣды организовать умѣло и серьезно, — даже, если бъ ихъ было всего въ учебномъ году не болѣе четырехъ или трехъ, то польза ихъ, какъ въ смыслѣ образовательности, такъ и значенія нравственнаго для учениковъ несомнѣнна. Въ 60-хъ годахъ подобныя бесѣды существовали въ гимназіяхъ повсемѣстно, и тогдашніе ученики еще до сихъ поръ помнятъ тотъ интересъ, любовь и гордость, съ которыми они къ нимъ относились, и съ какимъ нетерпѣніемъ ихъ ожидали; — ту ревность и добросовѣстность, съ которыми они готовились къ этому *своему, дорогому, добровольно принятому на себя*, дѣлу. Эти бесѣды, заставляя учениковъ читать и толковать о прочитанномъ, чрезвычайно оживляли скучный гимназическій бытъ и, отвлекая учениковъ отъ многаго дурного, давали имъ хорошую умственную пищу. Эти бесѣды — одна изъ немногихъ свѣтлыхъ страницъ исторіи старой нашей школы, и вернуться къ нимъ теперь опять очень и очень слѣдовало бы, особенно въ виду все большаго и большаго равнодушія молодежи къ интересамъ умственнымъ и эстетическимъ. Впрочемъ, потребность въ этихъ бесѣдахъ начинаетъ признаваться не только, какъ мы видѣли, и самимъ министерствомъ, но и педагогической литературой. Еще въ 1884 г., въ № 3-мъ Московскаго Педагогическаго Журнала, *Записки учителя*, помѣщена замѣтка г. Балталона — *О литературныхъ бесѣдахъ*, къ сожалѣнію, трактующая интересный вопросъ очень слегка, скорѣе только его затрогивающая, съ цѣлью обратить на него вниманіе педагоговъ [2]). Но дѣло настолько говоритъ за себя

[1]) Каковъ можетъ быть полный разборъ по этимъ вопросамъ, учитель можетъ видѣть въ извѣстныхъ въ Германіи книжкахъ Эккардта и Дунцера, *Erläuterungen der deutschen Classikern*, которыя можно купить недорого (копеекъ по 50 и дешевле) у Риккера.

[2]) Статья эта вошла въ «Пособіе для литерат. бесѣдъ» Балталона.

само и настолько ясно въ рукахъ образованнаго и знающаго своихъ учениковъ учителя, что, пожалуй, и не требуетъ особенныхъ разъясненій. Если эти бесѣды могли удачно вестись въ доброе старое время, то тѣмъ болѣе, кажется, должны справиться съ этимъ дѣломъ наши нынѣшніе молодые педагоги. Для успѣшнаго веденія бесѣдъ необходимо собственное литературное образованіе учителя да эстетическій вкусъ, а безъ этого, конечно, не помогутъ никакія разъясненія.

XII.

Обзоръ исторіи русской литературы.

Въ то время (конецъ 50-хъ годовъ), когда авторъ этихъ бесѣдъ еще оканчивалъ гимназическій курсъ, по исторіи русской литературы существовалъ всего одинъ обязательный въ гимназіяхъ курсъ Зеленецкаго, съ сухимъ перечнемъ фактовъ, оканчивавшійся Пушкинымъ, о которомъ говорилось только вскользь, между прочимъ, тогда какъ литературѣ древней письменной и XVIII в. отводилась почти вся эта жалкая книжонка. Ее учили наизусть, почти вовсе не зная произведеній, о которыхъ въ ней трактовалось, такъ какъ не только ровно никакихъ классныхъ изданій писателей, но даже и хрестоматій тогда почти не существовало. Гоголь въ школѣ считался чуть не запрещеннымъ писателемъ, а имя Бѣлинскаго немногіе знали и въ обществѣ. Что это было за преподаваніе исторіи литературы, почти совсѣмъ еще не разработанной и наукой, — лучше объ этомъ не говорить; и если выходили изъ тогдашнихъ гимназистовъ люди, не совсѣмъ беззаботные насчетъ литературы, то только благодаря самостоятельному чтенію, до котораго тогдашніе юноши были большіе охотники, да и литературнымъ бесѣдамъ, или нѣсколькимъ отдѣльнымъ выдающимся учителямъ словесности, — людямъ сороковыхъ годовъ, жаркимъ поклонникамъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. Только тотъ, кто пережилъ 60-е годы, столь важные въ историческомъ ростѣ русскаго общества, можетъ оцѣнить вполнѣ, сколько сдѣлано въ области нашей историко-литературной науки вообще и преподаванія словесности въ частности. Не говоря уже о научныхъ трудахъ по изслѣдованію устной и письменной литературы древней и XVIII вѣка, объ изданіи полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, представляющемъ, въ своемъ родѣ, цѣлый обширный курсъ эстетики, теоріи поэзіи и исторіи русской литературы новѣйшей, о трудахъ Пыпина, Анненкова и др., о статьяхъ Скопина въ покойномъ прекрасномъ журналѣ *Учитель* или Стоюнина и Водовозова, — у насъ есть теперь и цѣлые, болѣе или менѣе, связные курсы исторіи русской

литературы (Галаховъ, Карауловъ, Порфирьевъ, Ор. Миллеръ, П. Полевой, Пыпинъ) и хрестоматіи (напр., историческая — Галахова, Скопина и Кеневича, „Хрестоматія по исторіи русской словесности“ Геракова, „Историческая хрестоматія“ Покровскаго, — Сборникъ историко-литературныхъ статей — сокр. изд.) и полныя собранія сочиненій писателей и многія отдѣльныя классныя ихъ изданія, и если не обстоятельныя ихъ біографіи, то хоть сносные біографическіе очерки. Конечно, пробѣловъ здѣсь еще много, впереди работы еще очень достаточно; но, сравнительно съ тѣмъ, что давала школа по словесности лѣтъ тридцать назадъ, прогрессъ слишкомъ замѣтенъ; особенно если принять во вниманіе всѣ тѣ колебанія, увлеченія, перемѣны и разочарованія, которыя за этотъ періодъ русская школа вынесла. Но матеріалъ для школьнаго преподаванія уже есть; главнѣйшія историко-литературныя вѣхи, указывающія путь, уже намѣчены, и исторіи литературы отведено подобающее мѣсто въ средней школѣ, гдѣ послѣднею заключается обширный гимназическій курсъ словесности. Эту исторію русской литературы признаютъ необходимой и *Учебные планы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ Мин. Нар. Просв. и Программа женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи*, довольно робко и неопредѣленно требующая, чтобы преподаватель въ заключеніе курса въ общихъ очеркахъ связалъ въ одно послѣдовательное цѣлое факты, пріобрѣтенные учащимися въ разныхъ классахъ гимназіи, не говоря уже о томъ, что изученіе литературныхъ образцовъ располагается болѣе или менѣе въ хронологическомъ порядкѣ. Мин. Нар. Просвѣщенія въ своихъ планахъ заканчиваетъ исторію русской литературы Лермонтовымъ и Гоголемъ, т.-е. 1842 годомъ, — годомъ появленія *Мертвыхъ душъ*; Вѣдомство Императрицы Маріи идетъ нѣсколько далѣе и рекомендуетъ для знакомства ученицамъ еще Тургенева, Гончарова и Островскаго. Вполнѣ согласно требованіямъ учебныхъ плановъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1877 г., въ 1879 г. вышелъ принятый нынѣ въ гимназіяхъ *Учебникъ ист. русской словесности* А. Галахова [1]). Уступая требованіямъ Вѣдомства Императрицы Маріи, вводятъ въ нѣкоторые учебники, напр. *Новая русская литература* Евстафьева, и новѣйшихъ писателей. Признавая такимъ образомъ вполнѣ введеніе въ гимназію исторіи русской литературы, конечно, подъ непремѣннымъ условіемъ непосредственнаго знакомства съ самими сочиненіями писателей, учебныя вѣдомства даютъ намъ право разсмотрѣть, на основаніи соображеній педагогическихъ и опыта, значеніе и расположеніе этого заключеннаго по словесности курса и выставить, какъ desiderata, наши желанія, осуществленіе коихъ считаемъ мы наиболѣе производительнымъ для юношества. Но прежде, чѣмъ предложить планъ преподаванія исторіи русской литературы, выскажемъ нѣсколько соображеній общихъ.

[1]) Позволимъ себѣ указать на хорошо составленный вопросникъ къ гимназическому курсу исторіи литературы: Грузинскій и Альферовъ „Сборникъ вопросовъ“. *Ред.*

Какъ ни важно, чтобы средняя школа сообщала учащимся извѣстную массу знаній по каждому учебному предмету; но эта школа за сообщеніемъ знаній *никогда не должна забывать цѣлей воспитательныхъ* и, съ одной стороны, давая изъ науки факты только самые важные, существенные, необходимые для образованія, съ другой — должна возбудить въ учащихся интересъ и къ дальнѣйшему, уже самостоятельному, изученію науки. Какъ ни важны сами по себѣ многіе факты по исторіи русской литературы, указываемые *Учебными планами Мин. Нар. Просв.*, но, какъ намъ кажется, *имъ мѣсто въ университетѣ*, а никакъ не въ гимназіи, гдѣ они, потребовавъ много времени и сухого упорнаго труда для ихъ изученія, далеко не принесутъ *воспитательной* пользы въ смыслѣ *этико-эстетическомъ*. Вся исторія древней русской литературы, проходимая нынѣ въ мужскихъ гимназіяхъ очень подробно, должна быть сведена къ весьма небольшому minimum'у, такъ какъ, за немногими исключеніями, она представляетъ матеріалъ почти одинъ только *историческій, бытовой*, къ тому же — совсѣмъ исключительный, духовно-монашескій, а никакъ не эстетическій, общечеловѣческій, который могъ бы благотворно воспитать сердце и воображеніе юноши, дать уму здоровую пищу и общечеловѣческую оцѣнку жизни. Занимая юношей почти цѣлый годъ (по Учебн. пл. — шестой классъ) митрополитомъ Илларіономъ, Кирилломъ Туровскимъ, Даніиломъ Паломникомъ, Заточникомъ, Патерикомъ, апокрифами, повѣстями, историческими сказаніями; затѣмъ въ слѣдующемъ классѣ — Стоглавомъ, Перепиской Грознаго съ Курбскимъ, памятниками, написанными церковно-славянскимъ или стариннымъ русскимъ языкомъ, — мы уподобляемся тѣмъ схоластикамъ, убивавшимъ время на изученіе всевозможныхъ видовъ силлогизмовъ, о которыхъ сказалъ Лессингъ: „чтобы поднять вязанку соломы, не нужно никакой машины; но въ логикѣ именно для этого послѣдовательно и методически употребляются машины“. Весь этотъ матеріалъ гораздо производительнѣе можетъ отойти къ русской исторіи, гдѣ онъ явится вполнѣ умѣстной иллюстраціей вѣка, открывъ, такимъ образомъ, въ гимназіи, какъ учебномъ заведеніи свѣтскомъ, мѣсто для изученія новой русской литературы, подъ вліяніемъ общечеловѣческой западной, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотя бы для нѣкотораго знакомства

съ наиболѣе крупными явленіями литературы европейской, безъ которыхъ неполно литературное образованіе.

Наконецъ, при соображеніи гимназическаго курса, нельзя не имѣть въ виду и того очень важнаго обстоятельства, что, по планамъ Мин. Нар. Просв., юноша лѣтъ 18—20 выходитъ совершенно незнакомый ни съ критикой ни съ произведеніями литературы послѣ Гоголя, т.-е. совершенно незнакомый, напримѣръ, съ Тургеневымъ, Гончаровымъ и Островскимъ. Какъ же удивляться послѣ этого, что наше юношество часто обнаруживаетъ поразительное невѣжество въ сужденіяхъ о литературныхъ авторитетахъ и увлеченіе эфемерной журнальной беллетристикой, какъ признается даже само Мин. Нар. Просвѣщенія. Не имѣя серьезнаго критеріума для сужденій, не образовавъ вкуса на изученіи лучшихъ отечественныхъ поэтовъ, юноши, совершенно естественно, выходятъ и легкомысленными и равнодушными въ своихъ отношеніяхъ къ родной литературѣ. Самую важную причину такого печальнаго состоянія нашего гимназическаго образованія, помимо общей постановки всего курса словесности, о чемъ говорилось ранѣе, видимъ мы въ особенности въ совершенно, какъ намъ кажется, неправильномъ планѣ исторіи русской литературы. Опытъ показываетъ, что если вполнѣ буквально, какъ это и требуется и исполняется преподавателями, слѣдовать учебному плану, то для сколько-нибудь серьезнаго ознакомленія учащихся даже съ Пушкинымъ и Гоголемъ времени почти не остается вовсе. Съ чѣмъ же оканчиваетъ полный гимназическій курсъ молодой человѣкъ? Съ знаніемъ литературы народной, некультивированной массы; съ монашеско-аскетической, исключительной, литературой древней; съ схоластической — кіевской академіи; съ псевдо-классической, пересаженной на русскую почву и на ней привившейся; съ отжившей свой вѣкъ литературой сентиментально-романтической; — наконецъ, — и то, за недостаткомъ времени очень поверхностно, — съ писателями, закончившими свою дѣятельность болѣе полвѣка назадъ. При этомъ о литературѣ западной нашъ гимназистъ можетъ не имѣть ровно никакого понятія. Неужели же это все нормально и не приводитъ къ сознанію настоятельной необходимости подумать о томъ, чтобы построить курсъ исторіи отечественной литературы нѣсколько иначе?

Рѣшаясь предложить планъ этого курса, имѣющаго въ виду закончить литературное этико-эстетическое образованіе юношей въ гимназіяхъ, считаемъ нужнымъ оговориться впередъ, какими именно соображеніями мы руководствовались.

1) Приступая къ исторіи литературы во второе полугодіе шестого класса, мы предполагаемъ, что ученики наши уже вполнѣ грамотны, пріобрѣли цѣлымъ рядомъ письменныхъ работъ извѣстный слогъ и привычку писать, знакомы съ цѣлой массой произведеній новой русской литературы, а также и съ нѣсколькими крупными произведеніями всеобщей, съ біографіями Жуковскаго, Крылова, Кольцова, Пушкина, а также хотя бы съ краткими біографическими очерками Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, — отчасти и со статьями критическими (Бѣлинскій, Дружининъ, Анненковъ); изъ теоріи поэзіи имѣютъ опредѣленныя и ясныя понятія объ искусствѣ, творчествѣ, идеалѣ, типѣ, отношеніи писателя къ жизни, — словомъ, имѣемъ передъ собой юношей лѣтъ 16—17, уже достаточно умственно зрѣлыхъ и эстетически развитыхъ.

2) Ученическая библіотека организована правильно и, такимъ образомъ, даетъ ученикамъ полную возможность самостоятельно читать подъ руководствомъ и по указанію преподавателя.

3) Обзоръ исторіи литературы, оставляя въ сторонѣ собственно исторію письменности, не имѣющей интереса эстетическаго, долженъ ограничиться, въ виду педагогическихъ цѣлей, только исторіею *поэзіи*, какъ искусства, въ смыслѣ выраженія жизни: a) народной и b) образованнаго общества XVIII и особенно XIX вѣка, на которомъ, собственно, и должно сосредоточиться знакомство съ отечественной литературой, насчитывающей не болѣе какихъ-нибудь семидесяти лѣтъ самостоятельнаго существованія (появленіе *Онѣгина* и *Горя отъ ума*).

4) Не гонясь за фактическими подробностями, которыя всегда могутъ быть пріобрѣтены учениками путемъ самостоятельнаго чтенія и потомъ, уже по окончаніи гимназическаго курса, если только гимназія развила въ учащихся любознательность и способность критически относиться къ чтенію, мы ограничиваемъ курсъ только самымъ главнымъ, существенно необходимымъ, въ чемъ наиболѣе ярко отразилось сознаніе народа или образованнаго меньшинства.

5) Такъ какъ исторія литературы есть только часть исторіи общей, то нашъ обзоръ необходимо предполагаетъ въ ученикахъ извѣстныя знанія *историческія*, пріобрѣтенныя *отъ учителя исторіи русской* и *всеобщей*. Такъ, преподаватель словесности, при раціонально поставленномъ курсѣ исторіи, долженъ требовать отъ учениковъ постепеннаго усвоенія слѣдующихъ фактовъ: — географическое и культурное состояніе Руси передъ введеніемъ христіанства и письменности; двоевѣріе; дружинный удѣльно-вѣчевой бытъ; Кіевъ и Кіевопечерская лавра, какъ центръ образованности; образовательная роль духовенства; вліяніе на Русь Византіи; значеніе татарщины по отношенію къ нравамъ и образованности; центральная роль Москвы; юго-западная образованность и

кіевская академія; умственное и нравственное состояніе Руси въ XVII в. передъ появленіемъ Петра: умственное состояніе образованнѣйшихъ государствъ Европы (Англіи, Франціи) въ XVII в. сравнительно съ Россіей; особенно подробное выясненіе петровской реформы; просвѣтительныя стремленія Европы въ XVIII в. и энциклопедисты (Локкъ, Монтескье, Беккарія, Руссо, Вольтеръ, Дидро); просвѣтительная дѣятельность императрицы Екатерины II и блестящая сторона ея царствованія; просвѣтительная дѣятельность Александра I, особенно въ первые годы его царствованія; культурное и патріотическое значеніе для Россіи войны двѣнадцатаго года; значеніе для всей нашей умственной жизни великихъ реформъ Александра II, особенно освобожденія крестьянъ, какъ явленія, наиболѣе всего повліявшаго на всю русскую умственную жизнь. Что *именно эти* указанные нами факты должны быть *выдвинуты и разъяснены учителемъ исторіи по преимуществу*, какъ имѣющіе наибольшее и научное и воспитательное значеніе, — въ этомъ, полагаемъ, сомнѣнія быть не можетъ (иначе — какой же и смыслъ имѣло бы преподаванія въ гимназіи исторіи?); что *именно безъ знанія этихъ фактовъ немыслимо сколько-нибудь основательное историко-литературное отечественное образованіе*, кажется, ясно даже и не для педагога; а если это такъ, то предлагаемый нами планъ преподаванія отечественной литературы осуществимъ вполнѣ.

6) Что касается учебника, то, собственно, для нашего плана такого не существуетъ, за исключеніемъ развѣ, до *нѣкоторой степени*, очень оригинальнаго и во многихъ отношеніяхъ хорошаго конспекта Е. Судовщикова — *Пособіе при преподаваніи исторіи русской словесности* (Кіевъ, 1863 г., ц. 90 к.),—книжки, теперь довольно рѣдкой. Но, принимая во вниманіе, что ученики будутъ имѣть подъ руками различныя классныя изданія русскихъ писателей, мы рекомендовали бы для подготовки къ репетиціямъ: *Учебникъ исторіи русской словесности* А. Галахова или *Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы* В. Стоюнина, оканчивающееся, къ сожалѣнію, только Жуковскимъ, но зато дающее основательный обзоръ новой литературы, начиная съ преобразовательной эпохи. Съ литературой же Пушкина и новѣйшей ученики могутъ познакомиться по *Новой русской литературѣ* Водовозова и по книгѣ О. Миллера *Русскіе писатели послѣ Гоголя*, три части; разобраны: Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Л. Толстой, Островскій, Аксаковъ и др. [1]).

[1]) См. также *Чернышевъ:* Лишніе люди и женскіе типы въ произведеніяхъ Тургенева (Ц. 80 к); *Ивановъ:* Тургеневъ, его жизнь, личность и творчество (Ц. 2 р.); *Левенфельдтъ:* Левъ Толстой (Ц. 1 р. 50 к.)); *Дистерло:* Л. Толстой (Ц. 1 р.); *біографіи Павленкова:* Л. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій; *Зелинскій:* Сборникъ критич. статей о Тургеневѣ, Островскомъ; *Десять чтеній по литературѣ*, изд. Мамонтова (статьи о Григоровичѣ, Аксаковѣ, Львѣ Толстомъ) и этюды о русскихъ писателяхъ, *В. Острогорскій:* Лермонтовъ, Кольцовъ, Гончаровъ и Аксаковъ.

Ред.

Начать прохожденіе исторіи русской литературы во второе полугодіе шестого класса полагали бы мы не прямо, а съ очень важнаго *вступленія*. Въ этомъ вступленіи, которое могло бы быть записано учениками за учителемъ въ видѣ сжатаго конспекта, слѣдуетъ выяснить понятія *о словесности, письменности, литературѣ* и *исторіи литературъ всеобщей* и *частной*, а также — почему только нѣкоторые наиболѣе культурные народы имѣютъ свою литературу и ея исторію, при чемъ указать на общій ходъ всемірной литературы (греки, римляне, итальянцы, испанцы, англичане, французы, нѣмцы). Такое вступленіе съ обзоромъ легко сдѣлать прямо по статьѣ Бѣлинскаго (т. XII): *Общее значеніе слова „литература“*, которая, какъ извѣстно, должна была составить первую главу задуманной Бѣлинскимъ въ послѣдніе годы жизни *Критической исторіи русской литературы*, и по книгѣ Стоюнина „О преподаваніи литературы“; самый обзоръ, или, вѣрнѣе, указаніе историко-литературной роли каждой изъ помянутыхъ народностей, вовсе не будетъ для учащихся рановременен, такъ какъ изъ чтенія, а отчасти и самыхъ уроковъ словесности имъ уже извѣстны и Гомеръ, и Софоклъ, и Ѳеокритъ, и Анакреонъ, и Данте, и Сервантесъ, и Шекспиръ, и Мольеръ, и Лессингъ, и Шиллеръ, и Гёте. Такое вступленіе которое даже можно предложить составить по Бѣлинскому самимъ ученикамъ и прочесть въ одинъ или два урока, сразу освѣтитъ общей связующей мыслью уже пріобрѣтенныя путемъ чтенія и классныхъ занятій литературныя отрывочныя знанія, а съ другой стороны наглядно покажетъ культурное значеніе Запада сравнительно съ нашей родиной.

На слѣдующихъ двухъ-трехъ урокахъ учитель остановится на исторіи литературы русской, которую раздѣлитъ на древнюю и новую съ указаніемъ отличій одной отъ другой по языку, формѣ и содержанію, и въ заключеніе укажетъ на періоды исторіи литературы новой (псевдоклассическо - подражательный, сентиментальный, романтическій и художественно-народный). Этотъ краткій обзоръ, котораго въ нашихъ учебникахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, придется составить учителю самому; но мы особенно на немъ настаиваемъ, потому что обзоръ этотъ опять-таки сразу вноситъ смыслъ и цѣль во всѣ дальнѣйшія занятія. Что же касается рановременности такого обзора, то не забудемъ, что ученикамъ уже отчасти извѣстны изъ исторіи и возрожденіе наукъ, и

искусствъ въ Европѣ, и вѣкъ Людовика XIV съ Мольеромъ, Корнелемъ и Расиномъ, и Карамзинъ, и Жуковскій, и писатели новѣйшіе.

За этимъ вступленіемъ учитель сосредоточиваетъ вниманіе учащихся на различіи между литературой устно-народной и литературно-художественной, при чемъ возобновляетъ въ памяти учениковъ уже давно извѣстные имъ памятники литературы народной — иностранной (Наль и Дамаянти, Рустемъ, Гомеръ, сказки Гримма), а также русской (*Книга былинъ* Авенаріуса, *Сказки* Аѳанасьева). Тутъ же умѣстно обратить вниманіе на особую важность народной литературы Руси, какъ страны по преимуществу крестьянской и мало культивированной, а также на четыре періода народнаго творчества: *миѳическій* (сказка, языческая пѣсня и старшіе богатыри), *героическій* (былины Владимирова цикла и новгородскія), *историческій* (историческія и удалыя пѣсни) и *частно-бытовой* (семейныя пѣсни). При этомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ смотрѣли на народную литературу у насъ прежде, когда, гдѣ и какъ ее собирали („Десять чтеній по литературѣ", статья „Народные пѣвцы" и первый томъ „Исторіи русской словесности" Галахова). При такой постановкѣ дѣла, думается намъ, юношество отнесется къ изученію своей народной литературы съ большимъ интересомъ, понимая ея значеніе и не смотря на нее свысока. И если параллельно съ ходомъ курса дать въ руки ученикамъ, кромѣ *Сборника* Скопина и Кеневича, еще хоть *Былины* Поливанова, *Историческую хрестоматію* Миллера, *Сказки* Аѳанасьева и *Очерки народной литературы* Буслаева, указавъ, на что въ въ этихъ книгахъ обратить вниманіе, то изученіе народной поэзіи можетъ быть очень производительно. Нужно только не особенно увлекаться этимъ учителю, помня, во-первыхъ, что наша народная поэзія только еще начинаетъ свою научную обработку въ университетахъ, и до сихъ поръ еще мало объяснена, — слѣдовательно, въ гимназіяхъ можетъ проходиться только, такъ сказать, описательно; а, во-вторыхъ, что курсъ великъ, а поэтому всегда нужно соображать время, смотря по важности того или другого отдѣла курса.

Ознакомивъ со сказкой, языческой пѣсней и былинами о старшихъ богатыряхъ (Святогоръ, Вольга, Микула), былины кіевскія и новгородскія слѣдуетъ пройти поподробнѣе, освѣтивъ послѣднія прекрасными очерками Костомарова въ его *Сѣверо-русскихъ народоправствахъ*, а историческія пѣсни ввести въ связь съ пѣснями удалыми (Костомарова *Стенька Разинъ*); что же касается пѣсенъ частно-бытовыхъ, то достаточно остановиться на трехъ типахъ: — 1) пѣсни *о смерти добраго молодца въ степи;* 2) пѣсни *о горѣ;* 3) пѣсни *дѣвушки и замужней женщины,* указывая на связь содержанія и характера этихъ пѣсенъ съ

русской природой и бытомъ. Проходя пѣсни о Грозномъ, слѣдуетъ припомнить *Пѣсню о Калашниковѣ* Лермонтова; а пѣсни частно-бытовыя сопоставить съ *поэзіей Кольцова* и прекрасною *Повѣстью о горѣ-злосчастьѣ,* которая разобрана у Буслаева въ его *Очеркахъ,* въ статьѣ *Русская поэзія XVII в.* Вотъ, по нашему мнѣнію, и все, что возможно и необходимо пройти въ первые два мѣсяца второго полугодія шестого класса, предполагая, конечно, что учащіеся, во-первыхъ, знакомы съ народной литературой и раньше, а, во-вторыхъ, будутъ читать указываемое преподавателемъ, который, при репетиціяхъ, долженъ непремѣнно требовать основательнаго знакомства хотя съ нѣсколькими изъ произведеній каждаго отдѣла. Литературу духовныхъ стиховъ, легендъ, пословицъ мы опускаемъ вовсе, такъ какъ эти области еще менѣе разработаны научно, да и занятія ими въ *гимназіи* едва ли особенно производительны.

Изъ литературы письменной беремъ единственно только *Слово о полку Игоревѣ,* которое должно быть изучено учениками въ цѣломъ, какъ по своей высокой художественности, такъ и исторической картинности, въ смыслѣ освѣщенія цѣлой эпохи еще не сложившейся въ государственное цѣлое русской земли передъ нашествіемъ татаръ. Всю остальную древнюю литературу до самого Кантеміра считаемъ въ *гимназическомъ* курсѣ совершенно непроизводительною ни въ отношеніи воспитательномъ ни въ смыслѣ обогащенія языка и слога. Созданная почти исключительно по чужимъ образцамъ, часто реторически, въ ущербъ внутреннему общечеловѣческому содержанію, обнимающая особые, религіозные, интересы, она не представляетъ ни одного писателя, который могъ бы быть поучителенъ для современнаго намъ юноши въ смыслѣ гуманности и общечеловѣчности міросозерцанія. Объ интересѣ религіозномъ не говоримъ, такъ какъ онъ отходитъ въ исторію русской Церкви, которая въ гимназіяхъ проходится отдѣльно; да и этотъ-то интересъ религіозный зачастую затемняется самыми дикими примѣрами двоевѣрія, узко аскетическими идеалами, внѣшнею обрядностью и далеко не христіанскими отношеніями къ женѣ и дѣтямъ, какъ это видимъ даже у такого лица, какъ священникъ Сильвестръ въ его „Домостроѣ". Не отвлекать нашихъ юношей въ отжившее, замкнутое отъ науки и гуманнаго искусства, прошлое должна наша школа посредствомъ литературнаго образованія, но какъ можно болѣе развивать чувства общечеловѣческія, гуманныя, этико-эстетическія, чтобы вышли юноши изъ школы въ жизнь, дѣствительно просвѣтивши свою душу прекрасными образцами родной литературы и произведеніями великихъ геніевъ міра. Заставляя же 16—17-лѣтнихъ юношей цѣлые годы дра-

коцѣннаго времени изучать на чуждомъ для нихъ, мертвомъ языкѣ умершую уже для насъ литературу, не имѣющую никакой связи ни съ литературой Сервантеса, Шекспира, Мольера и др. ни съ нашей литературой даже XVIII вѣка, мы, во имя рутины, отъ которой не имѣемъ силы отказаться, дѣлаемъ для нашихъ дѣтей зло великое.

Но тѣ же явленія — Лѣтопись, Домострой, Курбскій, кіевская ученость и др., которыя могли бы быть, по нашему мнѣнію, опущены въ гимназическомъ курсѣ исторіи литературы, должны *вполнѣ законно и необходимо* занять болѣе *видное* мѣсто въ *исторіи*. Послѣдняя дастъ всѣмъ имъ надлежащее освѣщеніе и вполнѣ ознакомитъ ученика съ тѣмъ состояніемъ умственнымъ, нравственнымъ и культурнымъ, въ которомъ застала Русь реформа Петра Великаго. Отношеніе памятниковъ древней русской письменности именно къ исторіи въ связи съ историческимъ освѣщеніемъ уже и начинаютъ понимать историки-популяризаторы для юношества. Изданіе, напримѣръ, г. Сиповскаго *Родная Старина*, обращающее особенное вниманіе на культурную сторону русской исторіи, приводитъ попутно въ хорошихъ переводахъ почти цѣликомъ всѣ памятники, относимые программами въ исторію литературы.

Здѣсь кстати сказать, что для того, чтобы исторія русской литературы могла проходиться болѣе осмысленно, необходимо расположить, по возможности, параллельно съ нею и самую исторію, въ коей сторонѣ культурной должно непремѣнно отдаваться преимущество передъ внѣшней, государственной, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ въ преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ, обыкновенно, почти исключительно и выдвигаемой.

Обзоръ исторіи литературы XVIII в. слѣдуетъ открыть также вступленіемъ, разсказаннымъ урока въ три или четыре учителемъ и записаннымъ учениками въ видѣ конспектовъ. Въ этомъ вступленіи нужно, во-первыхъ, объяснить происхожденіе и сущность ложнаго классицизма, а также указать на три излюбленныхъ ложноклассическихъ формы — эпопея, ода и трагедія; во-вторыхъ, сказать объ энциклопедистахъ и сущности ученія Локка, Беккаріа и Монтескье, для чего достаточно матеріала представятъ хотя бы исторіи русской литературы Галахова и Караулова, относящія эти понятія позже, къ статьямъ о литературѣ екатерининской. Намъ кажется, что сдѣлать это удобнѣе теперь, чтобы ученики, приступая къ знакомству съ нашей подражательной литературой, ознакомились заранѣе съ тѣмъ источникомъ, откуда шли заимствованія.

Имѣя, такимъ образомъ, отъ учителя исторіи общую картину петровской реформы и культурнаго состоянія общества при Петрѣ Великомъ, а отъ учителя словесности—понятіе о состояніи литературы на Западѣ, ученики приступаютъ, согласно программамъ, къ изученію выдающихся писателей, а именно Кантеміра, Ломоносова, императрицы Екатерины, Державина и Фонвизина, при чемъ эпизодически знакомятся съ возникновеніемъ русскаго театра и Сумароковымъ. Чѣмъ именно кончить въ VI классѣ, чтобы продолжать дѣло въ VII и VIII классахъ (въ женскихъ гимназіяхъ—въ первомъ),—это предоставляемъ вполнѣ преподавателю. Что же касается выбора и освѣщенія матеріала то первый даютъ: книжки П. И. Вейнберга *Русскіе писатели въ классѣ* „Русская классическая библіотека“ Чудинова и *Историческая хрестоматія новаго періода русской литературы* Галахова, а второе—достаточно ясно сдѣлано въ учебникѣ Галахова и у Стоюнина. Но въ преподаваніи у насъ исторіи литературы XVIII в. обыкновенно упускаютъ или проходятъ вскользь дѣятельность Новикова и Дружескаго Общества. Это очень жаль, и особенно въ интересахъ воспитательныхъ. Въ нашей литературѣ такъ мало личностей безупречныхъ, высоконравственныхъ, вполнѣ отдавшихся дѣлу просвѣщенія, что личность Новикова должна быть выдвинута рельефно, какъ по отношенію къ сатирическимъ журналамъ, представлявшимъ самый крайній предѣлъ, до какого могла дойти наша сатира, такъ и въ своей просвѣтительной дѣятельности; наконецъ, Новиковъ и его Общество, можно сказать, создали Карамзина. Думаемъ, что уже слѣдовало бы не замалчивать и о книгѣ Радищева *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, какъ первомъ горячемъ и прямомъ протестѣ противъ крѣпостного права. Теперь, когда уже прошло около полустолѣтія послѣ великаго акта освобожденія многомилліонной массы крѣпостного люда, кажется, уже слѣдуетъ знакомить учащихся съ благородными личностями, какъ Новиковъ и Радищевъ, чуть не за сто лѣтъ до освобожденія скорбѣвшими за народъ, много ими любимый. Знакомство съ этими личностями тѣмъ болѣе поселитъ въ учащихся благоговѣйное уваженіе къ памяти Великаго Царя-Освободителя. Новиковъ и Радищевъ—лица, уже отошедшія въ далекое, объективное для насъ, прошлое; ихъ память вполнѣ очищена исторіей отъ всякихъ нареканій и подозрѣній; ихъ печальная судьба всѣмъ извѣстна, разсказана даже во всѣхъ исторіяхъ русской литературы и представляетъ этихъ людей только жертвами прискорбнаго недоразумѣнія и клеветы;—зачѣмъ же изгонять эти крупныя явленія изъ школы, которая все-таки ознакомится съ ними сама, но только безъ руководства учителя, безъ правильнаго историческаго освѣщенія, что, конечно, гораздо хуже.

Приступая къ изученію Карамзина, учитель опять обращается къ литературѣ Запада и знакомитъ учениковъ съ англійскимъ и отчасти

французскимъ сентиментализмомъ. *Чувствительное путешествіе* Стерна, *Кларисса,* въ пересказѣ Дружинина, *Векфильдскій священникъ,* прочитанные учениками, точно такъ же, какъ отрывки изъ *Поля и Виргиніи* (ихъ можно дать перевести заранѣе, въ видѣ письменной внѣклассной работы) и изъ *Эмиля* Руссо, дадутъ ясное понятіе объ этомъ новомъ направленіи. Съ другой стороны, учитель долженъ ознакомить и съ Лессингомъ, здравыя идеи котораго объ искусствѣ впервые пропагандировались у насъ Карамзинымъ; — его біографія, „Минна фонъ-Барнгельмъ", отрывки изъ Драматургіи,—все это есть на русскомъ языкѣ,— должно находиться въ ученической библіотекѣ и непремѣнно быть прочитано до изученія самого Карамзина. Этотъ писатель, какъ начинающій нашу новую *общественную,* живую литературу, — одна изъ самыхъ вѣскихъ основъ курса, и потому потребуетъ болѣе подробнаго и всесторонняго изученія,—особенно *Письма,* которыя лучше изучать по *Дешевой библіотекѣ* Суворина, гдѣ помѣщена, немножко панегирическая, *Рѣчь Буслаева* о ихъ значеніи, *повѣсти* и дѣятельность *журнальная.* Существуетъ классное изданіе сочиненій Карамзина Льва Поливанова, на него слѣдуетъ преподавателямъ обратить вниманіе. При изученіи Карамзина слѣдуетъ также поподробнѣе остановиться на его біографіи; для чего можно взять біографію Карамзина, изданную Павленковымъ.

Жуковскій [1]), какъ и Карамзинъ, безъ связи съ литературой западной не понятенъ. Понятіе о романтизмѣ считается у насъ особеннымъ камнемъ преткновенія, между тѣмъ какъ эта вѣтвь романтизма (религіозно-мечтательная, ищущая успокоенія въ религіи, природѣ, въ лонѣ семейства и преданьяхъ старины), которую выражалъ въ своихъ сочиненіяхъ этотъ поэтъ, какъ намъ кажется, легко объясняется, въ Европѣ—неудовлетворенностью скептической философіей энциклопедистовъ, реакціей ложному классицизму, стремленіемъ къ природѣ и народу, — наконецъ, позже, разочарованіемъ въ переворотахъ, сулившихъ наступленіе золотого вѣка, у Жуковскаго же—просто особой его организаціей, воспитаніемъ и условіями жизни. Баллады Шиллера, Макферсонъ, Бюргеръ, англійскіе озерные поэты (все это учитель найдетъ въ изданіяхъ Гербеля—*Англійскіе и Нѣмецкіе* поэты) достаточно объяснятъ ученикамъ сущность этой поэзіи. Впрочемъ, на Жуковскомъ долго останавливаться нечего, такъ какъ онъ знакомъ ученикамъ еще изъ средн-

[1]) См. біографію Жуковскаго, имѣющую въ виду пятый и шестой классы, составленную В. А. Икорниковымъ (изд. «Невской библіотеки» первый выпускъ «Русскихъ писателей для школъ») и біографію, составленную для историческаго курса литературы Алферовымъ.

нихъ и младшихъ классовъ, и, кромѣ того, онъ поэтъ-переводчикъ, на что должно быть обращено вниманіе. Говоря о Жуковскомъ, слѣдуетъ остановиться на Шиллерѣ, уже извѣстномъ классу, по крайней мѣрѣ, по пьесамъ и балладамъ, и, хотя въ общихъ чертахъ, обрисовать его біографію и великое всемірное значеніе, а также указать, на какихъ именно сторонахъ его поэзіи остановился Жуковскій (*Шиллеръ и его время* Шерра; *Исторія всеобщей литературы* его же).

Жуковскій вмѣстѣ съ Батюшковымъ, также извѣстнымъ ученикамъ, заключаютъ подражательный періодъ нашей литературы, открывая мѣсто литературѣ художественно-самостоятельной, которая, по своему этико-эстетическому значенію и живому интересу, должна получить въ курсѣ наиболѣе полное развитіе. Эта литература, прямо порожденная умственнымъ оживленіемъ Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по выраженію Пушкина, *прекраснымъ началомъ Александровыхъ дней,* и войной 12-го – 14-го годовъ, должна быть уяснена небольшимъ вступленіемъ, въ которомъ можно напомнить ученикамъ главнѣйшіе факты, относящіеся къ заботамъ правительства о просвѣщеніи и о вліяніи французской кампаніи на русское общество. Здѣсь же, чтобы не отклоняться въ сторону потомъ, слѣдовало бы въ общихъ чертахъ познакомить учениковъ съ Байрономъ, т.-е. съ его жизнью и хотя нѣкоторыми изъ его произведеній, напр., *Чайльдъ-Гарольдъ,* отрывки изъ *Д. Жуана, Гяуръ, Абидосская невѣста, Корсаръ,* которыя необходимы для пониманія отношеній Пушкинской и Лермонтовской поэзіи къ Байроновской (см. *Новая литература* Водовозова, также статьи А. Галахова: *Лермонтовъ*— въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1858 г., т. 16, іюль, книжки 1 и 2, и 1 августъ; книга Тэна, „Развитіе полит. и гражд. свободы въ Англіи, въ связи съ развитіемъ литературы, т. II") [1]).

Имѣя, такимъ образомъ, извѣстную историко-литературную почву, ученикъ можетъ приступить къ изученію новѣйшаго періода русской литературы болѣе сознательно, и Грибоѣдовъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, которыхъ слѣдуетъ изучить послѣдовательно, одинъ за другимъ, прежде Гоголя, получатъ въ глазахъ учащихся значеніе болѣе серьезное. Какъ изучать ихъ, на чемъ именно въ ихъ поэзіи слѣдуетъ остановиться, какъ освѣтить ихъ дѣятельность,—все это опредѣленно и просто указано въ *Учебникѣ исторіи русской словесности* Галахова, который мы и беремъ за основаніе курса, какъ чуждый лишнихъ

[1]) Въ настоящее время можно указать на статьи Брандеса о Байронѣ (Г. Брандесъ «Главнѣйшія теченія литературы XIX столѣтія», Англійская литература) на статьи Спасовича «Байронизмъ Пушкина и Лермонтова» на книгу Котляревскаго «Лермонтовъ», на этюдъ В. Острогорскаго «Мотивы Лермонтовской поэзіи». *Ред.*

фразъ, чѣмъ страдаютъ наши другіе учебники. Укажемъ только на нѣкоторыя стороны поэтической дѣятельности этого геніальнаго литературнаго тріо, требующія, по нашему мнѣнію, особаго вниманія преподавателя. Вотъ какія положенія въ концѣ-концовъ необходимо, какъ намъ кажется, уяснить учащимся послѣ возможно болѣе подробнаго ознакомленія съ біографіями этихъ трехъ поэтовъ и, конечно, съ ихъ сочиненіями, съ которыми, впрочемъ, учащіеся уже ознакомились постепенно, начиная съ младшихъ классовъ.

1) Грибоѣдовъ одною своею комедіей, въ яркой картинѣ съ массою типовъ, очень искусно сгруппированныхъ, представилъ цѣлое интеллигентное русское общество по отношенію къ государству, семейству и личности, съ благороднымъ негодованіемъ осудивъ наши нравы съ точки зрѣнія общечеловѣческой и національной. Предшественникъ Гоголя, Грибоѣдовъ, есть вполнѣ основатель нашей національной самостоятельной литературы.

2) Уступая Грибоѣдову въ серьезности и цѣльности изображенія русскаго общества, Пушкинъ, при всей своей, какъ выразился Достоевскій, *всечеловѣчности*, или, говоря проще, индифферентизмѣ, тѣмъ не менѣе великій поэтъ *національный*, выразившій очень опредѣленно въ живыхъ образахъ русскую природу, современное русское общество высшее, среднее и даже крестьянство (см. нашу книгу *Очерки Пушкинской Руси*), не оставя безъ вниманія и нашего прошлаго, нашедшаго въ поэтѣ великаго провидца и изобразителя. На эту *національную* сторону, помимо другихъ (отношеніе къ жизни вообще, художественность и заслуги по языку прозаическому и стихотворному, отношеніе къ поэту и поэзіи, къ Байрону), слѣдуетъ указать ученикамъ, какъ на заслугу *важнѣйшую*.

3) Лермонтовъ, при кратковременности своей дѣятельности, не могъ еще высказаться вполнѣ; но уже и по тому, что имъ сдѣлано (Герой нашего времени, Пѣсня о Калашниковѣ, Маскарадъ, Сказка для дѣтей и др.) обѣщалъ сдѣлаться, можетъ-быть, величайшимъ поэтомъ *національнымъ*, еще болѣе значительнымъ, чѣмъ Пушкинъ, котораго онъ превосходилъ образованіемъ и большею серьезностью и цѣльностью міросозерцанія. Недостаточная же опредѣленность въ мотивированіи его тоски и осужденія въ значительной степени происходила отъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ коихъ онъ писалъ. Лермонтова, нѣкоторымъ образомъ, продолжалъ Некрасовъ, жившій въ другое, болѣе благопріятное для литературы, время, но не имѣвшій его таланта и глубины [1]).

[1]) Для лучшаго уразумѣнія этихъ трехъ поэтовъ ученики должны ознакомиться непремѣнно и съ критикою ихъ произведеній у Бѣлинскаго, котораго біографію и

Гоголь, разсмотрѣнный у Галахова очень основательно и, подобно Пушкину, особенно знакомый ученикамъ, не требуетъ съ нашей стороны комментарій. Само собою разумѣется, что на этомъ великомъ учителѣ всѣхъ почти новѣйшихъ нашихъ писателей, точно такъ же, какъ и на Пушкинѣ, слѣдуетъ остановиться подробнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ писателяхъ; но, къ сожалѣнію, о Гоголѣ-то именно нѣтъ у насъ до сихъ поръ ни одной не только серьезной книги, но даже и критическихъ хорошихъ статей, если не считать небольшой статьи Бѣлинскаго (I томъ) о гоголевской повѣсти да его же разбора Ревизора, о чемъ мы уже говорили. Какъ руководство для изученія Гоголя въ гимназіи, можемъ рекомендовать указанную нами книжку Е. Воскресенскаго, изд. Салаева, *Н. В. Гоголь (біографическая замѣтка и разборъ главнѣйшихъ его произведеній для гимназіи).* [1]) Указавъ въ Гоголѣ натурализмъ (жизненность) и разнообразіе типовъ, получившихъ значеніе историческое, слѣдуетъ указать на общую задачу, какъ бы имъ же указанную, которую стали преслѣдовать дальнѣйшіе русскіе писатели, а именно — требованіе полнаго уваженія къ каждому человѣку, „эмансипаціи человѣческой личности, подавленной преимущественно въ младшихъ членахъ общества“. Отсюда положеніе крѣпостного крестьянина, чиновника и женщины даетъ преимущественно содержаніе литературѣ. Здѣсь слѣдуетъ возобновить въ памяти учащихся уже извѣстныя имъ повѣсти Григоровича—*Деревня, Антонъ-Горемыка, Бобыль*—и остановиться на *Бѣдныхъ людяхъ* Достоевскаго; но главнымъ образомъ вниманіе учащихся должно быть остановлено на трехъ крупнѣйшихъ представителяхъ новѣйшей русской литературы, уже вполнѣ выясненныхъ критикой и даже внесенныхъ въ программу словесности женскихъ гимназій Вѣдомства Императрицы Маріи, — Тургеневѣ, Гончаровѣ и Островскомъ, освѣщеніемъ дѣятельности которыхъ и долженъ заключиться, по нашему мнѣнію, курсъ исторіи русской литературы. Что же касается гр. Л. Толстого и Некрасова, то знакомство съ ними, какъ съ писателями, надъ коими еще до сихъ поръ критика не произнесла вполнѣ опредѣленнаго приговора, можно ограничить однимъ внѣкласс-

значеніе знать обязательно, если только мы хотимъ поставить изученіе родной литературы мало-мальски серьезно. Руководить же учениковъ при выборѣ и самостоятельномъ чтеніи критикъ — прямое дѣло учителя, такъ что опасенія въ этомъ отношеніи со стороны уже взрослыхъ учениковъ какихъ-либо превратныхъ толкованій совершенно неосновательны.

[1]) Въ настоящее время можно воспользоваться обстоятельнымъ трудомъ Шенрока «Матеріалы для біографіи Гоголя»; изъ небольшихъ по объему книжекъ рекомендуемъ: біографію, изд. Павленковымъ, и книжку Вѣтринскаго: «Гоголь и его произведенія». *Ред.*

нымъ чтеніемъ подъ руководствомъ учителя, наконецъ отчасти воспользоваться какъ матеріаломъ для письменныхъ работъ. Достоевскаго, за исключеніемъ *Бѣдныхъ людей*, какъ произведенія переходнаго отъ Гоголя къ литературѣ новѣйшей, считаемъ мы писателемъ слишкомъ сложнымъ, по своей болѣзненной психіатрической подкладкѣ едва ли умѣстнымъ въ курсѣ средняго учебнаго заведенія.

Какъ въ литературѣ новой, послѣ Карамзина и Жуковскаго, подробно изучаются учениками Пушкинъ и Гоголь, такъ въ новѣйшей — послѣдняго четыредесятилѣтія центромъ долженъ быть Тургеневъ, не только великій художникъ вообще, но и европейски-образованный человѣкъ. Цѣлая масса уже изданныхъ нынѣ біографическихъ матеріаловъ, вмѣстѣ съ біографическимъ очеркомъ при послѣднемъ изданіи его сочиненій, дастъ преподавателю возможность довольно полно воспроизвести передъ учениками эту глубоко поучительную въ воспитательномъ отношеніи личность, не забывая при этомъ и отзывовъ о немъ иностранцевъ (*Иностранная критика о Тургеневѣ*, Спб. 1884), а множество критическихъ статей, разсматривающихъ съ разныхъ сторонъ его дѣятельность, помогутъ ярко и опредѣленно освѣтить его какъ писателя. Предоставляя усмотрѣнію самого учителя сдѣлать подходящій выборъ и группировку его произведеній, особенно остановившись на *Запискахъ Охотника*, *Рудинѣ*, *Дворянскомъ Гнѣздѣ*, *Наканунѣ* и *Отцахъ и Дѣтяхъ*, какъ разработывающихъ три основныя темы художественнаго творчества Тургенева — *крѣпостное право*, *лишній человѣкъ* и *русская женщина*, позволяемъ себѣ указать на весьма важныя въ литературномъ отношеніи, какъ образцы, прозаическія его статьи, напр., *Литературный вечеръ у Плетнева*, *Воспоминаніе о Бѣлинскомъ*, *Гамлетъ* и *Донъ-Кихотъ*.

Отъ Тургенева естественъ переходъ къ Гончарову. Разсматривая его *Обыкновенную исторію* и *Обломова*, слѣдуетъ отмѣтить въ нихъ особенно *крѣпостное право*, *типы узкихъ практиковъ* (Петръ Ивановичъ Адуевъ, Штольцъ), *мечтателей-обломовцевъ* (Александръ Адуевъ, Обломовъ), *сентиментальное уродство* (Тафаева) и *типы женскія* (жена Петра Адуева, Наденька — легкость отношеній къ графу, къ Александру, къ букашкѣ, которой она любовалась, а потомъ безжалостно раздавила ногой; Ольга) а также и прозаическія статьи — *Воспоминаніе о Бѣлинскомъ* и критику „Горе отъ ума“, *Милліонъ терзаній*. Сравнивая же этого писателя съ Тургеневымъ, который, болѣе или менѣе, *субъективенъ* вездѣ и безпрестанно высказываетъ произведенныя на него жизнью впечатлѣнія, слѣдуетъ отмѣтить характерныя особенности Гончарова — почти полнѣйшую *объективность* и близкое къ

Гоголю искусство рисовать такъ называемыя *эпическія подробности*, напр., комнаты, усадьбы, костюмъ и пр.

Освѣщеніемъ дѣятельности Островскаго, какъ намъ кажется, слѣдовало бы заключить гимназическій курсъ исторіи русской литературы, ограничивая эту дѣятельность первымъ періодомъ, т.-е. до *Грозы* включительно, такъ какъ въ это время его талантъ выразился наиболѣе цѣльно, опредѣленно и художественно. Какъ основаніе выводовъ, мы рекомендовали бы изъ его сочиненій только пьесы, рисующія *жизнь народа:* „Семейная картина“, „Бѣдность не порокъ“, „Свои люди“, „Не въ свои сани“, „Не такъ живи“, „Въ чужомъ пиру“ и „Гроза“, пьесы же съ содержаніемъ *изъ жизни средняго класса* — „Бѣдная невѣста“ и „Доходное мѣсто“, мы отнесли бы къ внѣклассному чтенію при изученіи драмы. Воспользовавшись критиками Дружинина (VII т.) и *отчасти* Ап. Григорьева, на которыя ученикамъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, указать, приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) Островскій, стоя особнякомъ отъ такъ называемыхъ писателей западниковъ, напр., Тургенева, вноситъ въ литературу новое содержаніе — непосредственное изображеніе народнаго, преимущественно купеческаго, быта, не только въ однѣхъ чертахъ отрицательныхъ, но и *положительныхъ*, *симпатичныхъ*, усматривая эти черты даже тамъ, гдѣ онѣ затемняются сторонами несимпатичными, дурными (Любимъ Торцовъ, Андрей Брусковъ, Русаковъ, Бородкинъ, Митя, Кулигинъ, Любовь Гордѣевна, Авдотья Максимовна, жена Торцова, Катерина). При этомъ его *самодуры* не столько злы, сколько наивны и смѣшны, и нерѣдко терпятъ за свое же собственное недоуміе (Большовъ). На эту симпатичную черту Островскаго — всегда выискивать въ человѣкѣ хорошее, человѣческое, какъ бы низко онъ ни палъ, и изображать народъ безъ глумленія надъ нимъ и безъ излишней сентиментальности, — слѣдуетъ обратить особенное вниманіе учащихся.

2) Являясь изобразителемъ русскаго народа вообще, во всей непосредственности его невѣжества и нетронутой образованіемъ натуры („Не такъ живи“, „Гроза“), поэтъ показываетъ весь вредъ *полуобразованія*.

3) Островскій — создатель нашей національной драмы; но его пьесы, по большей части, не столько драмы въ европейскомъ смыслѣ этого слова, подобно Шекспиру, Шиллеру или Мольеру, сколько эпическія драматизированныя картины русскаго, преимущественно народнаго, купеческаго или мелкочиновничьяго быта [1]).

[1]) Пособія: книжка Крампа «Русскіе писатели для школъ. Выпускъ 2. «Тургеневъ» (Изд. «Невской библіотеки»), Евстафіевъ «Новая русская литература» (Островскій, Гончаровъ, Тугеневъ); разборъ романа «Обыкновенная исторія» у Бѣлин-

XIII.

Письменныя работы.

Въ заключеніе обзора занятій въ гимназіяхъ словесностью скажемъ еще нѣсколько словъ о письменныхъ работахъ, или такъ называемыхъ сочиненіяхъ, составляющихъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ курса и служащихъ, особенно въ началѣ, нерѣдко чистымъ истязаніемъ для учениковъ. Не считая нѣсколькихъ статей, разбросанныхъ въ разные годы по педагогическимъ журналамъ, сдѣлано у насъ для руководства по этой части чрезвычайно мало. *Письменныя упражненія* и *Стилистическія задачи* г. Гаврилова, въ свое время, кажется, единодушно осужденныя педагогическою критикою за бездарную попытку воскресить старинную семинарскую схоластику, переводъ извѣстныхъ *Темъ и плановъ для сочиненій* Холевіуса, хотя и мало примѣнимыхъ къ русской школѣ, но все-таки изъ 114 плановъ представляющихъ нѣкоторый матеріалъ для учителя, выдержавшій уже нѣсколько изданій *Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій* С. Весина (125 темъ) и, наконецъ, перепечатка изъ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1880 г. *Методъ веденія сочиненій въ старшихъ классахъ гимназій* Е. Бѣлявскаго (Москва, 1881 г., ц. 50 коп.),— вотъ, кажется, и все, что даетъ для руководства учителю наша педагогическая литература. Изъ всѣхъ этихъ книжекъ только послѣдняя, написанная опытнымъ учителемъ, проводящимъ все предлагаемое имъ на практикѣ, живая, чуждая схоластики, связывающей творческую способность учениковъ, и практически преслѣдующая только вполнѣ возможное, посильное, можетъ, по нашему мнѣнію, съ большою пользой служить руководствомъ преподавателю словесности. Эту книжку и беремъ мы за основаніе руководства письменными работами, отсылая за подробностями къ ней самой, тѣмъ болѣе, что за обстоятельнымъ разсмотрѣніемъ самаго метода преподаватель найдетъ въ ней около двухсотъ разнообразныхъ примѣрныхъ темъ. Указаніемъ важнѣйшихъ ея положеній съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ и нашихъ собственныхъ мы и ограничимся.

Совершенно справедливо замѣчая, что описаніе сочиненій, какъ требующее уже большого навыка въ языкѣ и извѣстной умственной зрѣлости, въ младшихъ четырехъ классахъ рановременно, авторъ предлагаетъ начать эти занятія *только съ пятаго* класса. Это вполнѣ

скаго и другія книги, названныя выше въ примѣчаніи на стр. 92 (Острогорскій, Ивановъ, Левенфельдъ, Чернышевъ, Дистерло, Ор. Миллеръ). *Ред.*

согласуется и съ нашимъ планомъ, по которому къ этому классу мы требуемъ отъ учениковъ только связнаго письменнаго изложенія содержанія прочитаннаго.

Отвергая предлагаемыя многими преподавателями, увлекающимися нѣмецкими методиками, для начала занятій сочиненія, безсодержательныя и трудныя для учениковъ описанія небольшихъ, незначительныхъ предметовъ или ихъ частей, составленіе искусственныхъ періодовъ, какъ непроизводительный, пріучающій къ фразерству наборъ словъ, равно какъ и переводы съ иностранныхъ, особенно древнихъ, языковъ[1]), Г. Бѣлявскій совѣтуетъ начать въ пятомъ классѣ *съ описанія зданій общественныхъ*, напр., церковь (стр. 5—9). Не гонясь за большимъ числомъ сочиненій въ ущербъ ихъ солидности въ планѣ и содержаніи, онъ предлагаетъ всю первую четверть года ограничиться только чтеніемъ описательныхъ образцовъ и составленіемъ ихъ плановъ на доскѣ, съ которой послѣдніе списываются учениками въ тетрадь. По этимъ планамъ подробно разсказывается содержаніе статей, и ученики незамѣтно пріучаются къ послѣдовательному изложенію и къ пониманію соразмѣрности частей и ихъ связи. Такъ проходится по хрестоматіи Басистова, ч. II, планы *классной комнаты* Л. Толстого, *квартиры Обломова*, *Севильскаго собора* Боткина, и только послѣ обстоятельнаго разбора этихъ статей предлагается первое сочиненіе, непремѣнно по заранѣе обдуманному учениками и одобренному учителямъ плану, напр., описаніе ближайшей къ дому ученика церкви или другого общественнаго зданія. На сочиненіе полагается мѣсяцъ. Черезъ двѣ недѣли отъ дня заданія темы ученики представляютъ планъ, который и разбирается въ классѣ, и черезъ слѣдующія двѣ — самое сочиненіе, возвращеніе котораго, уже исправленнаго учителемъ, сопровождается весьма производительной общей классной бесѣдой[2]). Затѣмъ составляются планы статей, описывающихъ *мѣстность* (Нижегородская ярмарка, гр. Соллогуба, Пятигорскъ, Лермонтова, садъ Плюшкина) *явленія природы* (Гроза, Тургенева, Гроза, гр. Толстого) наконецъ *животнаго* (Лебедь, Аксакова). По образцамъ, разобраннымъ въ классѣ, предлагаются на подходящія темы и сочиненія, которыхъ за годъ въ пятомъ классѣ, принимая во вниманіе, что на чтеніе плановъ, отобраніе отъ учениковъ и возвращеніе сочиненій уйдетъ всего не менѣе 15—20 уроковъ, г. Бѣлявскій полагаетъ давать не болѣе *пяти*, и только *описательныхъ*. Совершенно соглашаясь какъ въ выборѣ, такъ

[1]) Любопытную критику употребительныхъ этихъ методовъ см. стр. 53—60

[2]) Въ книжкѣ учитель найдетъ подробныя указанія относительно размѣра сочиненія, формы, подачи, исправленія учителемъ и возвращенія.

и числѣ темъ съ почтеннымъ авторомъ, мы присоединили бы къ нимъ еще *характеристику лица* изъ разобраннаго въ классѣ или обязательно прочитаннаго учениками романа, повѣсти или разсказа. Великолѣпныя характеристики: музыканта Лемма (Дворянское гнѣздо, Тургенева), Онѣгина, Татьяны, Тараса Бульбы и др., разсмотрѣнныя въ классѣ, а также и указанія, какъ собирать черты лица, разбросанныя по цѣлому произведенію, дадутъ ученикамъ матеріалъ тѣмъ болѣе производительный, что подобныя темы заставятъ ихъ особенно внимательно вчитываться въ художественныя произведенія.

Съ VI класса, когда уже ученики набили руку на описаніяхъ, а путемъ чтенія и прохожденія большей части теоріи словесности пріобрѣли извѣстное развитіе и знакомство съ литературой, можно приступить къ *разсужденіямъ*, опять-таки не прямо, а посвятивъ первый мѣсяцъ на составленіе обстоятельныхъ плановъ чужихъ разсужденій изъ помѣщенныхъ въ хрестоматіи. Кромѣ указанныхъ г. Бѣлявскимъ, *Предисловіе*, Карамзина, *О любви къ отечеству*, *О счастливѣйшемъ времени жизни*, мы полагали бы необходимымъ разсмотрѣть въ классѣ еще *Различіе между науками и искусствами* Павлова, какъ имѣющее особое отношеніе къ курсу словесности. Не безполезно предлагать ученикамъ старшихъ классовъ составлять планы и самимъ, безъ помощи учителя, по статьямъ критическимъ, а затѣмъ требовать связнаго устнаго изложенія по этимъ планамъ. Что касается темъ для сочиненій ученическихъ (въ годъ не болѣе семи или восьми), то г. Бѣлявскій полагаетъ въ VI классѣ ограничиться болѣе подходящими къ силамъ учениковъ и имѣющемуся у нихъ матеріалу, такъ сказать, *переходными* отъ описаній къ разсужденіямъ, напр., *значеніе лошади, собаки, удобства городской и деревенской жизни, польза путешествій*, также темами сравнительными и характеристиками по литературнымъ произведеніямъ. Такихъ примѣрныхъ темъ приведено у него до сорока. Къ числу темъ для VI класса отнесли бы мы также *описаніе картинъ*, напримѣръ, изъ находящихся въ Академіи, Эрмитажѣ, на выставкахъ или имѣющихся у учениковъ дома, а также и составленіе программы *воображаемой* картины. Конечно, послѣдняя тема можетъ быть предложена только ученикамъ нѣсколько талантливымъ, обладающимъ нѣкоторой фантазіей.

Въ VII и VIII классахъ авторъ дѣлитъ темы, которыя всегда должны быть предварительно разработаны въ планѣ, на три рода. *Отвлеченныя* — по вопросамъ жизни и нравственности (напр., польза и вредъ чтенія, о вредѣ праздности). Имъ онъ совершенно справедливо придаетъ высокое воспитательное значеніе. „Эти темы служатъ, обыкновенно, предметомъ размышленія учениковъ: объ этихъ вопросахъ съ ними нерѣдко говорятъ и дома — родители и наставники, и въ классѣ — учителя и воспитатели, такъ что рѣшеніе этихъ вопросовъ рано обращается у нихъ въ нѣкоторое убѣжденіе; что можетъ быть естественнѣе, какъ дать ученику трудъ внимательнѣе анализировать эти убѣжденія? Учитель тутъ стоитъ лицомъ къ лицу съ нравственными убѣжденіями воспитанника, съ его міросозерцаніемъ, которыя, къ сожалѣнію, иногда бываютъ извращены дурнымъ домашнимъ воспитаніемъ, дурною обстановкою. Нѣсколько теплыхъ убѣдительныхъ словъ, мнѣніе лучшихъ товарищей могутъ глубоко подѣйствовать на ученика, объединяютъ самое его міросозерцаніе, дѣлаютъ его лучше, благороднѣе. Самый матеріалъ для такихъ темъ можетъ ученикъ почерпнуть только изъ своей жизни, опыта и размышленія, не будучи въ состояніи заимствовать чужого плана, и хотя примѣры для подтвержденія своихъ мыслей и можетъ заимствовать изъ всѣхъ извѣстныхъ ему наукъ, но основа плана все-таки должна быть придумана самостоятельно и быть строго логической. Такимъ образомъ отвлеченныя темы — лучшее средство для укрѣпленія учениковъ въ формальной разработкѣ сочиненія и для пріученія къ самостоятельности“ (стр. 47).

Къ этимъ прекраснымъ словамъ можемъ прибавить, что подобныя темы можно связывать также и съ произведеніями литературы, напр.: *Почему Онѣгинъ не можетъ назваться полезнымъ членомъ общества и государства, а также и быть счастливъ самъ? Почему погибъ художникъ Чартковъ* („Портретъ“ Гоголя)? *Почему порокъ не только безнравственъ, но часто и не выгоденъ* (Ревизоръ, Свои люди, Недоросль, Чичиковъ, Макбетъ)? *Что заставляетъ насъ считать Маркиза Позу, Шиллера, личностью высоко идеальною?* Такихъ темъ, очень важныхъ въ воспитательномъ отношеніи, литература, и наша и иностранная, даетъ множество.

Можно также предлагать и темы *историческія*, куда относятся и историческія характеристики, по образцу помѣщенной у Галахова статьи — Людовикъ IX, и *литературныя*.

Для темъ литературныхъ, которыя, подобно историческимъ и отвлеченнымъ, въ родѣ указанныхъ нами, могутъ быть и предметами литературныхъ бесѣдъ, хорошій матеріалъ даетъ книга Эккардта *Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій*, вопросы котораго, умѣло отобранные въ извѣстную группу подъ руководствомъ учителя, могутъ прямо указать ученику, что именно онъ долженъ искать въ произведеніяхъ для своей темы. А темы, извлеченныя изъ Эккардта, могутъ быть, напр., слѣдующихъ родовъ: 1) связь произведенія съ жизнью

автора или съ исторической эпохой; 2) отношеніе произведенія къ источнику, откуда онъ заимствованъ; 3) контрасты двухъ характеровъ или литературныхъ произведеній (сходство, различіе); 4) субъективная или, вообще, біографическая сторона произведенія по отношенію къ автору; 5) трагическій или комическій элементъ драматическаго произведенія; 6) пьеса со стороны ея построенія; 7) изображеніе по произведенію извѣстной эпохи; 8) выраженіе въ произведеніи характера и направленія писателя, въ связи съ исторіей литературы.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ сочиненій старшихъ классовъ. Самыхъ темъ мы почти не указывали, такъ какъ онѣ всегда зависятъ отъ состава класса, и уже дѣло самого учителя избрать ихъ примѣнительно къ курсу.

XIV.

Заключеніе.

Письменными работами заключаемъ наши бесѣды. Эти бесѣды покажутся, можетъ-быть, слишкомъ *общими, краткими;* но болѣе всего мы имѣли въ виду гг. преподавателей, а для нихъ понятно указываемое нами и безъ особыхъ разъясненій, — наконецъ, вездѣ мы ссылались на имѣющіяся пособія и, не претендуя на оригинальность, только старались пользоваться тѣмъ, что уже сдѣлано въ области преподаванія словесности другими. Бесѣды наши сочтутъ, можетъ-быть, слишкомъ *идеальными, не исполнимыми на практикѣ,* — но неужели же довольствоваться тѣмъ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находится въ нашей школѣ литературное образованіе, не искать лучшаго, не напоминать о высокихъ задачахъ такого важнаго учебнаго предмета, о которыхъ у насъ такъ часто забываютъ къ великому вреду и учащагося юношества, и цѣлаго общества, и государства, членами и дѣятелями коихъ это юношество должно стать въ ближайшемъ будущемъ.

Вѣдь лишая нашихъ дѣтей правильнаго этико-эстетическаго образованія, мы отнимаемъ у молодежи возможность пріобрѣсти благородное душевное настроеніе съ чутьемъ зла и добра, съ любовью къ этому добру, съ стремленіемъ къ идеалу, безъ него же нѣтъ будущаго ни для отдѣльнаго человѣка ни для государства, а есть только одна настоящая жизнь минуты, — жалкое прозябаніе, при которомъ человѣкъ или посягаетъ съ тоски на собственную жизнь, или, махнувъ рукой на все, не разбирая средствъ къ пріобрѣтенію денегъ, отдается картамъ, вину и разврату. Конечно, одинъ школьный предметъ, какъ словесность, не спасетъ нашихъ дѣтей отъ соблазновъ времени и не можетъ сформировать характеръ; но что серьезное литературное образованіе въ весьма значительной степени способствуетъ развитію въ воспріимчивой юной душѣ благородныхъ идеальныхъ стремленій и нравственной порядочности, — въ этомъ, полагаемъ, сомнѣнія быть не можетъ. Что же касается неисполнимости нашихъ требованій на практикѣ, то еще — вопросъ, такъ ли они въ самомъ дѣлѣ неисполнимы, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Наконецъ, если бы наши *благія желанія* хотя только заставили гг. педагоговъ задуматься серьезно и изъ всѣхъ нашихъ желаній осуществились въ школѣ, на дѣлѣ, хотя бы нѣкоторыя, — мы сочли бы себя счастливыми.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.
I. Понятіе о словесности, какъ учебномъ предметѣ. — Въ чемъ должно выразиться литературное образованіе оканчивающаго гимназическій курсъ? 5
II. Общія и спеціальныя требованія отъ преподавателя русскаго языка и словесности 11
III. Методъ преподаванія словесности. — Требованія отъ ученика при переходѣ въ V классъ 17
IV. Выразительное чтеніе прозы и стиховъ 22
V. Изученіе наизусть стихотвореній 33
VI. Внѣклассное чтеніе младшихъ четырехъ классовъ. Классная библіотека 36
VII. Теорія словесности вообще и пособія 52
VIII. Планъ теоріи словесности 55
IX. Продолженіе плана теоріи словесности 68
X. Изученіе наизусть художественныхъ произведеній въ старшихъ классахъ 72
XI. Внѣклассное чтеніе и литературныя бесѣды 75
XII. Обзоръ исторіи русской литературы 87
XIII. Письменныя работы 104
XIV. Заключеніе 108